

Леонид СЛОВИН
ТЕННИСНЫЕ МЯЧИ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ
[М.: Молодая гвардия, 1989]

I. ПРОФИЛЬ НА СКАЛЕ

- Ланц? — Причёсанная модно женщина-регистратор в Доме творчества раскрыла книгу-алфавит. — Как вы ещё сказали?
- Возможно, Ланцберг... Любая похожая фамилия.
- Здесь все на «л». — Она провела пальцем. — Лааксо, Лебедевы муж с женой, Львовский, Львова, Льдова, Лызлов, Лагины... Он член творческого союза?
- Не знаю. — Денисов покачал головой. — Вообще-то пишет. У меня с собой его рукопись.
- Сейчас пишут многие. Когда он мог быть у нас?
- Предположительно в конце апреля.
- Москвич?
- Не могу сказать. По выговору — южанин.
- Впервые с начала разговора она подняла глаза, внимательнее, привыкшие к выражению вежливого участия.
- Где он приобрёл путёвку? В Литфонде?
- Не знаю. Может иметь отношение к Туве.

- Весной часть путёвок реализуется на Украине.
- Какой у вас порядок? Предъявление документа обязательно?
- Непременно.
- А если забыл паспорт? Или на выписке?
- Решаем в каждом конкретном случае.
- Сами?
- Только руководство. Вы из милиции, не мне объяснять.

Она слегка коснулась причёски. Пока разговаривали, не позволила себе расслабиться или уменьшить избранный ею вначале уровень напряжённого внимания.

- Не помните таких случаев?
- В этом году? Нет!
- Отдыхают только работники творческого союза? — Денисов не мог подступиться.
- Не только. Особенно в межсезонье. И шахтёры, и рыбаки.
- А писатели?
- В апреле не так много. Приезжают потом, с началом школьных каникул. — Она пояснила. — В других Домах творчества не берут с детьми. У нас же дети, внуки. Потому наплыв.
- Мог человек купить путёвку на стороне? Не писатель, не рыбак? Не шахтёр?
- В межсезонье — пожалуй.
- Примерно в то же время у вас находилась женщина — критик по детективу. Он упоминает о ней в рукописи.
- Отдыхали несколько критиков-женщин. Так правильнее. Только по детективу ли?
- Много отдыхающих?
- Одновременно двести восемьдесят пять. Заезд в течение двух дней. Это летом. Весной — двести тридцать пять. — Она вздохнула.
- Какой он из себя?
- У меня фотографии.

Денисов выложил на стол репродукции. «Ланц», как он именовал себя в рукописи, был сфотографирован с относительно небольшого расстояния, однако черты лица казались смазанными, глаза ни на одном из снимков не были направлены в объектив.

— Не знаю. — Снимки произвели явно неблагоприятное впечатление. Её насторожённость удвоилась, если не утроилась. — Как он был одет?

- В Коктебеле? Затрудняюсь сказать. Вообще же одевался хорошо. Он шатен, среднего роста. Выговор южный.
 - Может, действительно с шахт? Здесь много. Кривой Рог, Макеевка... Он был один?
 - Полагаю, вместе с женщиной.
- Она оживилась.
- Фамилию знаете?
 - Нет.
 - Тогда как же?

— У входа в корпус, где она жила, два кипариса... — Кроме всё той же рукописи Ланца, Денисов не располагал другими материалами. Играет в теннис. Была за границей. В Париже, в Греции. Возможны какие-то туалеты...

— Здесь это ни о чем не говорит. — Подъем её сразу угас. — Потом убедитесь. А кипарисы у нас по всей территории. Кипарисы, лох узколистный, орех.

— Ещё: мужчина, видимо, уехал раньше срока. Надо посмотреть, кто из апрельских не остался до конца.

Она покачала головой.

— Обычно не интересуюсь. Некоторые даже не ставят в известность, что уезжают.

— А как же в столовой?

— Все равно накрывают. Ещё несколько дней.

В дверь заглянул кто-то из отдыхающих.

— Сейчас, — сказала регистратор, — только поговорю с товарищем.

Дверь закрылась.

— Есть ещё зацепка. Женщину, возможно, зовут Анастасией. Ей около сорока. Носит очки.

— Попробую узнать. А пока... Вы были в пансионате «Голубой залив»? Это сразу на набережной. У моря.

— Нет.

— Ещё есть турбаза. Узнайте там. Вы остановитесь у нас?

— Пока не знаю.

— Я постараюсь поспрашивать. Сможете оставить фотографии?

— Да. У меня их несколько.

— Из-за этого вы приехали из Москвы?

— Да.

— Зайдите вечером. Или завтра с утра. Походите... — Регистратор неожиданно смягчилась. — Многие в течение лета приезжают к нам дважды. Дробят отпуска. Может, вы встретите его на набережной. На пляже.

Денисов поблагодарил, пошёл к дверям.

Пока они разговаривали, в тёмноватом, отделанном плиткой холле собралось несколько отдыхающих, один — высокий, с цепочкой на шее, раздражённо взглянув на Денисова, энергично шагнул к регистратуре.

— Разрешите... — Входя, он как-то вдруг согнулся, решительность его сразу исчезла.

«Если человек боится войти к регистратору, — подумал Денисов, — как он пишет?»

На асфальтовой площадке перед входом было настоящее пекло. Солнце стояло высоко. С теннисного корта доносились тугие щелчки.

Высохшие листья ириса вдоль аллей были жёлтыми. Мимо огромного транспаранта «ТИХО! РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ!» в шортах, затейливых майках, с амулетами на шнурках шли молодые, и кто-то тревожно-нетерпеливо совсем рядом стучал по неисправному телефонному аппарату.

— В сущности, все эти опусы от имени Ланца, — заметил литконсультант Союза писателей, знакомившийся с рукописью в Москве, — суть эссе, произведения особого жанра, сочетающего подчёркнуто индивидуальную позицию автора с непринуждённым, зачастую парадоксальным изложением. Стоят ли за каждым описанным эпизодом реальные события, трудно сказать. Скорее, да. Хоть не исключено обратное...|

Денисов, приехавший вместе со следователем в особняк у Крымского моста, словно попал на урок литературы — снова «образы главных и второстепенных героев», «изобразительные средства», «язык персонажей»...

— ...Палитра автора весьма тускла. В манере отсутствует определённая авторская отстранённость, отбор материала. Записи стилизованы под дневниковые. Не исключено, что они таковыми и являются...

Это было весьма важным.

— Использованный приём требует, однако, известного мастерства — так называемый «поток сознания». Думаю, что сейчас сделано это все же непрофессионально, даже, извините, графомански. Если же говорить о тематике... Эссе легко разделить на три группы: любовь, недовольство героя собой и ревность. По-моему, это главное.

— У нас такое же впечатление, — Королевский, следователь, легко соглашался. — Но чем объяснить? В почти документальных описаниях два географических пласта. Смотрите... — Он показал несоответствия.

Ланц писал:

«На шестах — тряпки, пустые консервные банки, конский волос — традиционная дань, собираемая неприязнительным тувинским небожителем. Окружающие горы отсюда, сверху, кажутся мягкими, мирными, одутловатыми, словно из резины. Между ними хорошо видно место, где Бий-Хем и Ка-Хем, сливаясь, дают жизнь Верхнему Енисею».

И рядом:

«Монолитный хребет заповедника впереди казался ещё совсем чёрным с едва заметными пробивающимися прожилками зелени. Чёткий профиль поэта на скале был виден издали. За первым монолитом поднимался второй, поросший лесом, и третий — скально-голый, с торчащей вершиной ромба...»

— В Туве нет ничего похожего, мы проверяли.

— Королевский следил за тем, как литконсультант выпутается из затруднительного положения.

— Никаких изображений поэтов на скалах. И дальше там, потом, — «кипарисы»...

Литконсультант — молодой человек в джинсовой куртке - дочитал до конца:

«...апрельский пейзаж оживал: ущелья становились глубже, вершины острее, кое-где начал появляться лес. Он рос на северных и северо-западных склонах, оставляя южные, наименее влажные, голыми. Гряда за грядой, как стадо наполовину остриженных овец, горы бежали к Тодже...»

— Скорее всего, это приём. Перенесение места действия. Географические названия напечатаны везде с разрядкой. Видите? — Он показал. — Мне кажется, я знаю, о каком месте идёт речь. — Молодой человек поднялся, присел на край стола. — Оно в Крыму.

— А «чёткий профиль поэта?» — спросил следователь.

Литконсультант подумал, прочитал нараспев:

— «Мой стих поёт в волнах его пролива, и на скале, — он голосом выделил важное, — замкнувшей зыбь залива, судьбой и ветрами изваян профиль мой...» Ещё помню! — Он сам удивился этому обстоятельству. — Максимилиан Волошин, одна тысяча девятьсот восемнадцатый год!... — Литконсультант взглянул на Королевского, ничего не значащим взглядом скользнул по лицу оперуполномоченного. Денисов в разговоре не участвовал, сидел молча, не нарушая прерогатив следствия. — Это посёлок Планерское, в Крыму, на берегу моря. В быту — Коктебель. Вид на заповедник с горы Волошина, а на другой стороне бухты — Карадаг. Гора Святая. Изгибы скалы напоминают издали профиль Волошина. Вообще же Коктебель — модный курорт.

— Большой наплыв отдыхающих?

— Лет десять назад, рассказывают, отдыхало тысяч сто пятьдесят ежегодно. Там Дом творчества писателей.

— Я знаю. Но нам необходимо установить личность автора эссе. — Королевский воспользовался термином. — Других зацепок нет. Оперуполномоченный, — он показал на Денисова, и литконсультант впервые тоже внимательно посмотрел на Денисова, — по всей вероятности, вылетит в командировку. Уже сегодня...

Разговор Денисова в пансионате «Голубой залив» шёл в целом по тому же образцу, что и в Доме творчества. На турбазе Денисова попросили зайти через час.

В промежутке он сделал несколько заходов в торговые точки — здесь результаты тоже оказались малоутешительными.

Видавший виды расторопный парень в гриль-баре мучительно тяжело всматривался в Денисова, соображал, что тому в действительности нужно.

Иногда поглядывал на фотографию Ланца.

— Что он сделал? — добивался бармен. — Я всю эту шпану знаю. Каждый вечер тут сидят. — Он махнул рукой на колесо от брички сбоку, на стене, против стойки. — Он художник?

Из стереомагнитофонов над баром звучала тихая мелодия, помещение было затемнено, столики все, как один, пусты.

— Может, освежиться хочешь? — предложил бармен. — Коллекционное шампанское. За знакомство, а?

Оперуполномоченный отклонил предложение.

Солнце стояло уже высоко.

С вершины, от могилы Волошина, посёлок на берег казался небольшим, захолустным, утопающим в зелени несколько многоэтажных зданий — пансионат, турбаза — стояли особо. Вдоль бухты тянулась набережная с домом-музеем поэта; по другую сторону музея располагался Дом творчества.

Денисов прошёл дальше, к одинокому камню на могиле поэта, скинул куртку. Крошечный электронный будильник, с которым он не расставался, коротко пискнул в кармане, обозначив завершение часа.

На море был полный штиль, но воздух не казался прозрачным — в нем словно таяли бесчисленные частички песка.

Далеко внизу еле двигался к причалу катер — тонкая белая стрелка впереди.

Денисов достал из пакета ксерокопию рукописи, он постоянно вчитывался в неё, стараясь обнаружить второй скрытый смысл. Однако для работников уголовного розыска материала в ней было немного:

«Не разделённый отточиями непрерывный, как дождь, авторский монолог... — Денисов сам потом разделил его на короткие главки. — «Поток сознания»?»

«Если бы она любила тебя, разве захотела бы, чтобы ты уехал отсюда раньше срока?! Разве «любить» не значит желать быть вместе, видеть друг друга?! Так просто! Пойми, безумец! Посмотри на часы. Сейчас её тоже нет — у неё своя жизнь, своя компания. Давай же оправдывай её! Скажи, что в эту минуту она тоже смотрит на часы, скучает. Ты думаешь, что разжалобишь её сердце, когда она вернётся, увидит, как ты сидишь без огня один в темноте. Услышит твой голос... Пойми! Не будет этого!»

«Господи!...» — сказала она внятно. Ей тяжело со мной, хотя при этом она ни разу не сорвалась, не упрекнула. Только не берет за руку, отодвигается, когда касаюсь её. И снова: «Не целую, не беру за руку. Значит, не могу. Не это главное. Решай, как тебе легче. И не рассказывай о своём комплексе. Самоуничужение паче гордыни».

«Она пришла, села рядом. Тихо. Темно. «Почему ты просишь, чтобы я уехал?» — «Боюсь поссориться. Ты не выдержишь, Ланц. Я люблю тебя. Сегодня. У меня никого нет. Был муж, теперь ты. Может, даже ты любишь меня сильнее, чем он!» И так каждый вечер... Ушла раньше, хотела поспать перед теннисом».

«Анастасия! Такою я всегда представлял себе женщину, с которой проживу всю жизнь. Поэтому я полюбил её в первый же час...»

Денисов отложил рукопись. По другую сторону бухты поднимался скалистый монолит, там был заповедник. В красках Карадага преобладали густые жёлтые тона.

Ночной перелёт из Москвы в Крым давал о себе знать. Денисов представил вдруг полутёмную площадь и освещённый аэровокзал в Симферополе, снующие в ожидании регистрации пассажиры, не спящие под утро дети; ночной южный базарчик — астры, гладиолусы, персики...

Воздушной милиции было не до коллег — Денисов сразу понял: задержка рейсов, дел невпроворот. В третьем часу с «леваком» добрался до Феодосии, к автовокзалу. Часа через полтора пустым автобусом в Планерское...

Он вернулся к рукописи. Тот, кто называл себя «Ланцем», писал:

«...За первые четыре дня я узнал больше, чем за все предыдущее наше знакомство, увидел рифы, о которых не подозревал. Началось с профессора, специалиста по исландской литературе, и его очаровательных аспирантов, которые сразу же потеряли от неё головы. Ещё — сын известного поэта. Кинодраматург. Очаровательная женщина — критик детектива — выбрала её своим партнёром по теннису. Я почувствовал себя бесцветным и таким ненужным».

«Кажется, что все быстро идёт к разрыву. Не о чем говорить, ничто не связывает. После ужина она рано уходит спать. Я приношу ей второе одеяло. В её жизни для меня нет места. Мои разговоры — продолжение, в сущности, одной и той же надоевшей темы — когда, почему и как она охладела ко мне. Из Печорина я быстро превращаюсь в Грушницкого...»

На тропинке послышались голоса — к могиле поднимался целый отряд, человек не менее тридцати. Экскурсия. Женщина, первая вступившая на вершину, задохнулась от подъёма, сделала шаг, чтоб оказаться дальше от кручи.

Денисов оставил рукопись. Утро и этот первый день, казалось, не знали конца.

С автостанции в Коктебеле он первым делом отправился разыскивать коллег.

Отделение милиции в Коктебеле помещалось в одноэтажном сумрачном здании, в центре посёлка. Перед входом белели стены недостроенного помещения — новая дежурка с металлической клеткой-сейфом для оружия. Судя по отсутствию строительного мусора, возведение дежурки продолжалось с перерывами, «хозяйственным способом», уже давно.

Внутри было тихо, никто его не ждал, до прихода руководства заходить было бесполезно. Денисов постоял, разглядывая фотографии разыскиваемых Крымским областным управлением. Вор. Убийца. Расхититель. У расхитителя было пухлое лицо, толстые губы, он обвинялся в растрате в особо крупных размерах.

Денисов прошёл на берег. На рассвете пляжи были чисты, открыты. Прежде чем что-либо предпринять, Денисов предпочёл выспаться; лёг, подстелив куртку на деревянный топчан. Проснулся уже около семи. По набережной прошла поливальная машина, появились первые любители бега.

В отделении милиции, у входа, за низкой перегородкой, рядом с дежурным сидела женщина в халате, в платке, что-то писала. Когда Денисов вошёл, женщина нагнула голову, натянула платок, скрывая, видимо, синяк или синяки — следы побоя.

Дежурный — старший лейтенант — взял у Денисова удостоверение, быстро вернул:

— Начальник уехал в Судак. В райотдел.

— Вернётся?

— Лымарь? После обеда. Или к вечеру.

— Заместитель?

— Старший опер здесь. Пашенин. Ваш коллега. — Дежурный показал на дверь по другую сторону небольшой дежурки.

Старший оперуполномоченный оказался сверстником — рыжеватым, с веснушчатым длинным лицом; особого интереса к коллеге он не проявил — факт, который Денисова скорее удивил, чем расстроил: первый раз у него не сложились отношения с коллегой.

Пашенин молча вернул удостоверение, кивнул, когда Денисов сказал по поводу устройства.

— Постараемся. — У него был негромкий глуховатый басок.

— Телекс наш получили? Из транспортной милиции.

— Был.

— Как у вас? Тихо?

— Держимся. — Он замолчал.

Разговора не получилось, Денисов так и остался стоять, куртку он держал в руке — жёстко перехватив у воротника.

Хотел спросить о горе Волошина, но раздумал:

— Зайду позже.

Сверстник важно кивнул.

— Мне нужно оставить сумку. Оружие.

— Дежурный положит в сейф.

Будильник в кармане коротко пискнул. Денисов взглянул на часы, на бухту. Пора было спускаться

Голосов на тропинке больше слышно не было. Поднявшиеся к могиле стояли под ложной оливой лицом к морю.

Денисов заглянул в рукопись скорее по привычке:

«О чем ты сейчас думаешь?» — спрашиваем мы каждую минуту друг друга, как дети. «Мне страшно, что все кончится! — сказала она однажды. — Не бросай меня! Я знаю: у меня ужасный характер! Я тяжёлая ноша!» Я вспоминаю Отчий дом, сердечность и постоянную теплоту наших отношений! Возможно, настанет день, когда на её — «Я люблю тебя сегодня!» я смогу ответить: «Я люблю тебя вчера!»

«Мы идём в горы. Разговор не ладится. Я чувствую её злость за то, что все ещё здесь, за то, что мешаю. Садимся у камня, стелю куртку. Мы смотрим в небо. Плывут облака. Тишина. И все снова хорошо. Какое счастье встретить тебя!»

Денисов взглянул вниз. По-прежнему белой лентой тянулся прибой. Высвеченные солнцем волны казались сверху неподвижными, тяжёлыми, будто отлитыми из золота, навсегда замершими в всплеске. Ближе к подножию, на краю, виднелся платный автокемпинг — аккуратные машино-места, расцвеченные палатками; он тоже упоминался в рукописи.

Идти в регистратуру было рано.

Денисов нашёл место на скамье, против причала. Отсюда были видны два ориентира — профиль Волошина на спускающемся к берегу монолите и могила под одиноким деревом на вершине. Скамья была длинной. Несколько женщин пенсионного возраста вязали, переговариваясь между собой; молодой мужчина объяснял мальчику, очевидно, сыну:

— В жизни, старик, человек — либо единица, либо ноль!

Пенсионерки одобрительно смеялись.

Пекло солнце. На развале, в тени, торговали журналами, украшениями из прессованной кости и гипса. Море было спокойным. За оградой, на узком пляже, было полно людей.

Денисов закрыл глаза, почувствовал, как проваливается. Так бывало с ним всегда: он плохо держал сон. В последнюю секунду, прежде чем уловил приближающуюся собственную бесплотность, ватность мускулов, успел сесть покрепче.

Он открыл глаза минут через пять. Вокруг ничего не изменилось, по-прежнему, не переставая, во всем пляжном шли мимо люди, покупателей журналов на развале было так же много, как и несколько минут назад. Отец на скамье выговаривал сыну:

— Взрослые не любят, мой друг, когда им говорят об их недостатках. Они хотят, чтобы чаще напоминали, какие они красивые и умные...

Денисов больше не пробовал уснуть — только раз можно было сбросить сон и почувствовать себя свежим; при повторе это превращалось в долгую непоборимую дремоту.

— ...Взрослые, старик, те же дети!

Денисов вспомнил племянника; когда жена с дочерью провожали его к электричке, девятилетний сын сестры попросился с ними. В Подмоскovie, как все эти дни, лил дождь Дорога к станции была безлюдной.

— Привези мне красного кедра, Денисов, — сказал племянник, — думаю покраситься индейцем, а краску добывают только из него. — Он должен был проводить Лину с Наташей назад и очень гордился своей ролью. — Как смотришь?

— Идея хорошая, — подумав, одобрил Денисов.

Жена сказала:

— Блестяще совершенно.

«Лина и не представляет, как здесь сегодня...» — Он подумал, что к вечеру попробует дозвониться.

— Посторонитесь! — по аллее, почти рядом со скамейкой, ехал мотоцикл с тележкой. У продавщицы винограда начала быстро выстраиваться очередь.

«Не пробовали, читая, скажем, «Войну и мир», — спросил у Королевского на прощание литконсультант, — определить, кому из персонажей Толстой дал больше черт собственного «я»? Никогда? — Он дал время подумать, Королевский и Денисов молчали. — Болконскому? Пьеру Безухову? Может, старому князю? Я говорю об этом, потому что вас должно заинтересовать. Есть произведения, в которых виден персонаж, но автор не виден. Это касается не только классики. И есть вещи, где героев не видишь, зато видишь писателя. Я не говорю об автобиографических произведениях, нет! Просто автор все, напрямую, отдал герою. И вы можете сказать про писателя — какой он? Счастливый, грустный? Есть у него родители, дети? Как к ним относится? По некоторым книгам можно сказать даже, что автор ел, когда писал такую-то страницу, какое у него настроение, что прочитал в газете. Бывает, что-то его поразило, и он вписал. Потом сообщение не подтвердилось, сенсация лопнула, а в книге осталось. Ваш автор и не пытается спрятаться за героя, это он и есть - Ланц, только меняет фамилию, места событий, а остальное все оставляет...»

Мысль Денисова двигалась упорно в привычном направлении, даже пока он спал. Как и тогда, в кабинете Союза писателей, он снова подумал:

«Переноса место действия из Крыма в центр Азии, неизвестно, как он поступил с реальными портретами персонажей...»

Выбора, однако, не было.

Мужчина, разговаривавший с мальчиком, вернул к действительности:

— Каково твоё мнение, старик? — спросил он. — По поводу акварелей, которые мы видели в музее почтенного Макса Волошина... — Разговор был насквозь фальшивым, только одни пенсионерки этого не чувствовали. Они явно получали удовольствие. — Ведь, если не считать тех двух, справа, которые нам понравились, все остальное выглядело довольно серо. Не так ли?

Транспарант, висевший в вестибюле турбазы, был более чем красноречив:

«В прошлом году на турбазе отдохнуло -

29890 человек из 399 городов.

Из них с 30 до 50 лет — 13043,

женщин — 17519,

мужчин — 12371,

Из Москвы — 15700...»

Меньше всего отдыхающих, заметил Денисов, приехало из Ферганы — 8 и из Лиепаи — всего 4 человека. Но именно эти города Денисова не интересовали.

— Разве запомнишь кого-нибудь! — Женщина в окошке не скрывала накопившегося в ней к концу сезона ожесточения. — Две с половиной тысячи одновременно. Да ещё в арендуемом секторе! Каждые десять дней заезд — до ста в день... — Позади в оконном проёме виднелись доски, на которых, как в табельной, на гвоздиках, висели жетоны, отмечающие места. — Алфавитный учёт не ведём. Где уж тут!

«Был бы он из Лиепаи!» — подумал Денисов.

— Приходите к старшему администратору, беседуйте. Сегодня его нет, он отдыхает.

— Разрешите позвонить?

Она вздохнула, все же подвинула аппарат. Денисов набрал номер.

— Слушаю. — В милиции трубку сняли не сразу — дежурный отходил.

Денисов назвался.

— Начальник приезжал?

— Нет.

— Звонил?

— Да. Я сказал, что вы в Доме творчества.

— Из Москвы не звонили? Никто не разыскивал меня?

— Нет. Никто.

— Все тихо?

— У нас?! — В отделении не было принято вводить чужих в курс собственных дел. — Порядок.

Центральная улица казалась пустой, большинство населения было на пляже, Денисов прошёл к рынку, никого почти не встретив; несколько мужчин и женщин — в шортах, в цветных майках — прошли по другой стороне.

Зато рядом с неказистым зданием почты, у междугородных автоматов, стояли люди. Автоматы были старой конструкции, изрядно побитые, почти каждый, кто звонил, кулаком помогал монете спуститься по монетопроводу.

Сбоку на дереве белели прикрепленные кнопками объявления:

«Лапун! Мы на старом месте...»

«Продаются три железнодорожных билета Феодосия - Минск...»

Одно — Денисова заинтересовало:

«Две путёвки. Проживание в отдельном двухместном номере. Желающих купить будет ждать высокий молодой человек в синей спортивной форме в субботу в 19.00 или в воскресенье в 8.30 у почты на лавочке...»

«Выходит, путёвку можно приобрести прямо здесь, в Коктебеле...» — подумал он.

В регистратуре Дома творчества он никого не застал, вышел на крыльцо. Асфальтовые дорожки были пусты, залиты солнцем; за ними стеной стояли деревья. Растопленный воздух не двигался.

— Товарищ Денисов? — Высокая, в белом халате женщина ступала осторожно, словно боялась надломиться. — Вам пропуск, — она подала красного цвета квадратную карточку, — на право прохода, в душ и на пляж. Сроком на четыре дня. Ещё это.

На листе, вырванном из школьной тетради, было написано:

«Звонили из милиции. Ночевать будете в финском домике. Деньги за ночлег и питание внесите в бухгалтерию. Насчёт того, о чём вы просили узнать, пока ничего нет».

Подпись была неразборчива.

— Бухгалтерия далеко? — спросил Денисов.

— Здесь, в административном корпусе. В домик можете сейчас пойти, отдохнуть. Пока будете жить один. В девятнадцать ужин. Не опаздывайте.

Дверь увитого плющом здания на набережной была открыта. Внутри находилась столовая — сумрачный приземистый зал. Большая часть мест была занята, в узких проходах между рядами сновали официантки.

По другую сторону небольшого вестибюля, позади гардероба, белая узкая лестница вела на второй этаж, в библиотеку.

— Первый раз? — Женщина у гардероба сразу обнаружила в Денисове постороннего, вызвала сестру-хозяйку.

Шустрая женщина с незагорелым скуластым лицом взяла у Денисова квитанцию, пошла впереди.

— Сюда, пожалуйста. — Место Денисова оказалось рядом с дверью на веранду; за столом, кроме него, должны были сидеть пятеро, все они отсутствовали. — Завтрак у нас в девять.

«Ей в первую очередь необходимо показать фотографию Ланца», — подумал он.

— Обед в четырнадцать. Приятного аппетита.

Думая о своём, он забыл поблагодарить.

На ужин подали рубленый шницель, желе. Порции были огромные, рассчитаны на непряхотливый вкус, половина оставалась в тарелках.

— Кашу будете? — спросила официантка, нестарая, с воспалёнными венами на ногах.

Денисов не отказался; ел много, оставаясь таким же худым. Официантка принесла дополнительное блюдо — рисовую кашу.

Вокруг, Денисов заметил, жевали без аппетита. В столовой было шумно, с веранды доносились голоса, там о чём-то спорила мужская компания.

— Ещё? — Официантка принялась убирать посуду.

Денисов поблагодарил. Когда он уходил, сестры-хозяйки в столовой не было, он нашёл её в раздевалке.

— У меня дело к вам... — Он коротко объяснил, кто его интересуется, достал фотографию.

— Погоди... — Она надела очки, долго рассматривала снимок. Несколько раз казалось, сестра-хозяйка порывается что-то сказать, но вместо этого она вернула фотографию, сняла очки. — Напоминает кого-то. Но кого?!

— Я оставлю снимок. Покажете официанткам?

— Можно.

Денисов посмотрел на часы; первый день командировки заканчивался бесславно: ничто не подтверждало того, что автор эссе, как и его герой Ланц, четыре месяца назад, весной, был в Коктебеле.

Из столовой он побрёл к себе — в «финский», на двоих, домик, отведённый для проживания. Домик находился здесь же, рядом, в нескольких десятках метров от столовой - маленький, тихий, пустой. Второй жилец в нем так и не появился, Денисову, по всей вероятности, предстояло ночевать одному.

Он достал рукопись. Свет был тусклый. Другого пути, кроме как вчитываться в текст эссе в поисках деталей, за которые можно зацепиться при розыске, он не видел.

«Любовь, тоска, ревность и ничего существенного, за что можно было бы уцепиться...» — Денисову хотелось оттолкнуться от посылки, которая была бы бесспорной.

— Можно?

В дверь постучали. Денисов поднялся, отложил рукопись.

— Спичек не найдётся? — Небольшого роста бородатый человек с большим животом стоял на пороге, на нем были шорты, детская шапочка, полосатая блуза. В руке он держал трубку.

Денисов достал спички, он не курил, но сигареты и спички были всегда у него с собой, в сумке.

— Спасибо. — Гость прикурил. — Давайте знакомиться. Михаил Мацей. Из Харькова. Поэт... — Он взглянул испытующе. — Пишу для молодёжи. Ваш сосед.

— Мацей. Я читал вас в «Юности». — У Денисова была жёсткая память на трудные фамилии, а Лина выписывала «Юность».

— Правильно. — Мацей обрадовался. — А вы?

— Денисов. Москвич.

— Литератор?

— Технар, — так оно и было вначале. — Московский завод координатно-расточных станков.

Поэт тактично сменил тему:

— Удивительно хорошее море сегодня. Обратили внимание? Каждый день другое, я не говорю уже — каждый год. — Он затянулся трубкой.

— Вы часто бываете здесь?

— Последние годы довольно регулярно. А вы?

— Впервые.

— Я вижу. Обычно тут одни и те же. Кто весной, кто — осенью. — На вид Мацею можно было дать около сорока, но Денисов чувствовал, что в действительности поэт моложе. Старила корявая небритая борода, живот.

— Вы из тех, кто осенью?

— Стараюсь дважды. И осенью, и весной.

Денисов заинтересовался:

— В этом году были?

— В мае. Книгу надо сдавать, вот и приходится.

— Мой знакомый отдыхал... — Денисов показал словно случайно оказавшуюся у него в руках фотографию.

— Не помню, — вспомнив о книге, Мацей сразу заторопился, на снимок взглянул мельком. Денисов не мог ему сказать, как при опознании: «Пожалуйста, посмотрите повнимательнее».

— Заходите, — поэт пошёл к выходу. — Перед обедом и после ужина я, как правило, не работаю.

В дверях он обернулся:

— В теннис играете?

— Нет.

— Жаль. На корте хорошая компания.

Денисов проводил его до крыльца, вернулся.

«Южный говор...» — определила одна из женщин, разговаривавшая с Ланцем в ту ночь в Москве на вокзале... - Денисов постоял у окна, комнатка была маленькая: стол, два стула, две кровати углом, «Схема эвакуации на случай пожара» сбоку, в рамочке, на стене. — Поэт из Харькова. Вполне мог быть в одной компании с Анастасией...» Он вернулся к рукописи и стал читать:

«...Твоё признание в поезде по дороге:

— Я даже не думала, Ланц, что этот человек посмотрит в мою сторону. Душа любой компании, красавец. Другая, наверное бы, захомотала его. Я не умею.

«Тик-так, — считал я и смотрел в окно. — Тик-так...» Чтобы остановить слезы. И был уже не тот, каким вошёл с нею в этот поезд, в купе на двоих.

Мелькали дома станции, платформы. Привокзальный сквер с водокачкой.

Я вспомнил, как много лет назад моей матери — они в то время только разошлись с отцом — пришло в голову привести меня на детский маскарад одетым поваром. Кроме дурацкого колпака, за поясом у меня торчала поварёшка; в огромной, как мне тогда показалось, квартире были мушкетёры, маленькие цыганки, офицеры. Нелепый костюм бросался в глаза. Меня заколодило, я не мог ни говорить, ни смеяться.

Тогда мне было десять лет, сейчас — за сорок. Ничего не изменилось.

Я знал о её муже, с которым много лет назад она рассталась, о своём блистательном сопернике, знал площадки, с каких они и я стартовали в этом мире.

Моя жизнь прошла бездарно. В ней не было ни блеска, ни машин, ни имён. Скольжение по поверхности. Удел мяча. Единственно, может быть: не будучи «душой любой компании», я полностью принадлежал тому, кого любил, и никогда расчётливо не воспользовался ничьим одиночеством. Не ходил в «зятях». Но даже это сейчас против меня.

— Почему бы тебе снова не попытаться счастья с ним? Спросил я, успокаиваясь.

— С этим покончено. Хочу, чтобы ты знал.

Состав шёл ровно. Хмарилось, мокрые перелески тянулись за горизонт.

Я вспомнил, каким вошёл в купе, думая только о том, чтобы остаться вдвоём, и мне стало больно за себя...»

Денисов отодвинул рукопись, потянулся за курткой. Надо было идти.

Домик стоял в стороне от главной аллеи, Денисов двинулся напрямик между деревьями. Несколько минут пришлось идти в полной темноте, светильники не горели. Наконец Денисов вышел на асфальт. Впереди шли люди, кто-то невидимый нёс включённый приёмник. Из транзистора слышалась английская речь.

Денисов подошёл к телефону-автомату, набрал 02.

— Начальник на месте? Это Денисов, из Москвы.

— Товарищ Лымарь? Нет. — Дежурный так и не стал многословнее.

— Дома?

— Нет. А вы где? — спросил он, в свою очередь.

— В Доме творчества.

— Ну, и он там. На территории, у пищеблока.

Координаты были расплывчаты, Денисов повернул назад, как ему показалось, в сторону столовой, снова попал в темноту. Вокруг свистели цикады. Асфальт под ногами исчез, Денисов шёл тропинкой между двумя рядами кустарников, попал к ручью — проходя днём, он не заметил его. Впереди засветлела стена приземистого здания. Это была столовая, он подошёл к ней с другой стороны.

«Как тут тихо...»

Денисов подёргал дверь — она была заперта. Двинулся назад, в темноту — с ходу налетел на дерево.

«Недостойно опера...» — подумал он.

— Товарищ, подождите, пожалуйста, — донеслось негромко от столовой.

Денисов оглянулся. Из темноты, за столовой, кто-то, прижавшись к стене, незаметно следил за его проходами.

— Вы мне? — Денисов сделал несколько шагов, остановился.

— Да. — Это был молоденький сержант, сотрудник милиции. Из-за угла он наблюдал за промтоварной палаткой, на которую Денисов только теперь, обойдя её дважды, обратил внимание. У палатки была массивная — «не по чину» дверь, тяжёлый замок.

«Видимо, тут не только зубная паста и крем...» — подумал Денисов. Он подошёл ближе.

— Вы здесь живете, в Доме творчества? — Сержант цепко держал взглядом одновременно лицо и руки Денисова, в то же время не исключал возможности нападения на себя с боку, со двора столовой.

Денисов знал это состояние.

— Документы с собой? — спросил сержант.

— Я свой.

Сержант сильно нервничал — его следовало немедленно успокоить. Но главное — не двигаться, не доставать ничего из карманов.

— Двести тридцать пятый приказ в силе? Действует? — спросил Денисов.

Приказ этот висел на видном месте во всех дежурных частях, и вся милиция на инструктажах изо дня в день повторяла основные его положения — о вежливом и внимательном отношении к гражданам.

— Действует, — милиционер подумал. Он оказался смыслёным. — Пожалуй, я знаю, кто вы. Дежурный говорил на разводе... — Сержант нажал манипулятор рации. — Товарищ начальник! Смирнов докладывает. Оперуполномоченный из Москвы... Да, здесь он. Приедете? У пищеблока. — Сержант выключил рацию, объяснил: — У нас вчера палатку хотели обокрасть.

— Кто, известно?

— Думаю, пацаны.

В конце аллеи показались огни, шла машина.

— Начальник — майор Лымарь Иван Федорович. — Смирнов поправил фуражку. — С ним старший опер, Пашенин.

Машина остановилась, вышли двое.

— Привет, Денисов. — Лымарь оказался подвижным, с живым, обманчиво приветливым лицом и глубоко внутрь спрятанной озабоченностью; типичный выходец из уголовного розыска. — Как дела? — Он словно знал Денисова сто лет.

— Нормально.

— Рад встрече. С Пашениным ты вроде знаком. — Он показал на старшего опера, неловко топтавшегося сзади. - Вечером второй раз пришлось ехать в райотдел, в Судак. Только освободился. Полно дел. Но будем тебе помогать. Слышишь? Все, что от нас зависит!

— Получили наш телекс?

— Да. Личный состав ориентирован. Сегодня на инструктаже снова повторили приметы... Вы передали «Ланц»?

— Да. Он сам себя так назвал.

Денисов не воспользовался паузой, Лымарь продолжил:

— Сколько уже дней прошло?

— Сегодня четвертые сутки.

— Пока ничего?

— Нет, обстоятельства не ясны.

Денисов вспомнил эпиграф, выбранный Ланцем к своей рукописи: «Тут лежит перо жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его...» И дальше: «Так просто! Пойми, безумец! Посмотри на часы... Давай же оправдывай её! Скажи, что в эту минуту она тоже смотрит на часы, скучает...»

С аллеи раздались голоса, женщина ругала ребёнка, просившегося на руки. Ночь полна была невидимыми людьми, пением цикад.

Лымарь поинтересовался главным:

— Как он стрелял?

— В упор. — Денисов понял, кого и что имеет в виду Лымарь. — Одним патроном. Собственно, там и был один патрон.

II. «КОГДА ОБОРВУТСЯ ВСЕ НИТИ...»

— Отсюда уже видно! — Командир строевого отделения на ходу стряхивал с фуражки капли дождя. В конце платформы, впереди, угадывалось что-то чёрное. Светильник там едва горел.

Денисов ускорил шаг.

— Кто его обнаружил?

— Носильщик. Шёл от элеватора.

— Кто именно?

— Сальков.

— Из бригады Романа?

— Он.

«Выбирать не приходится...» — подумал Денисов.

Несколько лет назад Сальков проходил связью от группы Стаса — бывших работников отделения перевозки почты, задержанных за спекуляцию и грабежи. В последнее время, правда, за ним ничего такого не значилось.

— Футболист... — уточнил командир отделения. — Знаешь его? Женился на девчонке из оперативно-комсомольского отряда...

Денисов кивнул.

Пока шли перроном, дождь начал стихать. Сбоку тянулись платформы, по-ночному пронзительно высвеченные, покатые; вода стекала с них, как с крыш. У одной из платформ чернел электропоезд. По другую сторону, позади путей высился элеватор — глухой, с бесчисленными лестницами по фасаду, — повторявший форму огромной деревенской печи.

— Сальков смотрит: кто-то лежит. Думал, пьяный! — Командир отделения был из пограничников — подтянутый, чёткий, — работал недавно.

— При пострадавшем есть вещи?

— На платформе? Не видел.

— Кому Сальков сообщил?

— Ниязову. Он как раз стоял на перроне, против первого зала. — Ниязов был младший инспектор розыска. — Ниязов передал по радиации дежурному.

— Где он сейчас?

— На стоянке такси. Опрашивает водителей.

Они уже были рядом с местом происшествия.

— А так тихо начиналось дежурство! — Командир отделения снял фуражку, повертел, сбивая капли. — Когда доложил, никто верить не хотел... — Он замолчал, подал Денисову фонарик.

— Пассажиров много?

— Полные залы.

— Денисов взглянул на часы:

«03.57»

Он посмотрел на крышу центрального здания, световое табло показывало то же время. Впереди, в направлении Дубниковского моста, маячили пути, конфигурации стрелочных переводов, чёрная сеть подвесок.

Из электрички на шестом пути послышался стук компрессоров. Она отправлялась первой, в 4.00. Вокзальные сутки начинали бесстрастный отсчёт времени.

— Пришли. — У командира отделения перехватило голос. Труп был накрыт брезентом, хранившимся для таких случаев у дежурных. Денисов поднял за край, щёлкнул фонариком. Острый луч полоснул по платформе.

Человек лежал на спине. Открытые глаза смотрели безучастно. На вид погибшему было не меньше сорока, на нем был синий в полоску костюм, сорочка с галстуком.

— Как он лежал, когда вы подошли? — Денисов нагнулся над телом.

— Лицом вниз.

— Посадка на тамбовский шла с этой платформы?

— На 441-й? Нет. — Командир отделения показал на соседнюю. — Здесь была нерабочая сторона состава. Но кто-то из пассажиров все равно мог видеть.

Денисов провёл лучом, нашёл на асфальте отметку масляной краской:

«Четвёртый вагон».

— Четвёртый, — подтвердил командир отделения.

Денисов подержал руку погибшего в своей, она была ещё тёплой.

«Один-два-три... — Слабые удары пробивались к поверхности кожи. — Один-два-три...»

Возникло ощущение бьющегося пульса. Это была иллюзия: биение собственной крови в кончиках пальцев. Пульса не было. Рука скользнула, изгибаясь под неожиданно непривычным углом. Трупное окоченение до неё не дошло, медленно распространяясь от головы.

Оперуполномоченный осторожно положил руку погибшего. Мышцы её не сократились, покорно-безжизненно рука легла на асфальт.

Денисов внимательно оглядел погибшего, пиджак был расстегнут, кровь слева, на груди, успела загустеть, отливала буровой блестящей эмалью.

Под трупом виднелась ещё небольшая тёмная лужица. Там, по-видимому, тоже была кровь.

Как оперуполномоченный розыска Денисов предпочитал составить обо всем собственное суждение.

«Сквозная? — подумал он. — Или несколько ран? И в грудь, и в спину? По закону сообщающихся сосудов, кровь вытекала из ран, находившихся ниже других.

— Когда его обнаружили?

— В три ноль семь.

— До дождя?

— Дождь только начался.

— Что-нибудь предприняли?

— Искусственное дыхание. До прибытия «Скорой».

— Пришлось переворачивать?

— Труп? Да. Иначе не получалось.

Это было важно.

— Зачем Сальков ходил к элеватору? — спросил Денисов. Конец платформы, где был обнаружен труп, и угол здания элеватора связывала тропинка, без необходимости носильщики ночью ею не пользовались. — Как он объяснил?

— Искал проволоку. С тележкой не порядок.

Денисов подумал:

«Проволоку легче найти в гараже...»

— К слесарям он обращался?

— Слесарей не было.

— Вы осмотрели тележку?

— Все точно. Ось переднего колеса вышла из строя. Дождь кончился, но вода продолжала бежать с платформы.

«К приезду оперативной группы будут видны трупные пятна, — подумал Денисов, — подтвердится время наступления смерти...»

Трупные пятна появлялись уже через час. При данном положении тела их можно было предполагать в поясничной и в межлопаточной областях, в любой нижележащей части неплотно прилегавшей к асфальту. Денисов представил их - разбросанные, мелкие, пока ещё исчезающие напрочь при нажатии пальцами...

— Ничего подозрительного не было? — Он поднялся, выключил фонарик.

— Тихвин, — громко позвал командир отделения.

От светильника в конце платформы подошёл старшина охранявший место происшествия. Денисов поздоровался.

— Как здесь? — спросил командир отделения.

— Все нормально. В три с четвертью прошли ревизоры. Ещё составитель. А так тихо... — Постовому были видны концы платформы и вся горловина станции. — Пассажиры все больше в залах. Дождь! — За электричкой на шестом пути виднелось ещё несколько сцепов, ночевавших на путях.

— Быстро вы приехали, — старшина обернулся к Денисову. Происшедшее ночью не исчерпало живший в нем интерес к окружавшему. — Дежурный машину послал?

— С попуткой.

— Понятно.

— В начале смены службу несли в залах? — Денисов показал на ярко освещённый куб нового здания вокзала.

— Так точно, — постовой переменял тон. — Здесь потом поставили, после «Скорой».

— А во время посадки на тамбовский?

— Провожал инкассаторов.

Несколько капель с контактной подвески упало на платформу, но дождя больше не было. Денисов убрал в сторону брезент. Погибший виден был теперь целиком.

«Что произошло? — подумал Денисов. — Убийство, самоубийство?» Типовые версии убийства были все известны — хулиганство, месть, корысть, ревность... Он снова нагнулся над трупом: карманы нового, с иголки, пиджака вывернуты не были.

«Сотни людей на вокзале — это выглядело всегда как парадокс, — а свидетелей нет...»

— Нашёл Сальков проволоку? — спросил он командира отделения.

— Не нашёл. Я интересовался.

Стукнули стрелки. Бесшумно прошёл маневровый.

От пункта технического осмотра к платформе пробежали несколько человек, Денисов узнал Сабодаша. Антон, казалось, был вдвое выше и здоровее остальных. С ним рядом держался оперуполномоченный Кравцов.

— Едут, — предупредил командир отделения.

Денисов обернулся. На лужах мелькнули отблески огней. Две машины — микроавтобус с прожектором впереди и «Волга» — пересекли перрон, приближаясь к платформе.

— Полковник Бахметьев. — Командир отделения узнал машину начальника отделения, неуловимо подтянулся.

Денисов зажёл фонарик, снова провёл по платформе; у самого края, на другой стороне, что-то темнело. Он подошёл ближе: маленький тонкостенный металлический стакан.

— Гильза...

Начальник отдела выглядел хмурым, его покалеченный на фронте глаз слезился больше обычного; Бахметьев то и дело отворачивался, касался его чистым носовым платком.

Осмотр трупа не начинался. Ждали судебно-медицинского эксперта, который должен был появиться с минуты на минуту.

Пошёл дождь. До приезда медика погибшего снова закрыли брезентом.

— При обнаружении гильзы измеряем расстояние между нею и двумя ближайшими постоянными ориентирами... - Эксперт-криминалист, неисправимый резонер, не мог не объяснить, чем в данный момент занимается. — Если гильз несколько, надо измерить расстояние и между ними... — Ему было безразлично, кто перед ним — асы розыска или вчерашние слушатели школы милиции.

Бахметьев нервничал. Его волнение передалось следователю транспортной прокуратуры Королевскому — щеголеватому, молодому, с шапкой тёмных волос.

Оперативная машина подъехала совсем близко. В лучах прожектора было заметно, как подёргиваются поверхности луж.

Криминалист наконец перешёл непосредственно к гильзе, достал лупу, поднёс к глазам.

— Гильзы пистолетных патронов бывают латунные или стальные. Подразделяются в зависимости от их формы, устройства шляпки, наличия капелюры — кольцевой бороздки, крепления пуль и размеров... — Он отставил лупу, привычно произвёл замер. — Данная гильза латунная, цилиндрическая, пистолетная... От 7,65-миллиметрового патрона браунинга образца 1900 года... Брать гильзу, — он снова не удержался от наставления, — следует двумя пальцами за край донышка и дульце...

— Пистолетная? — переспросил Антон Сабодаш, спорщик и любитель сразу все брать под сомнение. — Почему не револьверная? — При этом Антон допускал иногда удивительные просчёты. Так было и в этот раз.

Эксперт удивился:

— Элементарно! Гильза бы осталась в барабане!

— Конечно же! — Антон обозлился на себя.

— Револьвер чем хорош? — Эксперт воспользовался преимуществом. — Нужно, скажем, отразить внезапное нападение, захват... — Он не догадывался о своём резонерстве, и это всех неожиданно с ним мирило. Кроме того, он был эрудитом в своём ремесле. — В пистолете, чтобы загнать в патронник патрон, необходима вторая рука, а здесь... Вас держат, а вы все равно в состоянии защищаться! Почему многие полиции мира предпочитают револьверы.

— И преступники, — заметил Бахметьев.

— И преступники, — согласился криминалист, — те, кто стремится не оставлять на месте преступления доказательств в виде стреляных гильз...

Светать не начинало. Темнота перед рассветом словно сгустилась.

По другую сторону путей, у элеватора, шелестели невидимые верхушки деревьев — там, на высоте, было ветрено. С порывами ветра дождь то затихал, то вновь усиливался.

— Вот так... — Эксперт заговорил по существу. — 7,65-миллиметровый патрон браунинга практически подходит ко всему автоматическому оружию этого калибра. Германскому, бельгийскому, испанскому, «леонгардт», «мелиор», «астра»... «сэдвиж». Это уже, правда, американский. Всех не перечислишь... — Он снова взял лупу. — След выступа отражателя на гильзе отсутствует. Это упрощает дело. Остаются каких-нибудь три десятка пистолетов, браунинги модификаций после девятисотого года, германские «штенда», «харрингтон и ричардсон», «мента», «беретта»... Думаю, смогу точно назвать марку. — Он надел очки.

— Особенности эжекции гильзы в этих пистолетах? Помните? — спросил следователь.

Криминалист достал объёмистый блокнот, листочки-таблицы в нем лежали не прикрепленные друг к другу, начал осторожно перелистывать:

— Почти во всех моделях гильзы выбрасываются вправо. — Он нашёл нужную таблицу, показал Королевскому.

— На большие расстояния?

— По-разному. От браунинга образца 1900 года, например, самое меньшее на полтора метра.

— А наибольшее?

— Около четырёх.

Денисов поймал брошенный на него тревожный взгляд Бахметьева, они могли обходиться без сленга — укороченного языка людей, работающих постоянно «локоть к локтю».

«Включайся», — сказал Бахметьев.

— Какой выброс у «беретты»? — спросил Королевский.

— От полутора до двух с половиной. — Эксперт достал из оперативного чемодана мягкий метр, мел. — Подержите.

С помощью Сабодаша он прочертил две концентрические дуги с центром на краю платформы, рядом с погибшим. Мел не хотел ложиться на мокрый асфальт, но кое-что все-таки удалось.

— Местонахождение стрелявшего, — объяснил криминалист, — определяется обычно по следам ног, по местоположению выброшенных из оружия гильз и путём визирования. Мы можем рассчитывать лишь на гильзу, и то потоки дождя её наверняка откатили...

Денисов посмотрел на часы. Два действия в милиции следовали всегда незамедлительно, одно за другим, как причина и следствие: поиск — после сообщения о совершенном преступлении — и задержание — сразу вслед за установлением преступника.

«Пора разворачиваться...»

— Намучился с вечера! «Тачка» еле двигалась...

Салькову было около сорока, но выглядел он моложе; на красноватом безбровом лице поблескивали белесые глаза; светлые ресницы казались выгоревшими.

— Наконец бросил все, пошёл вдоль элеватора. Как-то видел там моток проволоки.

Речь его была неприятельна, смазана, и держался он простовато. Притом, Денисов знал, неплохо играл в футбол, одно время выступал в дублёрах «Локомотива». В службе вокзала было немало бывших спортсменов.

Разговаривали в темноватом вытянутом помещении раздевалки. Раздевалка выглядела унылой, временной. Голый стол, пустой подоконник, списанные, из зала для транзитных пассажиров, фанерные скамьи.

— Кого-нибудь заметили на платформе? Или поблизости?

Сальков задумался, хотел сказать: «Нет», вдруг вспомнил:

— Мужчина с женщиной возле угла элеватора! Там, в кустах, что-то вроде приступка. Курили. Да! По-моему, ссорились.

— Обрисовать сможете?

— Нет, не обратил внимания.

— Без вещей?

— Вещей я не видел. — Сальков поднял выгоревшие белесые глаза, подбородок его тоже казался выгоревшим, светловатым, покрытым пушком. Сальков хотел понять, что именно Денисов от него добивается, старался объяснить полнее чётче. — Сидели друг напротив друга...

— Это было до того, как обнаружили?

— Ну! Тамбовский ушёл, отбой полный. До камышинского... — Первый утренний поезд — Камышин — Москва — прибывал в 4.07, с этого времени движение возобновлялось. — Думаю, посмотрю проволоку. Может, никто не подобрал...

Денисов окинул взглядом унылый ряд шкафчиков, на каждом висел замок, ни один не напоминал ни следующий, ни предыдущий. Ящик Салькова — сорок шестой — был открыт, перед самым приходом Денисова носильщик выгрузил на стол с килограмм помидоров, яйца, яблоки, хлеб — завтракал.

— У тамбовского поезда были?

Денисов продолжал расспрашивать.

— У 441-го? Был. После отправления тут как раз все обнаружилось...

— К какому вагону подъезжали?

— В голову состава. — Сальков украдкой взглянул на разложенную на столе снедь. — Двух женщин привёз с мешками. От стоянки такси. До Тамбова едут. Ещё семью в пятый вагон. Военный с двумя детишками, с женой.

— Все было тихо?

— Как всегда.

— При отправлении стояли на платформе?

— При мне и отправился. — Сальков попытался осмыслить порядок, в котором Денисов предлагает вопросы, не смог. Денисов и сам не мог бы точно его объяснить; верная мысль не приходила.

— Давно в футбол не стучали, — сказал он вдруг.

Белесые глаза Салькова посветлели ещё больше:

— Играли! У вас, в Видном. В прошлое воскресенье.

— Не знал.

— Душевно так постучали...

Сальков не пытался продолжить разговор, терпеливо ждал. Денисов спросил:

— Бригадир носильщиков был у тамбовского?

— На посадке? А как же?

— Какой-то разговор состоялся?

— У меня с ним?! Вот ты о чем! В том-то и дело! «Тележку, — говорит, — к утру мне наладь! Кровь из носа!»

«С этого следовало начинать», — подумал Денисов.

— Заметил, видно, что я все стараюсь у вокзала держаться, чтоб колесо не потерять. Ну, и дал команду, чтоб все в норме... — Сальков снова посмотрел на помидоры, на хлеб, вздохнул.

— Выстрел слышал? — спросил Денисов, переходя на «ты».

— Нет.

— Не хочешь сказать?

— Да нет. Я бы сказал! Знаем друг друга. Татьяна всегда привет передаёт.

— Ей тоже.

— Денис! — так называли его близкие — друзья, сослуживцы и ещё на поле, во время игры. — Куда его? В голову? - Обветренное лицо Салькова искривилось, носильщик приготовился к страшному. — Здорово изуродовали?! — В глазах мелькнуло напряжение.

— Ты не заметил?!

— Я?! Как увидел кровь, сразу на перрон, к младшему инспектору... — Он заглянул Денисову в глаза. — Веришь? Не могу видеть! Если кто палец обрежет или укол сделать велят... Сразу слабость в груди. И головокружение.

Из раздевалки Денисов прошёл к багажному отделению, миновал кассовый зал. Вышел на перрон. Скамьи снаружи были пусты. Рассвет наступал медленно, становилось свежо. Из-за дождя носильщики не успели убраться. Пустые коробки, окурки прибило к стенам, они словно держались на плаву.

У гаражей стояло несколько тележек, принадлежавших носильщикам. Денисов разыскал «тачку» Салькова — на ней был тот же номер, что и на ящике, — 46. Тележка не отличалась от остальных — с трафаретом о стоимости услуг, с многочисленными крючками на ручке, с подвижным колесом впереди. Ось колеса сбоку была прихвачена проволочками, торчавшими во все стороны; ей явно не хватало грубой и удобной подпоры.

Денисов обогнул гаражи, отсюда начиналась тропинка, шедшая вдоль стены элеватора, частично она была освещена прожектором, бившим с крыши.

Старые шпалы, опоры контактных подвесок справа... Денисов бывал здесь бесчётное количество раз в различное время суток. Слева — почтовые вагоны, платформы...

Он свернул к элеватору, у стены, в гигантских репейниках, таились укромные места. Над головой, по глухому фасаду здания, взбегали хрупкие лестницы, по которым, сколько Денисов помнил, никто не поднимался.

Было тихо. Воркования многочисленных голубей, слетавшихся к элеватору, слышно не было.

Недалеко от угла, рядом с тропинкой, Денисов увидел доску, земля под ней была выбрана, получилось что-то вроде сиденья, сбоку на кирпиче, лежала фанерка.

«Если они сидели, — Денисов подумал о парочке, про которую рассказывал Сальков, — то именно здесь...»

Он прошёл дальше. Скрывавшая тропинку зелень была мокрой, на уровне головы тянулись застеклённые зеленоватым бутылочным стеклом квадратные окна. У пункта технического осмотра вагонов — ПТО — тропинка сворачивала к воротам.

«Отсюда Сальков решил проделать обратный путь по платформе...» — Денисов осмотрелся.

В ПТО за освещённым окном молодой парень — вагонник — пил молоко из пакета. «Вагонники! — написано было на щите против окна. — Нарушение технологии при ремонте может вести к тяжким последствиям!» Денисов взглянул под ноги. Удивился. У самого щита, на виду, лежал перегнутый несколько раз моток толстой, мягкой даже на вид, алюминиевой проволоки.

— 201-й! — раздалось неожиданно под курткой из миниатюрной радиостанции. Денисов узнал голос дежурного, обернулся, глазами нашёл Антона на платформе, он стоял рядом с Бахметьевым. — Как слышите?

Денисов назвал позывной.

— Пройдите в центральный зал, — передал Антон, — к, Ниязову. Он все объяснит. Как поняли?

— К Ниязову. Вас понял.

Обернувшись, Денисов невдалеке внезапно увидел Салькова — носильщик шёл той же тропинкой, взгляд его был прикован к земле; он искал проволоку, которую просто нельзя было не заметить, если бы Сальков её действительно разыскивал.

Ниязов стоял против касс, рядом с киоском «Транспортная книга» — замкнутый, неулыбчивый, черноглазый, в коротком плаще. Под мышкой младший инспектор держал учебник по гражданскому процессу.

Интересующий Денисова разговор он начал первым, не дожидаясь вопросов:

— Я видел потерпевшего.

— С вечера?

— Ночью.

— Тебя допросили?

— Да. Но Бахметьев сказал, чтобы, кроме того, я доложил тебе в подробностях.

— Слушаю.

Незнакомый пассажир подошёл к киоску — один из многих, для кого вокзальное время еле двигалось. С минуту постоял рядом. Они замолчали.

— С вечера... — спросил Денисов, когда пассажир пошёл прочь, — было спокойно?

— Ночью тоже. И никого из тех, на кого обращаешь внимание. На такие дни вообще не думаешь, что что-нибудь случится.

Денисов взглянул на него — Ниязов ограничивался обычно самым существенным и необходимым.

— Где вы пересеклись?

— Он курил у второго зала. В тамбуре. У выхода на перрон.

— Один?

— Там было несколько мужчин, я только мельком взглянул.

— Когда это было?

— Примерно в 0.20. Я проходил мимо, к кассе сборов.

— Почему ты обратил внимание?

— Не знаю. Видно, что-то заинтересовало, но я не придавал значения.

— Он был с вещами?

— По-моему, нет.

— Потом ты его снова видел?

— Я делал ему искусственное дыхание. «Изо рта в рот». Перед приходом «Скорой».

Несколько чужих военных прошли в сопровождении переводчика; на непривычных широких фуражках блестели целлофановые чехлы от дождя. Денисов и Ниязов проводили их взглядами.

Зал для транзитных пассажиров проснулся, но ещё не был наполнен шумом. Издалека донеслось цоканье каких-то особенно звонких каблучков, другие касались мрамора совершенно бесшумно. Вверху, на уровне антресоли, взлетел голубь.

— Где ты проходил во время посадки?

— Вдоль рабочей стороны. Подходил к начальнику поезда; все, как обычно.

— К проводникам?

— Не обращался.

— Провожавших было много?

— Несколько человек. Потом спустился на путь, обошёл локомотив. Назад, к вокзалу, возвращался по правой платформе.

— Здесь все важно, — напомнил Денисов.

— Платформа была пустой, отлично помню.

— Труп обнаружили против четвёртого вагона.

— Я проходил, там никого не было.

— Дальше.

— Когда поезд двинулся, был примерно у двенадцатого-тринадцатого вагона.

Денисов представлял картину ночного перрона; по мере того как состав уходил, Ниязову открывалась вторая платформа — возвращавшиеся к вокзалу провожающие, носильщики.

— Салькова не видел на посадке?

- На посадке не видел, только потом.
- А бригадир?
- Роман? Был.
- Как ты узнал про труп?
- Начался дождь... — Младший оперуполномоченный отвечал на вопросы точно и кратко. — Сальков шёл по первой платформе, я стоял у табло, на перроне.
- Сальков шёл быстро?
- Почти бегом. Был виден издали. Заметил меня: «Там человек в крови! "Скорую". Самого трясло.
- Все?
- Я побежал на место. И сразу по рации дежурному.
- Как он лежал?
- На животе. Раскинув руки. Там ничего? — спросил он вдруг.
- Ничего.
- Личность установлена?
- Пока нет.
- 201-й... — Под куртками у обоих одновременно раздались тоны вызова.
- Слушаю. — Денисов нажал на манипулятор.
- Снова вызывал дежурный:
- Срочно подойдите к багажному отделению. Там 210-й.
- Вас понял.
- В 5.17 прибыл елецкий, пыльный, обшарпанный. Его приняли на четвертую платформу, чтобы дать оперативной группе возможность скрупулёзно осмотреть первую.
- Проплыли в окнах загруженные остатками еды столики, пустые бутылки из-под воды, не выспавшиеся лица, тревожно высматривавшие встречавших.
- Проводницы в раскрытых настежь тамбурах драили поручни.
- Привет. — Двести десятый — оперуполномоченный Кравцов стоял под навесом, у входа в багажное отделение. Его тоже вызвали из дома.
- Знакомьтесь: капитан Денисов, Плетнева Тамара Николаевна. — Рядом, у скамьи, стояла крупная женщина в куртке.
- Сбоку, на скамье, стояла сумка.
- Она опознала погибшего. — Мальчишеское гладкое лицо Кравцова было сосредоточенно, он привычно чуть покачивался на носках, сунув руки в карманы. — Ночью видела его на вокзале.
- Вы издали? — спросил Денисов у женщины.
- Из Верхнего Парюга.
- Не слышал.
- Граница Вологодской и Костромской.
- Не спали? — Денисов почувствовал усталость.

— Я вообще не сплю, когда еду. Не могу.

— Как вы обратили на него внимание?

Женщина показала на вход в зал — стандартный комплекс стеклянных, в металлических рамках дверей, чугунную урну-кубок. Это был тот самый тамбур, о котором рассказывал Ниязов.

— Здесь они курили.

— Он был не один?

— Вдвоём, по-моему. Не могу сказать, второй был ему знакомый или просто стоял.

— Они разговаривали?

— Не знаю. — Она умолкла, глядя куда-то в сторону.

Говорить с ней можно было, лишь задавая новые и новые вопросы.

— Какой из себя был тот — другой?

— Помоложе. Точно не заметила. Тёмный костюм.

— Какая у него фигура? Худой, толстый?

— Плечистый.

— В какое время это было?

— После полуночи аккурат, телевизор уже не работал.

— Оба были без вещей?

— Кажется, стоял портфель.

— У кого?

— Сбоку. Можно на обоих подумать. Просторный, с ремешком в середине. Жёлтый.

— Вы покажете похожий?

— Если увижу.

— Точно, что разговор идёт о погибшем? — Денисов взглянул на Кравцова.

— Она опознала труп. — Кравцов качнулся на носках. В нём всё бродила энергия выпускника спортивной школы олимпийского резерва.

— И по лицу, и по одежде.

— Новый, с иголочки, костюм. Тёмно-синий, в полоску. — Плетнева оживилась. — Мужу такой брали. В Шарье. Немецкий.

— Надолго в Москву? — спросил Денисов.

— Дочь жду. Из Караганды. У неё отпуск. Списались, вместе к брату едем. К её дяде. В Липецк.

— Нам нужна ваша помощь. Когда должна подъехать дочь?

— Сегодня. В крайнем случае завтра.

— На всякий случай оставьте адрес в Липецке, где будете находиться.

— Нужно зайти в отдел, записать показания, — сказал Кравцов. Денисов понял: Бахметьев предоставил ему возможность узнать обо всем не из протокола — из первых рук. - У вас только сумка?

— В камере хранения ещё сумка, чемодан.

— Пойдёмте. По дороге покажете похожий портфель. Если увидите.

Недалеко, на стене багажного отделения, висел телефон прямой связи с милицией. Денисов извинился:

— Одну минуту.

В отделе трубку снял помощник дежурного.

— Это Денисов. Для дежурного: розыск жёлтого портфеля...

— Он знает. Новости у нас, — сообщил помощник. — Сейчас будет передача. Находитесь на дежурном приёме.

— Запишите ещё: послать телеграмму вслед поезду Москва — Тамбов. Переписать пассажиров четвёртого вагона. Может, понадобится.

— В 441-й. Так...

Вдоль перрона прошла уборочная машина, Денисов мгновенно среагировал:

— Дать команду — не вывозить мусоросборники с вокзала. Тоже на всякий случай. Предварительно пометить, где какой контейнер стоял ночью.

— Я поручу командиру отделения.

— Пусть приглядят за ними.

Кравцов с Плетневой успели повернуть к отделу. Денисов догнал их.

Снова закапал дождь.

Из последних вагонов елецкого по платформе ещё тянулись пассажиры. По схеме станция принадлежала к тупиковым — локомотив упирался в вокзал, конец состава оставался метрах в четырёхстах.

В чередё других носильщиков Денисов увидел Салькова: переднее колесо тележки, грубо прихваченное алюминиевой проволокой, моталось из стороны в сторону. Встретившись глазами с Денисовым, Сальков на секунду приостановился, потом снова с силой налёг на ручку.

«Что, если бы труп обнаружил не Сальков, а другой носильщик? Было бы проще? — подумал Денисов. — Неизвестно. И неизвестно: не потому ли Сальков подошёл к Ниязову, что тот видел его идущим по платформе, а повернуть Салькову было некуда...»

— Во-он такой портфель! — Плетнева рукой через путь показала на перрон. — Видите? С ремнём! Во-он!

— Болгарский, свиной кожи...

— Только старый, потрёпанный.

Под курткой Денисова из рации послышался свистящий тон вызова. Началась передача, о которой предупредил помощник дежурного.

— Информация... — Сабодаш докладывал начальнику отдела, находившемуся на месте происшествия. — Пассажирка Захарова. Нижний Тагил... — Поначалу для удобства Антон крошил предложения. — Оказалась без документов и денег. — В конце он не смог соблюсти заданный ритм, зачастил: — На вокзале познакомилась с погибшим, он принял в ней участие. Дал телефон людей, которые смогут её в Москве приютить...

— Она была у них? — перебил Бахметьев.

— Нет! Но телефон остался! Я думаю, он мог тоже там останавливаться...

III. ОБАЯНИЕ ТИПОВЫХ ВЕРСИЙ

— Сазоновы? — Лифтерша не стала даже сверяться со списком. — Есть. Восьмой этаж.

Денисов на минуту зашёл в каптёрку, она была просторной — с телевизором, с цветами на окнах. Сбоку стоял новый ещё диван.

— Знаете их?

— А как же! Сам — в медакадемии заведовал, профессор. Жена — преподавательница. Оба на пенсии.

— Так и живут вдвоём?

— Живут. Дети большие. И внуки.

— А гости, знакомые? Никто не приезжал на этих днях?

Лифтерша кивнула. С самого начала она показалась Денисову приметливой.

— Двое. Несколько дней уже здесь. Сегодня вернулись поздно. Считай, что в третьем часу.

— Молодые?

— Лет по двадцать пять — двадцать восемь. В то дежурство поселились. При мне. И ещё один. Этого сегодня первый раз увидела. Лет под сорок, черноватый.

— Здесь сейчас?

— Ушёл. Под вечер ещё.

— Что-нибудь было у него с собой?

— Портфель. Жёлтый... Подниматься будете? — спросила лифтерша.

— Обязательно.

— Пешком придётся. Лифт ночью выключаем: шум, жильцы жалуются. Дом не простой...

Поднимаясь, Денисов оценил здание. Дом был дореволюционной постройки, с лепниной на высоких потолках, с ажурной паутиной лестниц. На многих дверях виднелись дополнительные механические звонки.

«Жильцов, похоже, не так много, — подумал Денисов. - Чужие должны бросаться в глаза...» Впрочем, через несколько минут все должно было выясниться.

— Входите. Прошу.

Дверь открыл человек, похожий на отставника-армейца - гладковыбритый, морщинистый, с прямой спиной, он не спросил предварительно: «Кто? Кого вам?» Увидев милицмейское удостоверение, словно обрадовался.

— Малышка! — крикнул кому-то в сторону широченного коридора. — Из милиции к нам... С Павелецкого вокзала! Да выключи ты радио!

— Свет в коридоре не горел, только в громадной прихожей. — Проходите, мы с женой уже кофе пьём. С утра пораньше. Сюда, на кухню.

Кухня выглядела просторной. Рядом с дверями лежали несколько пачек подготовленной к сдаче макулатуры. Верхний лист на одной чернел машинописным текстом, неожиданно крупным, не принятым в служебной переписке.

— Моя жена, Елена Дмитриевна... — представил Сазонов.

У мойки возилась немолодая худенькая женщина в вельветовых брючках и кофточке; увидев Денисова, женщина завернула кран, выключила воду.

— Садитесь. — Она вытерла руки, заговорила: — В ногах правды все-таки нет, говаривал мой отец, когда разрешал мне выйти из угла...

— Сазонова мило коверкала «р» и «л», получалось довольно забавно. — Были жестокие времена...

«Человека, у которого детство было счастливым, узнаешь сразу...» — тем не менее подумал о ней Денисов.

Сазонов заметил:

— Я смотрю, тебя довольно часто наказывали, Малышка. Такое впечатление, что ты каждый день стояла в углу.

— Это правда. Да вы садитесь, пожалуйста.

Денисов сел против жестяных круглых банок с чаем, экзотического вида бутылок. Здесь же стояли часы, которые не шли.

— Как же, Малышка, ты будильник буцкнула! Теперь, наверное, его никакая мастерская не выправит...

Супруги разыгрывали интермедию, обоим хорошо знакомую, Денисов понимал это; мысли его были впереди, как у шахматиста, проигрывающего в уме возможные варианты:

«Смогут ли они опознать труп? Кто им погибший — родственник, знакомый? Какое отношение к случившемуся имеют другие двое гостей — молодые?...»

Но сначала требовалось на месте все уточнить.

— Ваш телефон... — он назвал номер, — установлен давно?

— Уже восемнадцать лет. — Сазонов присел с другой стороны стола. — Лишь немного подправили, когда переходили на семизначные номера.

— Меня интересует человек, у которого вчера на вокзале видели номер вашего телефона. Я хочу спросить, у вас жил кто-нибудь на этих днях?

— Сейчас тоже живут. — Сазонов показал за стену, Денисов почувствовал, как велико помещение. — Наши знакомые. Из Орска.

— Давно?

— С неделю. Мы не против, правда, Малышка? Паркет не жалко... — Паркет был и в самом деле в плачевном состоянии, требовал срочной циклёвки.

Пока они говорили, Сазонова особым образом заваривала кофе — Денисову не приходилось видеть раньше: кофе был помещён в бумажную воронку, залит кипятком. Просачивавшийся сквозь бумагу напиток становился густым и ароматным.

— Не приходилось пробовать? — угощая его кофе, Сазонова сообщила доверительно: — Хозяйка я, знаете ли, все-таки никудышная, но кофе сварить смогу.

— А что случилось? — спросил Сазонов.

— Кроме них, гостил ещё кто-нибудь?

— Мужчина. Он вчера уехал.

— Кто он?

При этом вопросе Денисов почувствовал замешательство. Женщина поднялась.

— Елена Дмитриевна, тут тебя... — заметил Сазонов. — Кто он? Как зовут? Ты же его поселила!

— Да, я. — Женщина явно смутилась, но тут же перешла наступление. — Но ты же разговаривал с ним. Обсудил хоккейные проблемы. Мальчишке должны больше понять друг о друге. Я и спрашиваю тебя: «Кто он?»

— Мы почти не виделись. Я пришёл, он уехал.

— Мог бы и побыть дома. И вообще, что за манера оставлять жену с незнакомым молодым мужчиной?! — Она обернулась к Денисову.

— Как вы считаете?

— Какой он из себя? — Денисов сделал несколько быстрых коротких глотков. Кофе был отличный.

— Лет сорока... — Сазонов пожал плечами.

— Худощавый, высокий... — Сазонова пришла на помощь. В costume.

По отдельным частям портрета, набросанного супругами можно было с осторожностью идентифицировать личность погибшего.

— Как он попал к вам.

Сазонова объяснила:

— Он должен был на пару дней остановиться у Окунёвых. Но Иван Яковлевич с семьёй на даче...

— Он был у них?

— Разговаривал с домработницей по таксофону. Она ему дала наш адрес и телефон. Так бывало не раз! Наши гости едут к ним, его — к нам!

— Перед тем как приехать, он позвонил?

— Конечно же! Я разговаривала с ним. Пригласила: «Приезжайте, пожалуйста». А что я должна была сказать, если человеку негде остановиться?

— Скоро он приехал?

Она задумалась:

— Минут через сорок.

— Сколько езды от Окунёвых до вас?

— Минут двадцать на машине. Но он ехал с вокзала.

— Он сказал?

— Да. С вашего вокзала. Я ещё спросила: «Бог мой, куда же ездят с него!» Он ответил: «На Донбасс. В Тамбов».

Денисов больше не сомневался, что они говорят об одном и том же лице.

— Кто такие Окунёвы?

— Наши друзья. — Сазонова в некоторых случаях могла ограничивать себя. Ответила немногословно. — Сам Иван Яковлевич преподавал, доцент. После войны вместе с нашим заведовал в 3-м медицинском.

— Потом он переехал в Рязань, я имею в виду институт, — вставил Сазонов.

— Окуневы действительно на даче?

— Скорее всего. Обычно до начала зимы там сидят. Только они да сторожа. Во всяком случае, в Москве, их нет, я звонила.

— Телефона на даче нет?

— Был. Потом отказались: нет покоя!

Денисов вернулся к погибшему:

— Но имя-отчество этого человека? Откуда он?

— Вы меня простите. — Все время, пока Денисов находился в квартире, она не выходила из своей роли девочки-подростка, которая отводилась ей в обкатанном десятилетиями семейном спектакле. — Когда он называл отчество, я поймала себя на том, что забыла имя. В результате не услышала отчества. Переспрашивать было неудобно. Очень милый застенчивый человек. Я не могла заставить его со мной пообедать, с большими усилиями удалось влить в него чашку чая. И то — без сахара.

— У меня просьба. — Денисов поблагодарил за кофе. — Внизу нас ждёт машина. Я попрошу ненадолго поехать со мной на вокзал.

— Обязательно? — Сазонов опечалился. — И непременно обоим? У Елены Дмитриевны с ногами...

— Ничего, ничего, — перебила та. — Немного проветриться не мешает. Тебе тоже. Засиделись. Собирайся. Надо же выручить человека! Скажите, он кому-то дал наш телефон, и за это его задержали?

— Пассажирке из Нижнего Тагила, ей негде ночевать.

— И это все, что он натворил?

— Да.

В коридоре Денисов снова зацепился взглядом за пачки подготовленной к сдаче макулатуры.

— Внукам собираем. — Сазонова заметила его интерес. - Полная квартира книг, антиквариат. «Нет, бабушка, ты ничего не понимаешь, нужны макулатурные». Домработница ни одной бумажки не выбрасывает, вяжет в узлы. Ох, эта внуки! Мне почему-то не дают их взять к себе; боятся, что я их испорчу.

— Домработница видела гостя?

— Она пришла, когда он уходил. А Олег и Дима как раз обедали.

— Кто они?

— Два милых молодых человека. Из Орска. Мама одного из них когда-то работала с Николаем Алексеевичем. Инженеры транспорта...

— Они тоже видели его?

— Да.

— Я прошу их разбудить. Им придётся тоже проехать в отдел.

Осмотр заканчивался. Бахметьев и криминалист о чем-то разговаривали, сидя на корточках рядом с погибшим.

Мелкий морозящий дождь несколько раз принимался идти и все не шёл, словно не решался.

Перрон так и остался серым, сумрачным. Пахло гарью. За забором элеватора, на стройке жгли мусор. Запах был чем-то близок предчувствию дождя, грязно-серому небу.

На соседней платформе было много людей — шла посадка на Астрахань и прибыл скорый Липецк — Москва.

Судебный медик — рыжебородый, в джинсах, с крепким молодым жирком на животе — курил у вагона, превращённого в камеру хранения. Над головой держал раскрытый зонт-автомат.

Узнав Денисова, медик помахал рукой. Бахметьев обернулся:

— Сазоновы здесь?

— Да.

— Как их самочувствие?

— Профессорша, по-моему, всплакнула. Сейчас они придут вместе с Королевским.

— Новое есть? — Бахметьев поднялся. Ему было тяжело разговаривать сидя, снизу вверх.

— Все, как я докладывал. Приехал по рекомендации друга Сазонова — Окунева.

— Надо с ним срочно связаться.

— Кравцов уже поехал.

— Окунев тоже медик?

— Невропатолог.

— А что их домработница?

— Тоже на даче.

— Дача, кажется, по белорусскому ходу?

— В Звенигороде.

— А как те двое, которые ночевали у Сазоновых?

— С ними Худяков. Дознаватель.

Денисов воспользовался минутой, подошёл к судебному медику:

— Добрый день.

— Привет, командир, — судмедэксперт усвоил манеры и сленг оперативных уполномоченных и даже слегка ими бравировал. — Нашли людей, у которых он ночевал? Поздравляю.

Денисов вздохнул.

— Главное, установить личность, дальше — связи... Кто его видел последним? Где? С кем? Возможности, представляемые типовыми версиями раскрытия преступлений, выглядели безграничными. А дальше как по маслу. Корысть? Мечь? Ревность?

— Пожалуй, — Денисов согласился, этикет был соблюден. — Что с ним все-таки?

Эксперт погладил бороду:

— Два отверстия...

Денисов подумал про кровь на пиджаке погибшего, представил бурую лужицу внизу, под трупом, на асфальте.

— Пока трудно сказать, какое входное, какое выходное. Труп переворачивали. Трупное окоченение только в мышцах лица. Температура подтверждает время наступления смерти... — Каждый час температура тела падает на один градус. — Не думаю, чтобы его откуда-то транспортировали к вам. Смерть наступила здесь, на платформе.

— Что ещё?

— Остальное больше для следователя. Королевскому, в протокол... — Он разворошил свою рыжую, лопатой, бороду. — «Тело средней упитанности, без шрамов, чистое...» Тебе не интересно.

— Татуировки?

— Я бы сказал.

— А что не для протокола? Неофициально?

— Приватно? — Большую часть времени эксперт как бы находился в состоянии игры — старался не замечать суровых сторон своей профессии. — Выстрел в грудь или в спину. С близкого расстояния. Смерть наступила от разрыва внутренних органов. После вскрытия расскажу подробности. Звони. А лучше приезжай. — Медик тоже устал: прежде чем приехать, всю ночь мотался по происшествиям в разных частях города.

— Протокол осмотра подписан?

— «Окончен труд...»

Денисов вместе с ним спустился с платформы. Из невыключенной рации под курткой доносились голоса. Дежурный переговаривался с оперативными работниками — те все ещё находились на платформе, в залах. Смена железнодорожников с ночной уходила на двое суток — со всеми надо было успеть переговорить; заканчивался опрос пассажиров, ночевавших на вокзале...

Садясь в машину, эксперт процитировал:

— «Когда оборвутся все нити... — Это было из студенческой песни. — И я лягу на мраморный стол, вы, пожалуйста, не уроните моё сердце на каменный пол...»

— Это он... — Сазонов неловко качнулся от носилок, на которые перенесли труп. — Был у нас. Прошлой ночью.

Перед тем так же безоговорочно погибшего опознала Сазонова.

— Как люди пускают? Не боятся! — Ревизор из понятых отвернулся: профессор и его жена — в брезентовых куртках с капюшонами — явно не внушали ему доверия.

— Когда он к вам пришёл? — спросил Бахметьев.

— Днём. — Сазонова поправила капюшон. — Часа в четыре. Я как раз выходила к мусоропроводу, а он появился из лифта. «Елена Дмитриевна? Я вам звонил... Окуневы на даче». Не помню, как он все объяснил. Я пригласила войти. Он продолжал извиняться, чувствовал себя неловко. Я поняла, что у него дела в Москве, надо где-то устроиться на сутки. Гостиницу он не забронировал...

Слушали её внимательно. И не только потому, что от памяти Сазоновой зависело направление поиска — речь её отличалась от короткого усечённого разговора оперативников.

— ...Я сказала: «Господи! Всегда рады. Столько свободного места». Ему понравилась маленькая, у входа, там раньше жила Катя, сестра. Миленькая комнате ночка с балконом...

— Вещи у него были? — Бахметьев достал чистый платок, на секунду приложил к покалеченному глазу.

— Только портфель. Очень потёртый, по-моему, свиной кожи. У Николая Алексеевича одно время был такой.

— Тяжёлый, как по-вашему?

— Портфель? Я не могу вам сказать. Я не трогала его.

— Вечер того дня гость ваш провёл дома?

— Ушёл и вернулся оч-чень поздно.

— Когда именно?

— Я считаю, часа в три ночи.

— Кто открывал?

— Мы дали ему ключ. Это удобно, согласитесь.

— Да. Но вы все равно проснулись?

— Мы почти не спим. Где-то немножечко под утро.

— Он вернулся один?

— Я полагаю.

— Свет зажигал?

— Да.

— Газ? Что-нибудь готовил?

— Нет. Мы с Николаем Алексеевичем оставили на столе в комнате термос с чаем. Но он не пил. По-моему, лёг сразу спать.

— А утром?

— Силой влили в него чашку чая. Но все как-то быстро, суетно. По-моему, он стеснялся. Я не люблю таких. Надо посидеть, потолковать.

— Вчера он был у вас до самого вечера?

— Да. Но дважды выходил.

— Надолго?

— Первый раз часа на два, потом ещё на час. Перед уходом принёс несколько грейпфрутов. Очевидно, слышал, как я заказывала их Зое Федоровне, домработнице. Я ещё заметила ему: «Вы внимательный. Было бы хорошо закрепить вас за нами навечно...»

— По-вашему, он с кем-то встречался в Москве?

— Думаю, да. По крайней мере звонил по телефону, разговаривал.

— С кем?

— Этого я не знаю.

— О чем он ещё говорил с вами?

— Ни о чём... У нас большая библиотека. Я знаю, что он читал. Вот и всё.

Заморосил дождь. Пришла очередная электричка — к метро двинулся очередной поток пассажиров, точно пригнанный по очертаниям платформы. Люди шли мимо вокзала; только ничтожная их часть обживала залы: приезжие, пассажиры поездов дальнего следования.

«Погибший был один из них, — подумал Денисов, наблюдая идущих. — Уезжал с нашего вокзала? Провожал? Встречал?!»

— Молодые люди, что живут у вас? Они не были знакомы с ним раньше? — следователь Королевский кивнул на носилки.

— Ни мне, ни Николаю Алексеевичу они об этом не говорили. Не думаю.

Денисов спросил:

— Комната, в которой он жил, убиралась?

— Вчера вечером... — У неё получилось «вче-а вече-м». - Как раз приходила Зоя Федоровна. Она проходящая, заглядывает то после работы, то перед работой. Но крайне редко!

— Где она сегодня?

— Поехала за ребёнком. Ему в школу, в первый класс. Забыла, как называется городок. Скоро должна быть... Может, уже завтра к вечеру.

— Мы его только раз видели, этого человека — вчера днём... — Хотя парней, ночевавших у Сазоновых, было двое, отвечал один — Сухонин, чернявый, без шеи, с низкими бачками. Его друг больше молчал, поглядывал по сторонам. — Не могу сказать твёрдо: он это или нет...

— Не пришлось посидеть вместе? — спросил Бахметьев. — Может, за столом?

— Нет. Елена Дмитриевна звала его пить чай, он отказался.

— Знакомились?

— Только поздоровались. Вернее, кивнули друг другу. Потом он снова ушёл к себе в комнату.

— И все время там находился?

— Я, во всяком случае, в кухне его не видел.

Приятель Сухонина — приземистый, широколицый — оторвал взгляд от перрона, поспешил присоединиться:

— Я тоже.

Оба были уже допрошены, но живые их образы и голоса, интонация, порядок слов давали для мысли розыскникам: больше, чем по школьному полные, включавшие в себя наполовину вопросы следователя, ответы из протоколов.

— Из Орска давно? — поинтересовался Бахметьев.

— Неделю назад. — В конце каждой фразы, даже если по смыслу требовалось отточие, Сухонин ставил точку.

— В отпуске?

- Заканчиваем. Скоро на работу.
- Ваши родители знакомы с Сазоновыми?
- Мать.
- Она тоже в Орске? А работает?
- На пенсии. Была главным невропатологом.
- Вчера вечером вы где были?
- На ВДНХ, потом в парке Горького.
- Вдвоём?
- С девушками.

Бахметьев ничего не значащим взглядом нашёл дознавателя, тот такими же безучастными ко всему глазами передал:

«Показания проверяются. Есть адреса, за девушками уехали...»

Снова пошёл дождь. Рядом с пунктом технического осмотра вагонов, у края платформы, появилась крытая грузовая машина, известная в милицейском обиходе как «перевозчик трупов». В нем ждали привычный груз вместе с копией протокола осмотра.

«Увезут, по-видимому, в Лефортовский морг как неопознанного», — подумал Денисов.

— Но хотя бы словом перебросились? — поинтересовался ещё Бахметьев. — Может, он сказал что-нибудь? Или вы? Что-нибудь бросилось в глаза?

Сухонин обернулся к приятелю, тот пожал плечами:

— Может, это? Я шёл из кухни, дверь в комнату к нему была закрыта неплотно. Вижу: пишет. Прилежно, голову нагнул к плечу.

— Письмо? Не видели?

— Не знаю. Как-то уж очень серьёзно. И бумаги целая стопка...

«Стопка бумаги... — подумал Денисов. — Трудно объяснить!»

К носилкам уже подходили двое из крытой машины:

— Можно брать?

— Минутку! — Королевский обернулся к свидетелям. — Посмотрите, пожалуйста, костюм на нём тот же самый?

— Я не знаю. — Сазонов отошёл. Жена его подошла ближе:

— Он. Новый и весьма элегантный.

Носилки качнули, поднимая, Денисов проводил их глазами.

Свидетели уехали. Денисов по рации нашёл младшего инспектора:

— Где находитесь?

— Временная камера хранения... — Это были все те же вагоны, стоявшие на приколе у вокзала.

Оперативная группа разыскивала портфель погибшего среди сданной на хранение ручной клади. Отрабатывалась «школа»: преступник мог оставить портфель на время, пока все успокоится, и осторожно взять его потом — через подставное лицо или лично — вместо того чтобы ночью нести с собой заметную наметанному глазу вещь. Не исключалось и то, что погибший сам по какой-то причине сдал портфель на хранение.

— Пока ничего?

— Нет, — отозвался Ниязов. — Готовимся к следующему этапу...

Следующим были автоматические камеры хранения, ячейки-автоматы. Все шесть тысяч. На каждой следовало удалить контрольный винт, ключом-«вездеходом» захватить изнутри невидимый снаружи рычаг запорного устройства.

— Вещественных доказательств почти нет, — по пути в отдел Бахметьев подытожил результаты осмотра. — Никаких документов, никаких личных вещей... Новый костюм... — Бахметьев на ходу провёл по лицу платком. — Карманы, кроме заднего брючного, заклеены плёнкой

Эксперт-криминалист, следуя занудливой дотошности, не мог не уточнить:

— Фирма «Аро, Вест-Берлин». Размер 50А.

— В каком-то магазине получили же эти костюмы... — Бахметьев как бывший работник ОБХСС привычно делал ставку на бухгалтерские документы, накладные; Денисов вздохнул. — Ничего, найдём! Человек не иголка! — Это было его любимое, по сути своей, программное заявление.

Подошёл Сабодаш. Ему удалось вырваться из дежурной части, чтобы доложить Бахметьеву не по рации, лично:

— Звонил Кравцов. Он разговаривал со звенигородским дежурным, который ездил к Окуневым. Им ничего не известно, обещали минут через тридцать собраться, выехать в Москву. Кравцов перехватит их по дороге.

— Надо будет завезти в Лефортовский морг, предъявить труп на опознание.

— Понял, — кивнул Сабодаш.

— Окуневы предполагают, кто мог приезжать? — Нет.— Кого-нибудь ждали на этих днях?

— Кравцов спрашивал. Нет. Окунев — доцент, заслуженный врач. Много учеников, друзей. Можно думать на любого.

— Дождёмся результатов опознания. А что домработница?

— Окуневых? Тоже едет сюда.

— Припоминает, кто ей звонил?

— Говорили с ней. «Никто не был, никто не звонил». «Телефон и адрес Сазоновых никому не давала, никто не просил».

— В общем, о пострадавшем по-прежнему ничего не известно. Так? — Бахметьев обернулся к следователю.

Денисов пошёл один, привычно присматриваясь к перрону.

У багажного отделения под арку осаживала машина с мусоросборниками. На одном Денисов увидел дату мелом и отметку — «8 пл.».

«Восьмая платформа...»

Мусоросборники с пометками, где каждый из них находился в ночь происшествия, перевозили на задний двор.

IV. ЛИСТЬЯ ИРИСА

Первую ночь в Коктебеле Денисов провёл беспокойно. Проснувшись затемно, включил свет. Сразу взялся за рукопись. Ему все казалось, что между строк о несчастной любви скрыто главное — обстоятельства и причины происшедшего.

«Ты настояла — покидаю Туву раньше срока. Сумки уложены. Я, как приговорённый к казни — наступает минута, когда он смиряется с участью. Не колотит в дверь, не просит бумаги, чернила. Не плачет, не кричит о невинности. Он принял судьбу, сломлен, исчерпал свои силы, согласен исповедоваться... Я боролся каждый час. Ты не изменила решения. Утром я пройду мимо теннисного корта, мимо твоих окон... Может, кто-то из мужчин когда-то обидел тебя и ты мстишь?!»

«Тут же на берегу Анастасия, наконец, целует меня. Завтра я уезжаю. Я получаю маленькую порцию любви - то, что было бы мне наградой в первый день. Я даже испытываю неловкость за то, что не очень благодарен! Мы проводим вместе весь день. Говорим.

Вечером сидим у моря. «Мы, как в 19 лет, Ланц. Потерпи дорогой. Не торопи. Старые ценности приходят ко мне. Я люблю тебя сегодня...» Даже теперь она говорит — «сегодня». Иду собираться. «Хорошо, что ты едешь. Я должна побыть одна». Она возвращается в дом с кипарисами у подъезда...»

«Беда, что кипарисы у каждого дома», — Денисов отодвинул рукопись.

Когда он спустился к пляжу, на море стоял полный штиль.

«Трудно рассчитывать на успех, — подумал Денисов, - когда ничего не знаешь о человеке, кроме того, что он мёртв, имени, которое он сам себе придумал, и того, что вырос в неполной семье работника системы коммунального хозяйства... «В детстве посещал детсад горкомхоза...»

Доплыв до буя, Денисов повернул назад.

Занимавшиеся гимнастикой копировали друг друга; высокий, в очках, блондин, не двигаясь, по-страусиному, стоял на одной ноге.

Было рано. Монолит превращённого в заповедник Карадага был испещрён бороздами. Высоко виднелась выгоревшая соломенная проплешина. Денисов несколько минут не думал о деле, глядя перед собой. Три основные краски формировали цвет воды — голубоватая — от прозрачного мелководья, тёмно-синяя — дань многометровой глубине и близкая к коричневой — свидетельствовавшая о близости водорослей.

Поговорить с Москвой из кабинета начальника коктебельской милиции накануне не удалось — была повреждена линия; впрочем, Денисов был уверен: если бы он понадобился Бахметьеву, тот изыскал бы способ с ним связаться.

Оставалось полагать, что ничего нового за сутки в Москве не произошло; и задание, с которым он прилетел в Коктебель, не утратило силу:

«...Установишь личность «Ланца»; биографические данные, образ жизни, материальное положение; родственные, дружеские, интимные связи и т. д. и т. д...»

За вопросами первого, общего круга шли целенаправленные, придирчиво сформулированные Королевским. Одним из них был — «Наличие у «Ланца» пистолета «фабрик... д'армес... де гуерра де гранде... пума» и так далее.

«Иначе говоря: заметил ли кто-нибудь в Коктебеле пистолет определённой марки у человека, которого вообще никто не видел...»

Денисов вздохнул, стал одеваться.

— Лежак вам не нужен? — Женщина с золотым крестиком на шее и коричневой помадой на губах отвлекла его. - Извините, вы, кажется, задумались... — Она смотрела внимательнее, чем следовало при пустяшной просьбе.

— Не нужен.

Она отвернулась, Денисов мысленно вернулся к своему:

«У человека, чья личность вообще не установлена! Который обозначен как Неизвестный, а у оперативников розыска носит имя героя своей рукописи!»

Когда Денисов уходил с писательского пляжа, солнце успело уже окрасить Карадаг; мужчина, занимавшийся йогой, все ещё стоял в своей странной позе — на одной ноге, прижав вторую рукой — под углом к туловищу.

Идти в столовую, в регистратуру было рано.

Денисов прошёл к себе, достал рукопись. Отдельные эссе он знал почти наизусть и все-таки просматривал снова, надеялся на эффект повторного чтения.

Три плана, отмеченные литературным консультантом, ограничивали круг, из которого Денисов тщетно пытался выбраться, — «любовь», «тоска», «ревность». И все три восставали сразу и всюду — стоило наугад ткнуть в страницу.

«...Я бегая за тобой! Это стыдно и сладко. Мы, как в школе. За нами следит весь класс. Ребята открыто меня презирают, мы дерёмся каждый день. Часть девочек одобряет, даже ставит в пример. Другие осуждают Анастасию. Первую ученицу...»

«Я вернусь в Отчий дом. Все исправлю. Буду жить в согласии с сердцем...»

«Каждый вечер я готов сказать тебе: «Милая, я больше не могу!», а говорю вместо этого: «Милая, давай поженимся!»

Объявление у почты, в котором «неизвестный в синей спортивной форме» предлагал две путёвки с проживанием в отдельном номере, на дереве отсутствовало, вместо него, выше, на уровне головы жирафа висела записка, содержащая два слова:

«ПРИЕЗЖАЮТ ЗАВТРА».

Человек, поравнявшийся с Денисовым, пошевелил губами, словно собирался о чем-то спросить. Подумал, прошёл мимо.

В отделении милиции Денисов ничего нового не узнал, ночь в посёлке прошла тихо, как и абсолютное большинство других.

Пока Денисов ходил, дежурная Дома творчества сменилась; вновь заступившая — маленькая сморщенная бабуся — потребовала пропуск. Сразу без очков все разглядела:

— Ходить у душ четверо ден... Пожалуйста!

«По истечении четырёх суток и в ворота не впустит, - подумал Денисов. — Эта службу знает».

— Библиотека в том же здании, где и столовая? — Денисову хотелось завязать разговор.

Бабуся равнодушно махнула рукой: культпросвет существовал в другой, не в её, епархии, кроме того, Денисов не принадлежал к категории людей, которых следовало баловать вниманием — из года в год бывавших, выросших у неё на глазах.

— Спасибо, вас понял.

В столовой, как и накануне, было сумрачно. Между входной дверью и дверью в зал висел ящик для корреспонденции; писем было немного. Денисов пересмотрел фамилии получателей и отправителей — ни одна его не заинтересовала.

— Где находится невостребованная корреспонденция? Письма, адресаты которых выбыли? — В обеденном зале Денисов нашёл сестру-хозяйку. Она объяснила:

— Специальный человек есть, Тамара Федяк. Она связана с почтой. Если отдыхающий уехал, а ему пришло письмо, оно лежит у Тамары, а потом его возвращают отправителю.

— А если отправитель неизвестен?

— Не знаю. — Сестра-хозяйка покачала головой. — Вы поговорите с Тамарой, когда приедет. Она сейчас в райцентре, в Судаке.

— Понял. Фотографию удалось показать?

— Показываю. Пока никто — ничего. Завтракали?

Ел Денисов снова один. За соседние столики народ тянулся так же лениво. Большинство отдыхающих красовалось в затрёпанных джинсах, сорочках, в туфлях со стоптанными задниками. Несколько человек явились при параде — в костюмах, с галстуками; их спутницы щегольнули яркими, в цветах, платьями.

— Кашу будете? — как и накануне, предложила официантка; на этот раз другая, с такими же набухшими венами на ногах.

Денисов снова не отказался. Уходя, он показал ей фотографию; официантка несколько секунд всматривалась: человек на снимке был ей незнаком.

«Хотя все воспринимают фотографию как прижизненную... — подумал Денисов, — лицо сильно изменено». Этим розыск обязан был «туалету трупа», произведённому в Лефортовском морге.

Библиотека была открыта. Прежде чем подняться, Денисов проглядел записи: существовало эссе, на которое обратил внимание эксперт-криминалист, изучавший вместе с Денисовым рукопись:

«Всего раз я был в тех местах, где ты сейчас находишься, и запомню их на всю жизнь. Даже сегодня сердце начинает громко стучать, когда вспоминаешь молчание неба и гор над нами, твой шёпот. И представляешь площадь Вогезов, о которой ты говорила, остров Сите с прямоугольными башнями и острым шпилем собора Нотр-Дам, а оттуда вслед за тобой переносишься к останкам храмов Аполлона в Коринфе и Дельфах...»

— Она жила в Париже, ездила в Грецию! Безусловно! — сказал криминалист. Возникла иллюзия того, что личность Ланца вот-вот будет установлена через его подругу. — И ему рассказывала! Зайди с этой стороны, Денис!

«Зацепка в другом! — тогда ещё подумал Денисов. В отличие от специалиста по баллистике, дактилоскопии, его ремеслом был чистый розыск. — Здесь другой стиль! Это похоже на цитату из письма к Анастасии!»

В тот же день перед вылетом в Планерское он на всякий случай получил от Королевского утверждённое транспортным прокурором постановление об изъятии корреспонденции, «поступающей в любое место на имя (от имени) гр-на Ланца — действительная фамилия устанавливается».

«Все это, к сожалению, имеет смысл при одном важном и существенном условии: если литконсультант... — Денисов даже не запомнил его фамилии, — не ошибся, и автор эссе о Ланце описывает события так, как они происходили, — позволяя себе изменять фамилии и портреты главных персонажей, оставив в неизменности суть».

Библиотекарша — остроносая, средних лет — встретила нелюбезно:

— Карточку отдыхающего на стол. У нас живете? — В читальном зале было пусто, как всегда, видимо, когда отдыхающие завтракали.

— У меня отпуск.

— С пропусками не обслуживаем.

— Я хотел взглянуть в Энциклопедический словарь. Две минуты.

Она смягчилась: выгнать единственного читателя было неловко.

— Только здесь, за столом. Подождите, я сама принесу.

Получив словарь, Денисов быстро нашёл упоминавшиеся в рукописи обозначения:

«Коринф — г. и порт в Греции, на п-ове Пелопоннес, на Коринфском канале. Адм. ц. Нома (адм.-терр.ед.) Коринф 21 т. ж. (1971)».

«Коринф — др.-греч. полис (в 6 км от совр. Коринфа). Основан дорийцами ок. 10 в. до н. э.; кр. торг.-ремесл. центр соперничал с Афинами, славился изделиями из бронзы и керамикой...»

Он никогда не пренебрегал этим правилом.

«Если пострадавший перед гибелью вспоминал о сумчатых или саблезубых тиграх, — заметил Сабодаш, — Денисов начинает интересоваться животным миром Австралии или Южной Африки».

Об Аполлоне в словаре сообщалось так же кратко:

«...в греч. мифологии и религии сын Зевса, бог — целитель и прорицатель, покровитель иск-в. Среди изображений А. др.-греч. статуи (известны в римских копиях): «Аполлон, убивающий ящерицу» и «Аполлон Бельведерский»...»

Останки храмов Аполлона в Коринфе и Дельфах словарь не упоминал, статьи «Дельфы» не оказалось. Ссылка содержалась в другой статье — «Дельфийский метод», которая, однако, уже никакого отношения не имела ни к Анастасии, ни к Ланцу:

«...от назв. др.-греч. г. Дельфы, известного своим оракулом, метод прогнозирования путём орг-ции системы сбора экспертных оценок, их математико-статистич. обработки...»

Дальше читать он не стал. «Кабалу» оставил на следующий раз. В рукописи были ещё цитаты Джека Лондона, Брэдбери; эпитафия принадлежал сказке Ершова...

Денисов вернул словарь.

— Фамилия отдыхающего — Ланц — ни о чем вам не говорит?

Библиотекарша безотчетно потянулась к карточкам:

— Нет. — Что-то в тоне Денисова заставило её насторожиться. — И в должниках тоже.

— Может, вспомните лицо? — Он показал фотографию. — Он интересовался Джеком Лондоном, Брэдбери.

— Если не записан, как же он мог подойти к стеллажу? Нет, не знаю. — Она вернула снимок.

«Не каждый, — подумал Денисов, — придёт сюда снова...»

— В Коктебеле есть ещё библиотеки?

— И довольно много. В пансионате, на турбазе. И ещё поселковая. В Доме культуры.

У столовой Денисов увидел Мацея, поэт шёл завтракать — серьёзный, с корявой бородкой, трубкой и непомерно большим животом.

— Решил с утра не работать, — Мацей словно оправдывался. — Такая стоит погода... — Он будто чувствовал вину за собственную бездеятельность. — Позавтракаю, пойду на пляж. — На Мацее были шорты, сорочка из крупноячеистой сетки, детская шапочка с козырьком. Видимо, он был достаточно известен — шедшие мимо почтительно с ним здоровались. — А вы?

— Бродить.

— Рекомендую сходить в бухты Мёртвая, Тихая... — Он показал правее горы Волошина. — Полуостров Хамелеон.

В столовой показались несколько мужчин, Денисов узнал высокого блондина, занимающегося йогой на пляже, — на нем был джинсовый костюм, затемнённые, в металлической оправе очки. Мацей извинился, двинулся навстречу коллегам.

Денисов прошёл вдоль набережной, привычно расставляя в памяти приметы встречных, все происходящее в это время вокруг.

Было тихо, несмотря на то, что в загонах за деревянными заборчиками, у моря, двигались, лежали, стояли тысячи людей; два звука царили на набережной, пока Денисов небыстро шёл к турбазе, — гудение приближающегося к причалу катера и плеск мокрого песка о ведро, оставленное на берегу спасателями.

Курортное утро набирало силу. У пляжей женщины в белых халатах проверяли санаторные книжки; мелькали пёстрые купальники. Спасатели, вчетвером, перевернули шлюпку, потом принялись окатывать её из ведра. Быстро, почти на глазах выросла очередь за мороженым. Последним стоял пожилой мужчина с отвисшим животом, дряблыми мускулами, в черных трусах; задумчиво смотрел перед собой в чей-то затылок.

— Письма, которые не востребованы?! Ничего не знаю! - На турбазе с Денисовым говорила другая женщина-регистратор, не та, что накануне. Она тоже словно чуточку придерживала себя. Возможно, на всех на них влиял поток туристов, направлявшихся в Коктебель.

Пока выясняли, у окошечка уже стояло несколько человек.

— Поговорите вот с кем... — Она назвала фамилию, которую он не расслышал. — Завтра. С утра. Сегодня её не будет.

— А как насчёт невостребованной почты?

— Телеграммы здесь, остальная почта в третьем корпусе...

Туристы протягивали руки с путёвками, звонил телефон, в регистратуре, кроме дежурной, был кто-то ещё. «Муж? Ребёнок? Подруга!» Человек сидел тихо и что-то спрашивал — дежурная нервничала.

— Всё, — Денисов простился.

Снаружи административный корпус напоминал универсальный магазин средней руки, застеклённый, в два этажа. С тротуара от входа можно было видеть вверху прижатые к стеклу носы ребят и пыльную обувь покупателей.

Высохшие листья ириса окаймляли главную и все боковые, отходившие от неё аллеи турбазы и в какой-то мере весь розыск Анастасии и Ланца в целом. Ланц писал: «Ирис», — произносит она мягко, делая ударение на первом слоге, и с тех пор для меня нет нежнее слова...»

Денисову все-таки удалось, хотя бы частично, проверить то, что наметил.

Письма для отдыхающих в пансионате «Голубой залив» оставляли в вестибюле столовой, там же происходила запись на железнодорожные и авиабилеты.

Ящики для корреспонденции отличались размерами — в третьем корпусе турбазы он был самый просторный, но и в нем конверты втиснуты были вплотную.

Денисов просмотрел все. В числе отправителей и получателей ни в пансионате, ни на турбазе Ланц не значился. Один раз сердце его дрогнуло, но только на долю секунды — фамилия адресата начиналась с «Лан», однако оказалась женской — Лановая.

Денисов свернул с центральной улицы. Первые невысокие холмы начинались сразу за Домом культуры. Денисов поднялся на вершину, отсюда была видна дверь в читальный зал, розоватая черепица крыш, кладбище.

В читальном зале был перерыв.

«Библиотека, платная стоянка автомашин, не востребовавшие письма... — На розыске было ещё рано ставить точку. — Что-то можно всё же извлечь из рукописи...»

Он достал уже изрядно потрёпанные страницы:

«В другой жизни мы будем вместе с детства...»

Некоторые мысли автора были навязчивы, бесконечно варьировались, нигде, впрочем, полностью не повторяясь:

«Идём в горы. Анастасия называет любимые места, но ничто уже не может ничего изменить. Она стесняется показаться со мной. Всё катится к чертям. После ужина она уходит спать. Я приношу ей второе одеяло. В её жизни нет места для меня! Как унизительно она разговаривает:

— Я искал тебя...

— Меня многие ищут.

Как прощается:

— Пока! — на моё «целую!».

Или:

— Чава-кава! — Ничего серьёзного между нами!»

Денисов поднялся, постоял.

На кладбище внизу, когда Денисов проходил к нему, было тоже безлюдно, тихо. Юркие ящерицы, облезлый кладбищенский кот. Ржавые каркасы венков. За небольшой оградкой внимание его привлёк крест, вделанный в островерхую треугольную оправу. Денисов подошёл — похоронена была мать поэта:

«Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина. 1849-1923».

Ланц писал:

«Утром просыпаюсь в твоих хорах бездомной голодной собакой, какой и был до нашей встречи. Содержит ли наша жизнь некий урок, который будет подведён в конце? Соединятся ли конец и начало?»

Денисов взглянул вниз. На секунду между кипарисами мелькнул красный кузов пикапа, там шла центральная улица. Было по-прежнему тихо и пусто. Саманно-жёлтая сухая выгоревшая трава. Зной. Лёгкое качание стерни.

На клумбе у Дома культуры краснели цветы, проходя, Денисов не сразу их узнал. Потом вспомнил: «Герань...» С чьей-то лёгкой руки цветы объявили мещанскими. Изгнали со всех подоконников. Так же быстро однажды перестали говорить «Будьте здоровы», если человек чихал.

Снова появился пикап, у кладбища завернул к кому-то во двор.

Читать все подряд было трудно, тем более что главное Денисов знал твёрдо — эссе Ланца не могли впрямую помочь ни установлению личности автора, ни обстоятельств, предшествовавших его гибели.

«Отца я не помню, мне не в чем его винить.

С грудным молоком получил я рабскую кровь, тщеславие, убогое представление о подлинных ценностях. Как и мать, завидовал тем, кто добился успеха, так любители с завистью смотрят на профессионалов и пытаются быть как они. Я не избежал этого. У матери моей была единственная радость — денно и ночью заботиться, чтобы я был сыт и здоров, и одет, если не лучше, то не хуже многих. А, оказывается, нищенствовала и голодала душа...»

Денисов оторвался от рукописи.

Он не сразу заметил: молодая, с сумкой через плечо женщина уже несколько минут возилась с ключами у двери в читальный зал. Пора было спускаться.

— Помню... — Библиотекарша только на секунду прикоснулась взглядом к фотографии. — Приходил.

Денисов почувствовал мурашки, опустившиеся к коленям: он молча смотрел на неё.

— Уверены, что не ошиблись?

— Абсолютно точно.

V. ЛИСТЬЯ ИРИСА (Окончание)

— Могу даже сказать — во что он был одет, когда к нам заходил...

Библиотекарша Дома культуры в Коктебеле — маленькая крашеная блондинка — тоже заволновалась. Когда Денисов вошёл, она сидела за столом с восьмым — свежим номером «Немана», в котором печатался детектив. Людей в читальном зале не было.

— ...Сорочка из цветных лоскутков. Очень модная. Один погон белый, другой синий. Планка красная. А что? Что-нибудь случилось?

— Нет. Давно его видели?

— В начале лета. Может, весной.

Данные совпали.

Денисов отошёл к креслу, оно стояло в трёх шагах, у окна. Ни в коем случае нельзя было спешить верить в удачу.

— Как вас зовут?

— Валя. — Она не назвалась полным именем или именем-отчеством. Между тем её предстояло допросить. — Потом ещё раз видела.

На улице.

— Далеко?

— У рынка. Я шла на автобус. Рано утром.

— Он был один?

— Один. Нёс пионы.

Значит, весной.

«Я мог не спросить: «Что он нёс?» — подумал Денисов. — Не узнать про пионы. Не уточнилось бы время... — Задним числом это всегда удивляло. — Задаёшь вопросы, когда хотя бы приблизительно знаешь, что ответят...»

Библиотекарша была идеальным свидетелем — вопросы не требовались:

— Он шёл к Дому творчества.

— Много позже того дня, когда приходил к вам?

— Примерно в то же время.

— Почему вы его запомнили?

Она улыбнулась.

— Пансионатские мало к нам ходят — у них свои библиотеки. Главное же — из-за сорочки...

Читальный зал помещался на втором этаже: два стола, несколько стульев; стенды с тематической литературой. На столе и на тумбочке лежали газеты. Дальнюю часть помещения занимали книжные полки. За окном тянулась холмистая полоса.

— У вас большой фонд?

— Тридцать тысяч, хранение открытое. Он пришёл после обеда, как вы. Здесь же стоял.

— Разговаривали?

— Почти не пришлось. Кто-то сразу вошёл. Он попросил разрешения подойти к полкам. Я разрешила.

— Вы записали его? — Денисов спросил тихо, чтобы не услышали злые маленькие гномики свирепого бога раскрытия уголовных преступлений.

— Нет. Требуется паспорт, справка о прописке. Залог. Я черкнула на клочке бумаги фамилию, потом выбросила.

— Зачем?

— Черкнула? Так, для проформы.

— Мы найдём эту бумагу?

— Что вы?!

— Вспомнить сумеете?

— Если назовут... — Она пожала плечами.

— Ланц? Ланцберг?

— Нет.

Денисов вздохнул. Он хотел слишком многого.

— Не исключено, что его интересовали Джек Лондон, Твен, Брэдбери.

— Марк Твен есть. И Лондон.

— Долго он был?

— Минут сорок, может, меньше.

— Все время у полка?

— Почему? Что-то записал, сидел. Хорошо помню: листал газеты. — Она показала на тумбочку. — По-моему, подшивку «Путь Ильича».

Районную. Некогда было наблюдать — человек восемь сразу пришло. Многовато — по нашим меркам.

— Не вспомните, кто был? Никто из читателей не разговаривал с ним.

— Нет. Она покосилась на свежий номер с детективом. — Вы — МУР?

Название одного из многих управлений главка в её устах звучало почти благоговейно.

— Нет. Московская транспортная милиция.

— А-а... — Она постаралась не обидеть.

— Вы мне покажете подшивки, которые он мог просматривать?

— Конечно.

Денисов просмотрел страницы районной газеты. Не зная, чем интересовался Ланц, было трудно на чем-либо остановиться: «Честь и слава по труду», «За сбор неспелого шиповника виновные подвергнуты штрафу...», «Высокая миссия экрана...», «Клуб "Встречи без рюмки"», «Творческое долголетие...», «Внимание! Учитесь играть в теннис!...»

В дверь домика была просунута записка:

«Жду в регистратуре».

Не заходя к себе, Денисов повернул назад, к административному корпусу. Он шёл слишком быстро для отдыхающего — на него оглядывались. Народ тянулся с пляжа. Застоялый зной, безветрие должны были вот-вот объявиться, чтобы уже не исчезнуть до ужина.

Регистратор была занята, Денисов прикрыл дверь, пустым холлом прошёл к столу, за которым никто не сидел. В толстой тетради учитывались заявки на ремонтные работы. Денисов полистал:

«В силовом шкафу на зимней киноаппаратной отгорели концы силового кабеля...»

«Починить замок во втором корпусе...»

Холл был темноватый. Набор репродукций на стенах выглядел случайным — «Карадаг», «Зимняя дорога в лесу».

Библиотекарша подтверждала время, указанное в рукописи.

«Апрель — май...» — Денисов вышел на крыльцо.

Прямо перед входом красным огненным цветом цвели канны, их окаймляли сухие, обгоревшие на солнце стебли ирисов. Выше, над ирисами, тянулся широкий барьер аккуратно подстриженной туи.

Пожилый прихрамывающий человек, которого Денисов видел в кабинете регистратора, через холл прошёл к выходу.

Денисов постоял: нетерпение и назойливость были качествами, которые он не терпел ни в себе, ни в других; пошёл в кабинет.

— Добрый день.

Женщина поздоровалась. Она, без сомнения, знала про записку в дверях, однако по какой-то причине предпочла, чтобы Денисов заговорил с ней первым.

— Вы просили зайти.

— Да. — Она держалась сдержанно, это был её стиль. — Звонила Тамара Федяк.

— Из Судака?

— Да, наш письмоводитель. Сестра-хозяйка столовой передала, что вы интересуетесь не востребованными письмами. У вас есть разрешение?

— Есть. — Денисов достал постановление, санкционированное московским транспортным прокурором, регистратор внимательно прочитала.

— Тамара объяснила, где у неё, что лежит... Мы с вами можем пройти взять. В этом же здании...

Денисов сложил почту на стол, быстро начал просматривать. Он сразу заметил: большинство отправок не имело обратного адреса; их некому было возвращать да и не имело смысла — в почте не содержалось ни служебной переписки, ни пакетов с рукописями.

Ничто не привлекло его внимания. Остались открытки вперемежку с телеграммами, в большинстве поздравительными:

«С днём рождения...», «С днём рождения...» Он быстро проглядывал адресаты. «Левину...», «Расуловой Идиллии Лятифовне...»

Что-то дрогнуло в нём, когда он прочитал:

«Настасьевой...» «Анастасьевой...» «Анастасия!»

Ещё телеграмма.

«Она уехала, не получив их...»

Открытки и телеграммы были направлены из Харькова. Денисов по-прежнему ни в чём не был уверен: корреспонденция была без подписи.

Он внимательно прочитал текст, сомнения сразу исчезли: Ланц цитировал себя:

«...Даже сегодня сердце начинает громко стучать, когда вспоминаешь молчание неба и гор над нами, твой шёпот. И представляешь площадь Вогезов, о которой ты говорила, остров Сите...»

Телеграмма состояла из списка авторов, названий книг, подлежащих включению в план какой-то редакции или библиотеки — длинный странный перечень: Грэм Грин, Джон Апдайк, «Вечная радость» Симона Соловейчика, «Большие надежды»...

Понятным только ему и Анастасии текстом Ланц телеграфировал все о том же, без конца повторявшимся в эссе: «вечная радость», «большие надежды»... Да и ключевая фраза была также знакомой по рукописи:

«"Давай поженимся"». — Джон Апдайк...»

Цветистые фразы — Денисов понимал — должны были затушевать смысл на случай, если бы корреспонденция Анастасии, несмотря на все предосторожности, все-таки попала в чужие руки.

Были в открытках абзацы, не встречавшиеся в эссе:

«...По-прежнему ли море полощет в темноте белые стерильные бинты коктейльного прибора? — начиналась одна из корреспонденции. — Гуляют ли вечерами по набережной счастливые мужчины и женщины? Мне снятся наши походы в Орджоникидзе, в Курортное, в Старый Крым, слышится тугий звук нежно-зеленоватых пушистых мячей...»

Когда протокол выемки корреспонденции был подписан, регистратор молча подвинула реестр-алфавит к Денисову. Он был раскрыт на списке отдыхающих, чьи фамилии начинались с Н. Денисов просмотрел его, перевернул страницу: фамилии Настасьевой в реестре не было.

— Хотя бы примерно, — регистратора захватила настойчивость, с которой он вёл свой казавшийся вначале бесперспективным поиск. — Представляете, какая она из себя?

— У меня её литературный портрет. — Денисов достал рукопись, довольно быстро нашёл страницу. — Вот.

Регистратор читала серьёзно, Денисов следил за взглядом, перебегавшим по строчкам,

«У неё большие глаза, округлый подбородок, на белом с жёлтыми пятнышками пирамидальном лице змеистые прекрасные полные губы Моны Лизы. Длинные сложные уши с серьгами из сердолика под цвет бус. Глаза серо-голубые. В минуту близости...

— взгляд регистратора дрогнул, но она спокойно дочитала абзац, — они становятся голубыми, на редкость выразительными. В них открытость, нежность — всё, что в другое время она боится выказать. Невозможно солгать, когда двое физически и духовно обнажены...»

Регистратор покачала головой, ничего не сказала.

— Там ещё, — Денисов показал абзацем ниже:

«...В минуты внутренней свободы я вижу шагающего впереди толстенького Ламме Гедзака женского пола, в шортиках-мешочке, удерживающем толстую попку каплуна, жёлтую куртку-ветровку, сползшую набок, морщины на шее. Откуда у этой чужой немолодой женщины такая власть надо мной? — думаю я».

— Нет, — она вернула страницу, — не представляю.

Денисов набрал телефон начальника поселковой милиции, Лымарь был на месте.

— Есть харьковские телеграммы Ланца... — Он продиктовал номера, даты. — Надо срочно запросить данные отправителя.

— Хорошо. А что адресат?

— Проживающий в Доме творчества не значится.

— Жаль, — искренне сказал Лымарь, — можно было проследить ночной маршрут Ланца.

Он имел в виду фразу из эссе: «Я увидел, как Анастасия проскользнула между двумя кипарисами, вошла в подъезд...»

В горячем песке грелись турки с кофе по-восточному, в плоской вазе лежал черпак для сахара.

Денисов допил свой кофе — водянистый, сладкий.

В кофейной фотографии Ланца можно было не показывать — заведение открылось в июле, Ланц уехал из Коктебеля в мае.

Едва взглянув на фотографию, продавщица — совсем девочка — отрицательно качнула головой.

«Все просто. — Денисов ещё посидел. Такой был день - успехи и неудачи чередовались. — Ланц посылал письма своей возлюбленной на вымышленную фамилию. Оба знали, что, кроме «Анастасии», почту Настасьевой никто не возьмёт. Взрослые дети. Интересно — указывал ли он в Харькове на бланке телеграммы настоящую фамилию? Или тоже писал Ланц...»

В кофейной было полно ос — посетителей они не трогали, тяжело переползали по кускам сладкого на столах. В открытую дверь проникал недвижимый зной, режущая глаза острота света. Не верилось, что ещё день назад там, в Москве, была стекавшая с платформ вода, холодный дождь; серое запотевшее стекло в несколько этажей, разделявшее центральный зал и перрон.

Он продолжал сидеть, хотя давно пора было подниматься.

«Сыщика кормят ноги», — в век НТР это не утратило значения.

Денисов достал рукопись, нашёл ту её часть, о которой заговорил Лымарь: ночной проход Ланца по Коктебелю...

«...Скоро двенадцать. Какая жуткая ночь. В полночь свет выключили. Около часа я почувствовал их приближение. Они не разговаривали, торопились. Так идут с краденым. Я видел, как Анастасия проскользнула между двумя кипарисами, вошла в подъезд. Я боялся потерять её спутника. Господи, какая жуткая ночь! Сейчас, когда я пишу, начало шестого. Воровской посвист птиц. Я нагнал его, он шёл почти бесшумно. Мы дважды свернули вправо. Было темно. Он вошёл в калитку. Исчез. Но стука двери не было. Я остался. Видимо, он заметил меня. Кто он? Профессор, с которым я так и не познакомился? Я мог простоять всю ночь. Было ещё темно, когда он появился

снова. Я шёл за ним. Разноцветные миражи виделись мне впереди, будто два телевизора — цветной и черно-белый — работали рядом. Меня колотило. Я был готов на все!...»

Несколько страниц рукописи остались непромуерованы — любая из них могла при желании считаться продолжением:

«Что? Что надо?» Я подошёл, когда он уже сидел в машине. Высокий, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган. Я остановился.

«Анастасия не введёт меня в свою компанию, — подумал я, глядя на симпатичного человека за рулём. Он показался мне совсем молодым. — Они связаны друг с другом с детства. В этом суть. Их родители знакомы. Дети переженились, и не по одному разу. Сами тоже. Я чужой. Она стесняется меня. Но я могу войти в их компанию и сам, если придётся по душе её друзьям. Этим людям. Не здесь, так там, дома!»

«Курить найдётся?» — спросил я его. Он кивнул. Сразу успокоился...»

Было и второе продолжение:

«— Почему ты не встретил? — спросила Анастасия. — Говоришь, что любишь! Почему же сердце не подсказало тебе, что я иду. Одна! И не смотрю, кто сзади, хотя безумно трушу! Почему не окликнул, когда я входила в подъезд?! Неужели ты до сих пор думаешь, что можно одновременно встречаться ещё с кем-то?! Как тебя воспитывали, Ланц? В каком обществе? И вообще ты принимаешь меня за другую. Между тем я, как все! всю жизнь либо учусь, либо работаю...»

Я верю Анастасии. Есть мысли, слова, которые идут от чувств, их не подскажет холодный разум, их узнаешь сразу!»

И, наконец, третье:

«Он оглянулся, исчез и отсутствовал минут семь, может, больше. На этот раз он меня явно не видел. Я стоял не шелохнувшись. Потом он появился снова, он нёс что-то длинное, плохо различимое в темноте; оглядевшись, бросил рядом с забором. Когда шаги его не стали слышны, я подошёл: в траве лежал багор, наподобие пожарного. Я забыл, что у людей свои корысти, дела. Когда-нибудь мы посмеёмся над перипетиями этой ночи...»

«Чтобы проследить путь Ланца в ту ночь, надо знать дом, в котором жила Анастасия...» Взгляд Денисова привычно цеплялся за знакомые абзацы, он читал их несколько раз, думая о том, как вырваться из порочного круга.

Многое, наверное, могла бы прояснить запись на странице, низ которой был оборван:

«Перст судьбы — он племянник...»

Возможно, Ланц сам оторвал край, невольно унеся разгадку тайны.

«Кто племянник? Чей? Почему слово, «племянник» выделено? В чем погибший заметил указание провидения?» Возникло множество вопросов.

Впрочем, в том, что странице с записью нанесён ущерб, Денисов тоже видел перст судьбы. Если документ или другое письменное доказательство оказывалось повреждённым даже частично — фамилия либо дата — в зависимости от того, что было важнее для следствия, — а чаще и то, и другое, как правило, обязательно оказывались уничтоженными. Многочисленные враги свирепого бога уголовного розыска всегда поспевали первыми.

Другое — то, что допускало многочисленные толкования, не давало прямого выхода на цель — оставалось неповреждённым. Так было и в этот раз.

Он убрал рукопись, снова перелистал не полученную На-стасьева корреспонденцию.

Одна из фраз в открытке при повторном чтении показалась любопытной:

«...слышится тугой звук нежно-зеленоватых пушистых мячей...»

Поначалу он и сам не мог себе объяснить, что в ней.

Молоденькая официантка поднялась, чтобы убрать со стола, в кофейной работали одни практикантки.

Денисов вышел, сразу почувствовал себя как у раскалённой печи. Жара ещё больше усилилась. Люди возвращались с пляжа, несли на руках сонных разомлевших детей.

На рынке торговали персиками, луком; рядом в комиссионной палатке было прохладно, витрины предлагали мёд и некрупную фасоль, охотников до них не предвиделось. Молодая продавщица смотрела в окно, отсюда была видна главная улица — пустоту её время от времени нарушала какая-нибудь из машин, направляющаяся в Феодосию или Судак.

Денисов продолжал думать о строчке в почтовой карточке.

Его жизнь никогда не была связана с теннисом, хотя на фабрике у Лины присланный откуда-то по окончании института энтузиаст на первых порах организовал секцию, и Лина записала обоих. Но энтузиаст вскоре перешёл на новое место, секция распалась, Денисов так и не был ни на одном занятии.

Правда, ещё раньше, когда жили в Булатникове и ему приходилось возвращаться домой пустынной дорожкой по ночам одному, он примерно с год таскал в руке упругий сероватый мячик — развивал кисть.

У междугородных автоматов снова стояла очередь, Денисов подошёл к дереву, заменявшему доску объявлений.

«Старик, — появилось новое сообщение. — Звонил Анатолий...»

Записку «Приезжают завтра» сменил чистый клочок бумаги, поднятый на ту же двух с половиной метровую высоту.

«По-видимому, знак о том, что депеша получена...» — подумал Денисов, поворачивая к себе.

Бабуся-сторож в воротах Дома творчества признала его: едва Денисов полез в карман, закричала приветливо:

— Ходы так! Ишо два дежурства. У кино, у душ... Гуляй!

Он спрятал пропуск.

На территории Дома творчества жара чувствовалась не так сильно. Вокруг деревьев. В центре, рядом с авиакассой, группа отдыхающих ждала кассира, все знали друг друга - неспешно что-то обсуждали. С киноафиши за ними следили внимательные глаза Исаева-Штирлица.

Денисов свернул на боковую аллею. С расположенного поблизости теннисного корта все время, пока он двигался от входа, доносились короткие тугие удары, о которых писал Ланц.

У корта Денисов остановился.

«Ланц полюбил все, связанное с Анастасией, — подумал он, — и от этого взгляд его становился иногда необыкновенно острым и изобретательным...»

Кроме игроков, за сеткой было немало наблюдавших. Скамью занимали несколько молодых женщин, здесь тоже все были знакомы между собой, весело перешучивались.

Среди игравших Денисов увидел Мацея, поэт играл в паре с худощавым, в очках, блондином, занимавшимся йогой на пляже. Игра у Мацея не ладилась, партнёр делал вид, что его это не трогает, бесстрастность, однако, давалась ему с трудом.

Денисов дождал, пока Мацей и его партнёр проиграли, — это не заняло много времени.

— А-а, сосед... — Мацей был расстроен, даже не пытался это скрыть. Он направлялся домой. Шли рядом. — Данные у меня неплохие. И реакция. Я знаю. Практики мало! Восемь лет вообще не брал в руки ракетку. А до этого — от случая к случаю. Правда, в детстве занимался. Юношеский разряд... — Мацей достал трубку. — Спички с собой?

— Нет.

— Потерплю. — Огромный живот колыхнулся, Мацей предпочёл его не заметить. Надвинул шапку на глаза.

Мимо двухэтажных корпусов, бильярдной они двигались в направлении столовой, к финским домикам.

— Теннисные мячи... — спросил Денисов, помолчав. — Всегда белые?

— Наши всегда. Других я в продаже не видел.

— А зелёные? Точнее, нежно-зелёные? — Он процитировал Ланца.

— Пушистые... — Мацей кивнул. — По-моему, их привозят.

— Видели?

— Только раз. У игрока экстра-класса.

— Здесь? В Коктебеле?

— Веда играла, мастер спорта. Приезжала на несколько дней.

— В этом году?

— Весной.

— Вы знакомы?

Они прошли мимо плаката: «ТИШЕ! ПИСАТЕЛИ РАБОТАЮТ!» Впереди была узкая тропинка к дому Мацей, идти вдвоём по ней было невозможно. Денисов успевал задать три — максимум четыре вопроса, при условии, что Мацей ответит сразу и коротко.

— С Ведой? Она из Харькова, но живёт в Минске. — Поэт, как назло, тянул, был не в меру обстоятелен. — Режиссёр на «Беларусьфильме». Да вы тоже знаете наверняка, видели по телевизору. Собственно, она и сейчас здесь. Позавчера прилетела. С мужем. Но играть не приходит. Не с кем и неинтересно.

— А весной? Партнёры были? — Денисов загнул палец: «Раз!»

Поэт оказался снова многословным:

— Партнёры? Нет. Просто её просили дать нагрузку, погонять по площадке. А мы стояли вокруг. Любовались.

— Кого погонять? Мужчину, женщину? — Денисов перебил его: тропинка была совсем рядом: «Два!»

— Подругу. Она, собственно, и просила.

— Вы и её знаете?!

— Я всех знаю.

— Кто у неё подруга, интересно?

— Из Харькова тоже. Завсегдатай. Ширяева Наташа, переводчица. Со мной обычно сидит. На Ларискиных столах... — Дойдя до столовой, он повернул. — До вечера! Чава-какава!

Дверь в столовую со стороны набережной была закрыта. Денисов прошёл к служебному входу, вошёл в коридор. В душевой из непривёрнутого крана капала вода.

— Ларису позовите, — попросил он женщину, показавшуюся из кухни.

— Лариса, тебя! — крикнула та.

«Двинулось... — подумал Денисов. Он вспомнил ночного оперуполномоченного с Курского. — «Не надо только круглое тащить, а плоское катать...»

— Лариса! — снова послышалось в коридоре. — Молодой человек ждёт.

— Иду.

Официантка оказалась рыжеватой, крепенькой, в войлочных тапках, в байковом платье, несмотря на жару.

— Слушаю... — Официантки здесь отличались терпением и покладистостью.

Денисов представился:

— Я интересуюсь одним человеком. Где бы могли переговорить?

— Давайте за мои столы...

Они прошли к одному из столов, он стоял ближе к кухне. Денисов сел. Отсюда была видна большая часть помещения, прилегающая к веранде, и дверь в вестибюль - входившие в столовую словно попадали в мрачноватый зрительный зал.

— Этого человека вы знаете? — Он показал фотографию. Официантка отошла ближе к свету, вернулась, неся снимок в руке:

— Среди постоянных не было. А так разве запомнишь? Каждый день меняются.

— Он был в цветной сорочке, очень заметной. Красное, белое, синее. Лоскутами.

— Тут насмотришься... Только поспевай, гляди! Какие только люди не ездят!

— Значит, не знаете?

— Нет.

— Он сидел где-то поблизости от Ширяевой...

— Наташи? Она как раз за этим столом всегда сидит... — официантка обрадовалась.

— Вы знаете её?

— Как же?!

— Какая она из себя?

— Блондинка. Сероглазая. В очках. Плотненькая... — Она, не глядя, провела рукой над бёдрами. — Ходит в курточке, в шортах. — Официантка и Ланц в своей рукописи, несомненно, обрисовывали одну и ту же женщину. — Симпатичная...

— Вы и семью её знаете?

— Сынок в этом году поступил в Суриковское. Теперь одна живёт.

— Приезжает часто?

— Каждый год, а то ещё и дважды в год. В Планерском у неё родственница — Сусанна Ильинична. Наверное, слышали?

— Нет.

— Известная художница... Ну, сейчас-то какая она художница?! Под девяносто, считай. Но всё равно!

— Она живёт в Доме творчества?

— Дача у неё.

— Ширяева обычно с ней, на даче?

— У нас. Там, у Сусанны, всегда люди. Как на вокзале... А у нас и удобства: горячая вода, душ. Всё под рукой.

— Обычно она отдыхает одна?

— Все годы. У них тут компания. Веда...

— Кто ещё?

— Никита. — Официантка знала всех. — Журналист. Ещё и экстрасенс. Водит рукой вдоль одежды и ставит диагноз. Я, правда, к нему не обращалась.

— Весной все сидели за этим же столом?

— Веда с мужем раньше приехали, заняли в первом ряду. И Никита с ними.

— А кто тут, с Ширяевой?

Она начала с угла:

— Поэт, Пётр Григорьевич.

— Мацей?

— Да. В шапочке, с животом... В Коктебеле хорошие поэты отдыхают. Юлия Друнина недавно была. Скоро опять приедет. Татьяна Кузовлева.

Денисов показал на стул рядом с собой:

— Все было занято?

— Тут — Игорь. Искусствовед, профессор. Интересный мужчина, ещё молодой, — не ожидая вопросов, она указала на следующий стул. — Из Архангельска, жена главного редактора. Дальше Марковская. Тоже искусствовед. Люба — актриса из театра Леси Украинки... Ещё мальчик, ему стул ставили. Сын Мацея. Потом отец отправил его в Харьков, к бабушке. Шесть человек...

«В столовой сидели порознь...» — подумал Денисов про Анастасию и Ланца.

— Художница... Родственница Ширяевой... Она сейчас в Коктебеле?

— Завтра приезжает. И Наташа с ней.

— Это точно?

— Мы все тут знаем, не выходя из столовой, — веснушчатое лицо сморщилось в беззвучном смешке. Она поправила фартук. — На даче уже помыли, холодильник включили. Ждут.

Денисов вернулся к началу разговора:

— У Ширяевой есть брат?

— Одна она. Кирилл Владимирович, отец её, был потом ещё раз женат. На Кругловой-Стеценко, пианистке... — Денисов быстро потерял нить. Его интересовало главное.

— Про племянника её вы никогда не слыхали? — «Перст судьбы, — писал Ланц, — он племянник!»

— Никогда. Нет у неё! Я бы знала.

— А вдруг?

— На всякий случай поинтересуйтесь у Веды.

— Где её искать?

— В коттеджах. Но вряд ли... — Она глазами указала на карман, где лежала фотография Ланца, и убеждённо мотнула головой.

Новые террасы коттеджей производили впечатление недостроенных — словно в последнюю минуту из них вытащили и унесли оконные переплёты. Кирпичные коробки стояли пустыми.

Денисов выждал несколько минут. Постучал, его сразу услышали.

— Прошу, — сказал женский голос.

Денисов толкнул дверь в комнату — она была не заперта. На пороге остановился. Хозяева сидели за столом, при виде чужого человека замолчали.

— Разрешите?

— Да.

Подруга Ширяевой была не только теннисисткой и режиссёром, она снималась в кино. Денисов не раз видел её по телевизору: спортивного вида, с короткой стрижкой; мужа её — сухощавого, с замкнутым скуластым лицом — видел впервые.

Муж посмотрел на Денисова, потом на жену. Денисову показалось, супруги чем-то расстроены. Спросил:

— Может, мне лучше выйти? А вы тут посекретничайте...

Денисов решил, что они женаты недавно.

— Я из уголовного розыска.

— Как вы сказали?

— Милиция. Уголовный розыск.

Денисов услышал похожее на всхлип. Это оказался смех. Нервный, почти судорожный.

— Слышишь, Веда? Уголовный розыск.

Обоим стало сразу легко. Женщина положила руку на плечо мужа:

— Я же говорю, Георгий, ты — бандит. Урка. Все знают.

— Но подозревают-то тебя! Я думаю, тебе лучше сразу признаться...

— Я не должна была связываться с тобой.

Им нравилась игра, которую они затеяли.

Денисову не надо было объяснять сложные отношения внутри вновь созданной семьи, он все понял.

— Меня интересуют люди, с которыми вы отдыхали весной. И даже не они сами. Третьи лица.

— Сложно! — Женщина обернулась. — Правда, Георгий? Даже для тебя, хотя ты и теоретик, и программист. И чуть-чуть шпана.

— Пожалуй.

Денисов понял, что его неожиданный, без предупреждения, визит принят.

— Я бы не хотел, чтобы в Доме творчества узнали, кто я и чем интересуюсь...

— Садитесь, — предложила Веда.

— Люди, о которых я вынужден спрашивать, порядочны, и у меня в отношении их ни малейших сомнений. — Денисов присел к столу.

— Если меня спросят, я скажу, что вы известный кинодраматург, у которого один мой знакомый, — Веда крепче обняла мужа за плечи, — снова занял деньги и якобы для меня.

— Правдоподобно?

— Ещё как, — сказала женщина. — Правда, Георгий?

— К сожалению. — Он вздохнул.

«Нечаянно я узнал причину размолвки супругов...» — мимоходом отметил Денисов.

— вспомните, кто отдыхал весной вместе с вами?

— Минуту... Так. — Веда подумала. — Никита. Наш друг, очень серьёзно занимается Индией...

Денисов вспомнил йога на пляже:

— Высокий блондин в очках?

— Да, он. Тоже жил вместе с нами. За стеной. Мы всегда вместе отдыхаем. Полное имя его — Никита Алексеевич...

— Зубарев, — подсказал муж.

— Он с машиной?

— Вообще-то машина у него есть. Но приезжает он без машины. — Разговор, начатый Денисовым, не усугубил размолвки между супругами, ещё больше их сблизил — Веда отвечала охотно. — Он ещё и экстрасенс, сильное биополе...

Денисов кивнул.

— Фамилия Ланц, Ланцберг вам ни о чем не говорит?

Муж Веды кивнул на жену:

— Я никого не знаю.

— Первый раз слышу.

Денисов достал фотографию, несколько секунд супруги внимательно её изучали.

— И всё же кого-то очень здорово напоминает, — заметил Георгий.

Режиссёр оказалась более осведомлённой:

— Имя не помню. Но знаю, кто нас знакомил: Наташа Ширяева, моя подруга. Вот-вот должна приехать.

— Бывал в вашей компании?

— Нет. Уже не помню — почему. Жил в Доме творчества...

За недостроенной коробкой террасы послышались шаги, голоса. К супругам направлялась большая компания. Денисов скрепя сердце решил перенести разговор, Веда его поняла:

— Вам очень срочно? Давайте завтра, сразу после завтрака. Я постараюсь всё вспомнить.

— Скажите: Ширяева приезжала в ближайшие дни в Москву? Может, проездом?

— Наташа? Нет, я знаю.

— В каком она корпусе здесь жила?

— В семнадцатом. Как всегда.

Кипарисы стояли парами вдоль узкой дорожки, уложенной плитами. Смеркалось. Незнакомые женщины разговаривали, стоя на крыльце; одна — помоложе — держала в руке мокрый купальник. В комнате наверху плакал ребёнок.

Ланц писал:

«Я видел, как Анастасия проскользнула между двумя кипарисами, вошла в подъезд...»

Обозначив крохотное крыльцо как подъезд, автор эссе погрешил против истины. Ширяева жила на первом этаже небольшого двухэтажного дома в двухместном номере.

То и дело сверяясь с рукописью, Денисов вышел на аллею, она вела к выходу с территории Дома творчества — уже знакомая, много раз хожённая, окаймлённая стриженной туей и ирисом.

«...Я боялся потерять её спутника. Господи! Какая жуткая ночь! Сейчас когда я пишу, начало шестого. Воровской посвист птиц. Я нагнал его, он шёл почти бесшумно. Мы дважды свернули вправо...»

Денисов оказался на набережной. На скамье молодые художники предлагали свои работы. Денисов подошёл к расставленным картинам.

«Море», «Карадаг», «Скалистый каньон»... Кое-что обращало на себя внимание.

— Десять рублей, — кто-то назвал цену.

Человек рядом с Денисовым подал купюру, взял акварель. Сбоку, у парапета, стояли несколько литераторов, отдохавших в Доме творчества, — Денисов научился их узнавать. В центре мелькнула детская шапочка Мацея, поэт так и не приступил к работе.

Небо, море быстро меняли цвет, приближаясь к серо-асфальтовому. Некоторое время их ещё разделяла с набережной бело-меловая полоска балюстрады.

На причале зажгли огни, трепетные полосы потянулись к пляжу. Художники собрали акварели, движение людей стали по-ночному тревожны.

Денисов двинулся вправо. Ведущая к спасательной станции часть набережной оказалась неосвещённой; с одной стороны её тянулся нескончаемый длинный забор, отделявший территорию Дома творчества от моря.

«Было темно... — писал Ланц. — Он вошёл в калитку. Исчез...»

Маленькая станция спасателей напоминала клуб «Коммуна», в котором Денисов в детстве вместе с родителями просмотрел лучшие в его жизни фильмы; в нем была тоже металлическая лестница, по которой со двора можно было подняться в кинобудку. Как и «Коммуна», спасательная станция была щедра на наглядную агитацию — «Правила поведения на пляже», «Способы оказания первой помощи утопающим» — все в картинках.

Художник, показалось Денисову, был из спасателей, во всяком случае симпатии его были полностью отданы людям мужественной и смелой профессии: утопающий на плакате выглядел меланхоликом, отчаявшимся бороться за собственную жизнь, у спасателя были круглые, навывате, горящие глаза борца. Правила тоже в первую очередь трогательно заботились о спасателе: «Приёмы освобождения от захвата тонущего...»

Сразу за спасательной станцией начиналась гора — в эссе она по какой-то причине не упоминалась — невысокая, крутая. Со стороны улицы её огибал забор.

«Но стука двери не было, — писал Ланц. — Я остался. Видимо, он заметил меня. Кто он?»

Денисов нашёл калитку, она была заперта. Дом стоял в глубине, между забором и строением росли деревья, ни один звук не доносился из темноты.

«Было ещё темно, когда он появился снова.

Я шёл за ним. Разноцветные миражи виделись мне впереди, будто два телевизора — цветной и черно-белый — работали рядом. Меня колотило...»

«Может, нет никого...» — подумал Денисов про дом на горе.

Было поздно — по улице шли люди, сворачивали в черноту набережной. Там, где светильников не было, действительно различались лишь силуэты, и всего два цвета — чёрный и серый; одиноко горела звезда; впереди, за деревьями, у столовой Дома творчества, снова возникли краски.

«Будто два телевизора — цветной и черно-белый...» — вспомнил Денисов.

У первого же светильника он снова раскрыл рукопись:

«Что? Что надо?» Я подошёл, когда он уже сидел в машине. Высокий, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган. Я остановился.

«Анастасия не введёт меня в свою компанию, — подумал я, глядя на симпатичного человека за рулём. Он показался мне совсем молодым. — Они связаны друг с другом с детства. В этом суть. Их родители знакомы. Дети переженились, и не по одному разу. Сами тоже. Я чужой. Она стесняется меня. Но я могу войти в их компанию и сам, если придётся по душе её друзьям...»

«Курить найдётся?» — спросил я его. Он кивнул. Сразу успокоился...»

Денисов нашёл страницу, которую логически можно было считать продолжением, Ланц не оставил своего нового знакомого без наблюдения, выражаясь языком оперативного работника, скрытно сопровождал его в тот же адрес:

«Он оглянулся, исчез и отсутствовал минут семь, может, больше. На этот раз он меня явно не видел. Я стоял не шелохнувшись. Потом он появился снова, он нёс что-то длинное, плохо различимое в темноте; оглядевшись, бросил рядом с забором. Когда шаги его не стали слышны, я подошёл: в траве лежал багор, наподобие пожарного.

Я забыл, что у людей свои корысти, дела. Когда-нибудь мы посмеёмся над перипетиями этой ночи...»

Сюда же можно было, видимо, подверстать оборванную снизу страницу, начинавшуюся словами:

«Перст судьбы — он племянник...»

Денисов спрятал бумаги.

«Где могла стоять машина, к которой ночью подходил Ланц? На платной стоянке? Тогда почему ни слова о соседних машинах? Почему сидевший за рулём был напуган? Чем?» — В истории, записанной Ланцем, было что-то важное.

Между Домом творчества и пансионатом набережная была полна людей. Играла музыка. С теплохода по радио приглашали желающих принять участие в вечерней прогулке по морю.

«С некоторыми мыслями, если потеряешь, никогда не встретишься, как с пронесшимся мимо болидом...» Это было особенно важно для людей его типа мышления, он знал. Не логическим, а по типу внезапного озарения.

За пансионатом набережная закончилась, Денисов прошёл мимо небольших огороженных пляжей — в темноте их было плохо видно, — поднялся на пригорок.

Впереди открылся вид на палаточный город: десятки неясных огней, силуэты машин. Работали переносные телевизоры, до Денисова донеслась хрипая речь, транслировали детектив. Денисову показалось, он узнал: «Место встречи изменить нельзя»... Так ни разу ему не удалось досмотреть его до конца.

Между палатками сновали дети. Ни шлагбаума, ни административного здания с этой стороны автостоянки не было, они были со стороны шоссе.

«Машину и молодого человека, с помощью которого Ланц пытался проникнуть в компанию Анастасии и Веды, надо искать там...» — подумал Денисов.

Дорогу назад, к финскому домику, он нашёл быстро, несмотря на темноту. В коттеджах не спали, из домов доносились приглушенные голоса, музыка.

«Перст судьбы — он племянник...» — Денисов и сам не мог сказать — цитирует ли он рукопись или иронизирует над ситуацией. — Ланц многое намеренно запутал, он изменил имена, профессии, координаты. Режиссёра Веду превратил в критика детектива, придумал специалиста по исландской литературе и его аспирантов. Племянник может оказаться шурином, затем вообще чьим-то дальним родственником...»

Подходя к дому, Денисов огляделся.

В окне у Мацея горел свет. Поэт работал. Денисов не стал его беспокоить, свернул к себе:

«Ланц выдумал красивую сказку о несуществующем приукрашенном мире, в котором обитала его возлюбленная и в который с детства мечтал попасть сам, возможно, даже поначалу не отдавая себе в этом отчёта...»

Поведение погибшего в Коктебеле расшифровывалось с помощью его рукописи легко и легко объяснялось. Однако это ничем пока не помогло разгадке его странных поступков и вообще появления ночью в Москве, на Павелецком вокзале.

VI. НОЧНОЙ ПОРТЬЕ

— Как он объяснил вам, Захарова? — Сабодаш не ушёл, пристроился на широком — с дореволюционной поры — подоконнике против Денисова. — Чей это телефон? Он назвал какие-нибудь фамилии — Сазонов, Окунёв?

Пассажирке из Нижнего Тагила на вид было не больше девятнадцати, она казалась непричёсанной, плохо умытой, куталась в широкий, похожий на халат плащ.

— Сказал только: «Здесь тебя пустят ночевать».

— Именно так?

— Ну, в этом смысле. «Порядочные люди, пропасть не дадут...»

Отвечала она неохотно. Войдя, сразу села — стул выбрала неудачно: чтобы попасть в сейф, Денисов должен был всякий раз её тревожить.

— Они знакомые его? Друзья?

Она пожала плечами.

Сабодаш передал Денисову листок с телефоном Сазоновых, обернутый предохранительной плёнкой. Запись была сделана наспех, зелёной пастой.

«В одежде пострадавшего нет ни блокнота, откуда вырвана страница, — подумал Денисов, — ни ручки с зелёной пастой».

Задав несколько вопросов, Антон ушёл.

— Не собирались звонить по этому номеру? — спросил Денисов.

— Чужие люди... Зачем?!

— У вас пропали только документы?

— И вещи.

— В милицию обратилась сама?

— Меня милиционер привёл.

— Давно в Москве? — Денисов незаметно оглядел пострадавшую. — Неделю?

— Пять дней.

— Приезжала в гости? Или так?

— Так.

Отвечала она после раздражающих пауз. В каждом ответе присутствовал упрямый, во зло себе, вызов.

— Как же теперь?

— Матери дала телеграмму.

— Вы живете вдвоём?

— А с кем же ещё?

Она выглядела своенравной. Такие становились обычно жертвами собственной самостоятельности, боязни показаться чрезмерно осторожными; тайно похитить вещи у них было нелегко.

«Непохоже, что обворовали... — подумал Денисов. — И обратилась не сама — милиционер привёл: «Без документов на вокзале...»

— Тот человек, — спросил он. — Который... Ну, одним словом, взял вещи... Он тоже видел погибшего?

Она помолчала.

— Видел.

— Здесь, на вокзале?

— Ну!

— В какое время?

Девушка пальцем незаметно отвела слезу.

— Ночью.

— Ночь большая!

— Во время посадки на тамбовский...

Денисов вздохнул. Судьба его на ближайшие часы, может, дни была решена: дополнительные сведения о погибшем можно было получить, лишь занявшись её делом.

— Как тебя зовут?

— Инесса. Можно Инна.

— Вещей много было?

— У меня? — Она пожала плечами. — Сумочка. В ней косметика, платье, кофточка. Ещё мелочи.

— А денег?

— Денег немного. Паспорт. — Она глотнула слюну.

— Завтракала?

— Сегодня?

— А вчера?!

— Я есть не хочу!

Он вдруг догадался:

«Несовершеннолетняя! Эта стеснительность, упрямство! Дома, наверное, по несколько раз в день: «Инночка, ела? Ужинать будешь?»»

Денисов поднялся, закрыл сейф:

— Там буфет в зале, пойдём. Что-нибудь придумаем.

— Да не хочу я есть! — Она сдалась, хотя продолжала сидеть, ещё туже закуталась в плащ. — Вот ещё!

— Только кофе с молоком и булочку. За компанию. Со вчерашнего вечера ничего во рту.

Кофе пили на антресоли. За высоким столиком. О буфете знали немногие, иногда здесь удавалось поговорить без помехи — народу вокруг было мало.

— Тебя обманули. Сама отдала вещи.

— Как сказать...

Сквозь стекло во всю стену, отделявшее зал от транзитных пассажиров, она смотрела на перрон. Денисов тоже взглянул вниз.

Двигались носильщики. Денисову показалось, что он видит Салькова, на ходу тот что-то говорил бригадиру. С носильщиком по-прежнему было неясно.

— Интересно, — сказала она. — Видите? Дальше, там!

Словно два фильма — снятый с замедленной скоростью и второй — убыстрённый — демонстрировались одновременно. В одном пассажиры спешили, в другом еле тянулись, едва переставляя ноги. На платформе отправления заканчивалась посадка на скорый, там торопились. Рядом, в пригородном сообщении, было «техническое окно». Где-то посередине обе ленты соединялись.

— Где ты узнала о краже?

— В ресторане. — Она наконец решилась. — На Курском вокзале.

— Вы были вдвоём?

— Да.

— Кто он? Адрес есть?

— «Москва. Главпочтамт. До востребования».

— Фамилия?

— Степанов. Степанов Олег.

— Какой из себя?

— Симпатичный. В куртке. Знаете, модная, с белыми полосами вдоль рукавов.

— Москвич?

— Точно не знаю.

— Как его искать?

— Может, это? У него сестра, отец, мать... Мать зовут Таней. Хорошо устроены. В прошлом месяце хотели «Жигули» покупать, потом раздумали. Взяли «Москвич». А у него бампер сломан...

Ситуация изменилась: взгляд, обращённый к Денисову, был чист, полон доверия.

«Ей кажется: если человек сказал: «сломан бампер», значит, бампер действительно сломан. И остаётся только дать телеграмму по Союзу — проверьте, у какой из машин в стране сломан бампер, ответ не заставит ждать...»

Он угадал. Следующая её фраза была:

— Завтра у него день рождения. Вы можете найти по дню рождения?

Она, по-видимому, предполагала существование в милиции наряду с картотекой алфавитной и пальцевых отпечатков регистрацию в зависимости от формы лица, цвета волос... дат рождения...

— Перед тем как пойти в ресторан, — Денисов заговорил снова, — Олег, наверное, предложил сдать вещи в камеру хранения?

— Да.

— Жетон взял себе.

— Мы клали на шифр, — объяснила она. — В ячейку-автомат.

— В ресторане он сделал заказ. И на довольно большую сумму.

— Цыплята-табака, икру...

— Ну да. Поскольку у него день рождения. В конце ужина сказал, что должен выйти — позвонить сестре... — История развивалась банально. — Ты долго ждала.

— Час.

— Он так и не вернулся.

Она заплакала.

Один из пассажиров, соблазнившийся возможностью наблюдать за движением людей внизу, подошёл с тарелками к их столику. Денисов посмотрел на часы.

Разговор продолжили в отделе, в кабинете Денисова.

— Ты не знала, что делать. Приехала на вокзал. Растерялась, плакала... — Денисов достал электрокипятильник, стакан, налил из графина воды. Поставил на стол заварку. - Тут он подошёл к тебе...

Она не поняла — думала о другом.

- Кто?
- Погибший. Тот, кого опознала на платформе.
- Да. Спросил, что случилось.
- До этого вы видели друг друга?
- На вокзале? — Она немного освоилась. — Позавчера. В буфете. Около двенадцати ночи. И вчера он был примерно в это же время.
- Ты ему рассказала, что произошло?
- Сначала только плакала. — Ей казалось это существенным: было жалко себя. — Потом рассказала.
- Дальше.
- Он дал десять рублей, номер телефона. «Не стоит ночевать на вокзале...»
- Вещи у него были?
- Вчера был портфель. Жёлтый, потрёпанный.

Вода в стакане кипела, разбрызгивалась во все стороны. Денисов выключил кипятильник, бросил заварки, спросил:

- Сахар класть?
- Совсем мало. Спасибо... — Слова благодарности не были ей чужды.
- Расскажи поподробнее об этом человеке. Откуда он? Зачем приехал в Москву?
- О себе ничего не говорил.
- Может, какую-нибудь мелочь. Он называл себя?
- Нет.
- Как ты думаешь, кто он по специальности? Вот ты. Ты учащаяся?
- ПТУ.
- Кем хочешь стать?
- Декоратором.
- А кто он?
- Может, учитель?
- Почему?

Она недоуменно свела плечи.

- Как он вёл себя?
- Мне показалось, нервничал. — Захарова подумала. — Кого-то искал.
- Оба вечера?
- Наверное.

- В последний раз ты видела его в зале?
- На перроне. У расписания поездов.
- Там он тоже был один?
- По-моему, ещё кто-то. Не рассмотрела.
- Мужчина, женщина?
- Мужчина. Стоял рядом.
- Какой из себя?
- Мне кажется, много моложе того, что подходил.
- А одет?
- Не запомнила. Мы как раз стояли у табло, когда шла посадка на тамбовский.
- Мы?
- Олег ведь приехал за мной...
- Олег? Степанов? — Денисова ждал сюрприз. Он наконец понял. — Вы были раньше знакомы?
- Он был у нас в городе, оставил адрес. «До востребования...» Переписывались. Пригласил в Москву. Здесь все пошло наперекос. — Денисову стало жаль её. — Ссоры. Мать его меня не пригласила. Потом ресторан.
- Что он сказал, когда приехал на вокзал?
- После ресторана? Спросил, подала ли я заявление, что буду делать. Просил прощения. Хотел вернуть деньги. Я сказала: «Видишь того мужчину, с портфелем? Он мне дал денег. Можешь не беспокоиться».
- «Только в юности можно все так запутать», — подумал Денисов.
- Мы ещё посидели.
- В вокзале?
- Поблизости, тут недалеко...
- «Рядом с элеватором». — Он догадался.
- ...Там тёмное большое здание справа.
- Элеватор.
- «Об этой парочке и рассказал Сальков!»
- Денисов не удивился. Хотя в темноте мрачного здания мог оказаться любой из находившихся на вокзале, такие места привлекали всегда одних и тех же — рискованных, вольных, неустроенных. Даже на столичном вокзале их было немного.
- Там ступеньки у стены, — сказал Денисов.
- Да. Мы объяснились. «Не за ту меня принимаешь!...» Олег извинился. Звал к себе... Я не поехала.
- Снова поругались?
- Да. — Она расплакалась.
- Кто-нибудь в это время проходил рядом?
- Какой-то мужчина. Он следил за тем, который дал мне денег.
- Следил?!
- Сама я не видела.

— Олег сказал?!

— Да. Перед этим он попросил у него закурить.

— Как он сказал? Если можешь — дословно.

— «Мужик следит за тем, который дал тебе деньги!» — Она вздохнула, вытерла рукой глаза.

«Увидеть следящего за жертвой преступника теоретически тоже мог любой из находившихся на вокзале... — Сотрудники розыска это знали. — Практически — всегда та же категория...»

— Где искать Степанова?

Денисов знал теперь, что требуется. Закрыв сейф, принялся быстро убирать со стола.

— Пока я здесь, он ночует в Москве.

— У друзей?

— В гостинице.

— Для жителя Подмосковья, Москвы это практически исключено.

— И я так думала. А он объяснил. Рубль за ночь. Номер, по-моему, на четверых... Я спросила: «В гостиницу не опоздаешь?» — «Рано, — говорит, — там засветло не пускают...»

— Далеко она?

— Где-то у трёх вокзалов... Найдёте?

— Надо подумать.

Оперативные уполномоченные из группы по борьбе с кражами, сменяя друг друга, вели поиск портфеля в ячейках-автоматах. Денисов ненадолго подменил одного из них, но и ему не хватило удачи, как остальным.

«Должна существовать система... — Денисов и раньше думал о ней. — Это похоже на «морской бой», когда ищешь одноклеточную подложку. Только акваторий больше — не десять на десять клеток, а шесть тысяч...»

Людей у пригородных платформ было немного. К вечеру день остался таким же — дождливым, серым. На контактных проводах, когда электрички вскидывали пантографы, била искра.

Вернувшись в здание, Денисов увидел в коридоре высокого, с суковатой палкой человека — доцента Окунева, ожидавшего с допроса жену и домработницу. Невропатолог курил, сладковатый запах табачного дыма плыл по коридору.

Денисов знал уже — труп в морге не опознан, допросы Окуневых и домработницы ничего не добавили к короткому сообщению, переданному дежурным из Звенигорода:

«Окунёвы никого в гости не ждали. Среди друзей известны гостеприимством. Рекомендовать их своему знакомому или родственнику, едущему в Москву, мог любой из многочисленных друзей и коллег — в основном из Рязани, Куйбышева и Донецка, где Окунев раньше работал».

«Кто-то устроил погибшего на ночлег, — подумал Денисов. — А когда случай свёл его самого с попавшей в беду девчонкой, он, в свою очередь, не раздумывая, рекомендовал ей простых радушных людей, которые не оставят человека на улице...»

Розыск исчезнувшего спутника Захаровой начать следовало с Каланчевки — прилегающему к площади трёх вокзалов району. Поэтому первым делом Денисов позвонил Грибову - старшему оперуполномоченному на Курском, — Денисов называл его «ночным» за пристрастие к вечерним сменам.

— Если он действительно в той гостинице, найдём. Никуда он не денется! — Грибов с ходу включился в розыск. Был он немолод, на все случаи жизни имелись у него свои, часто совсем неожиданные приговорки. — Не надо только круглое тащить, Денис, а плоское катать... Значит, невысокий, в куртке с белыми полосами? Я узнаю. Ночью, после часа, будь у себя. Позвоню. Договорились?

— Да.

Он положил трубку, сосед-оперуполномоченный открыл дверь:

— Спички есть, Денис?

— Возьми. — В столе лежали спички, сигареты, коллеги из группы по борьбе с кражами это знали. — С портфелем пока глухо?

— Сам знаешь! Что ищешь — оно всегда в противоположном отсеке, в последней секции, в самой крайней ячейке.

Уходя, оперуполномоченный подошёл к окну:

— И погода к тому же! Убийственная... — Фраза неожиданно обнаружила второй — зловещий смысл.

Денисов спустился вниз. В дежурке Сабодаш объяснял по телефону:

— Отвезёшь постановление о назначении комплексной судебно-медицинской и судебно-баллистической экспертиз. Да, в Лефортовский морг. — Увидев Денисова, он выложил на пульт несколько исписанных листов. Шепнул: — По твоей просьбе. Из Ртищева.

«Миронова А. С. Тамбов, Советская, 3-8», «Чермашенцев К. С.» — Денисов просмотрел список по диагонали. - «Шинкевичи — дер. Холмово, Можайский район...» — Это были пассажиры вагона 4 поезда Москва — Тамбов.

— На всякий случай в пятом тоже переписали... — предупредил Антон.

Итоги резюмировала подколота к спискам телеграмма:

«Опросом бригады поезда 441 Москва — Тамбов отставших поезда пассажиров не установлено вещи без владельцев вагонов не следуют мужчина схожий по приметам погибшим при посадке проводникам не обращался установить очевидцев преступления не удалось. Зайцев».

Рядом, на столе, Денисов увидел расчерченный на квадраты бланк с образцами ткани — печально известная «Карта неопознанного трупа». Лоскуты одежды — сорочки, костюма, носков.

На пульте зажегся сигнал — Сабодаш в двух словах закончил разговор, его ждал новый абонент.

Денисов пошёл к дверям.

— Далеко? — спросил Антон.

— В ресторан. На Курский.

— Я думаю, они нарочно это подстроили. Парень ушёл, девица не успела. — Официантка была грузной, с тяжёлой головой, светлым, когда-то красивым, лицом. — У меня глаз намётан. Заказ солидный, я их сразу взяла на заметку.

— Давно работаете?

— Официанткой? Давно! Только на Курском десять лет. Научена!

Они разговаривали у чайного столика, при входе. Сновавшие вокруг официанты, по крайней мере внешне, не проявляли к Денисову интереса. Притом каждый знал, что он из милиции, здесь невозможно было никого провести.

Посетителей в ресторане было немного, мужчины пили пиво.

— Что можно сказать о парне?

— Смазливый. — Взгляд официантки побежал вдоль столов, отыскивая похожего. — Небольшого роста, невидненький... - Никто из сидевших не привлёк её внимания; взгляд добежал до ниш в стене, вернулся назад.

— Как одет?

— Костюм или курточка. Сейчас не помню.

— Он не южанин? Может, акцент?

— Наш! Русак!

— Раньше не видали?

— Честно говоря, лицо девушки показалось мне более знакомым.

Подошла женщина-администратор спортивного вида, в чёрном официальном блейзере — поддержала официантку:

— Я тоже где-то видела. Не бывала ли она раньше на Белорусском...

Денисов не стал переубеждать — успех его миссии в ресторан не требовал их приязни к потерпевшей.

— Меня интересует парень...

— Его не замечала. — Тон официантки изменился. — Вы меня отпустите? Клиенты ждут... — Администраторша отошла ещё раньше.

Денисову осталось откланяться. Тем не менее у входа он нашёл швейцара — плотного, с покатым лбом, с жирными складками на шее.

— Случай этот при мне был. — Он тоже говорил в основном о потерпевшей. — Хороша птичка!

«Принципиально другое мнение... — подумал Денисов. — А уж представления о тех, кого следует опасаться в действительности, никакого...»

Из зала ожидания кто-то постучал в дверь, швейцар сделал вид, что не слышит.

— Девицу я сразу заметил. Плащ, должно, сто лет не был в чистке... Извините!

Он подал очередному клиенту сетку, зонт, привычно опустил в карман чаевые, открыл и тут же снова закрыл дверь. Походка у него была быстрая, шаркающая.

— Верите? — Он вернулся к Денисову. — Я сам никогда себе этого не позволял и от других не переношу. Нет денег на ресторан — не ходи. Вообще-то сюда редко такие ходят. Меня уже знают! Боятся! Глаз-ватерпас...

Приметы парня, приходившего вместе с Инессой, одежду он, впрочем, не запомнил.

Дождь не был виден, только в черных, на чёрной платформе, лужах, там, где падал свет, поверхность воды рябила и подёргивалась. Вдалеке виднелась площадь Трёх вокзалов - за пеленой она казалась вымершей, плохо освещённой. Движение пригородных поездов прекратилось, кроме Денисова, на платформе никого не было.

«Пока я все только удаляюсь от цели: девчонка, сбежавшая из дома, теперь ещё сумасброд — жених... Задержим ли мы его в гостинице? Если да, высветится ли происшествие с новой, неизвестной пока стороны?»

Грибов появился около двух:

— Задержался по твоему делу. — У него была характерная рязанская скороговорка, некоторые жаловались, что не все понимают. Но Денисову она нравилась.

— Порядок?

— Да. «Нет конца у дел». Едем, нас уже ждут.

Приблизившийся к платформе состав замедлил ход, потом и вовсе остановился перед светофором, он направлялся в парк отстоя.

— Давай сюда. — Грибов ещё на ходу открыл дверь одного из тамбуров. — Аккуратнее.

Состав шёл с юга, он показался Денисову ободренным, темным; к концу летних перевозок поезда уставали, болели. Как люди. На полу тамбура хрустнула под ногами стеклянная мелкая крошка, окно с нерабочей стороны было выбито.

— Свои. — Грибов успокоил выглянувшую из коридора проводницу.

В соседнем вагоне дверь тоже была открыта — слышался стук бутылок, нерусская речь, проводники начинали уборку вагонов.

— Не задержат надолго, сейчас потянут... — Грибов был ниже Денисова, но устойчив и кряжист — им уже приходилось участвовать вдвоём в задержаниях.

Вагоны действительно напряглись, сходя с мёртвой точки, скрипнули тормоза.

Ехать было недалеко.

Поезд ещё шёл. По обеим сторонам тянулись поставленные на прикол составы. Сквозь освещённые окна их ночная жизнь в парке отстоя была хорошо видна: поднятые полки, чей-то одинокий ужин или завтрак, дружеская неторопливая беседа проводников.

— Сюда, — сказал Грибов. Они спрыгнули на нерабочую сторону, здесь было темнее. — Значит, так... — предупредил он. — Иди прямо. До резерва проводников. Тут недалеко. Я догоню.

Сотни вагонов, пропахших странствиями, людьми, нехитрой снедью — иначе, Железной Дорогой, — стояли неподвижно-тяжело. Совсем близко, по ленинградскому ходу, прогрохотал дальний.

У резерва проводников догнал Грибов:

— Все в порядке. — Он был не один. Поодаль шли двое постовых, рядом на коротком поводке бежала овчарка.

Метрах в двухстах остановились.

— Пришли, — Грибов показал постовым на вагон; тот, кто был с собакой, пригнувшись, перебрался на другую сторону, умный пёс неслышно пролез впереди него. — Если будет спокойно, по сигналу присоединишься к нам, — передал Грибов дополнительно по рации.

Второй милиционер встал поодаль.

— Подождём, — ночной оперуполномоченный настроен был благодушно. — «Когда бы ни умирать, все равно день терять...»

За шумом дождя кто-то невидимый постукивал металлическим молоточком бандажи, пробовал буксы. Несколько проводниц с сумками молча прошли по своим вагонам.

Сила дождя быстро менялась: минут пять было тихо, потом снова застучало по крышам.

Денисов поднял голову, прожектора на вышке казались огромными холодными светляками.

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги, кто-то прошёл рядом, едва не задев. Пахнуло пивом. Потом раздался стук в стенку вагона, ещё через минуту — звук поворачиваемого в двери ригеля.

— Кто? — спросил невидимый в темноте проводник.

— Поспать. Утром уйду...

За самовольное превращение находившихся в отстое вагонов в гостиницу наказывали, но часть проводников продолжала рисковать.

— Заходи... — Проводник подал дверь на себя; увидев метнувшиеся к вагону тени, ничего сначала не понял: — Сколько вас? Трое?!

— Ну! — Денисов уже входил в тамбур. — Транспортная милиция. Никого не предупреждайте. В каком купе ночуют?

Проводник растерялся:

— Во втором. И в третьем.

Из служебки лил неяркий свет, пахло разваренным картофелем, овощами. Денисов прошёл в коридор. Женщина в форменной сорочке, с галстуком-регатой резала хлеб — проводники готовились ужинать.

— Когда откроем двери, включите свет, — Грибов, поднявшийся следом, говорил неразборчиво, но проводник понял. — Ключ с собой? — спросил он у Денисова.

— С собой.

Двери открыли служебными ключами. Вспыхнул свет.

По коридору побежала овчарка.

— Милиция! Документы... — Оперуполномоченные почти одновременно вошли каждый в своё купе.

Был самый сон. В купе у Денисова оказалось трое, ни один из них не пошевелился. Не убирая руки с пистолета под мышкой, Денисов стал будить их по одному. Все трое спали в одежде: «гостиница» предоставляла минимум удобств - подушки, матрасы.

Первым поднял голову пожилой, похожий на снабженца, протянул с верхней полки командировочное удостоверение, паспорт. Документы были в порядке.

Денисов больше им не интересовался. Он пристально взгляделся в парня внизу. Тот лежал лицом к стенке. Из-под матраса высовывалась куртка, похожая на ветровку...

Вошёл Грибов с обычной скороговорочкой, Денисов ничего у него не понял.

— Удачливый я, — пришлось повторить. — В купе один мужик. И тот, наверное, в розыске: справка на Николая, а татуировка «Витя», паспорта нет. Бывает, конечно. «Акулина пирог ставила — все ворота в тесте...» — Грибов показал на нижнюю полку.

— Сейчас убедимся, — Денисов потянул высовывающуюся из-под матраса ветровку. Грибов в это время принялся будить третьего:

— Эй, дядя!

Парень внизу повернулся. Из-под матраса показался вывернутый наизнанку рукав, шнурок, пущенный по поясу. Денисов нагнулся. Спящему было не больше двадцати, черты лица казались небольшими, аккуратными. Денисов перевернул куртку — с лицевой стороны от плеча к манжете тянулись неширокие белые полосы.

«Он!...»

— Милиция! — предупредил Денисов. — Документы. И никаких глупостей! Спокойно! Степанов? Олег? С днём рождения...

Разговор повели в соседнем купе, пока ждали машину. В ящике под полкой, где спал Степанов, нашлась и женская сумка с вещами.

— Инессы? — Денисов показал на вещи.

— Думаете, мне деньги её нужны?! — Голосом и выражением лица Степанов показал, что оценивает логические способности Денисова невысоко. — Я бы все равно вернул. Вы же ничего не знаете! Она приехала ко мне, чтобы остаться! А сейчас колеблется...

Денисов отнёс грубость за счёт его незнакомства с принятым в милиции этикетом.

— Что дальше?

— Мы любим. Не можем друг без друга! Понимаете?

Степанов поднялся, сделал пару шагов к двери. Денисов - за столиком — следил за ним. По ту сторону окна текло с крыши, влага проникала в купе.

— Вы прописаны в Москве?

— В Нахабине.

— С родителями?

— Я ушёл из дома. Понимаете? Отец и мать против. Особенно мать.

— Когда ушли?

— Перед тем как ей приехать. Неделю назад.

— Работаете?

— Устраиваюсь. Уже договорился. Должны дать общежитие. Мне и ей... — Он остановился. Овчарка пробежала по коридору, замерла у двери.

— Койот, место! — крикнул постовой.

Денисов слушал. Это была другая история. История Олега и Инны, их любви. Обстоятельства ночного происшествия на платформе оставались такими же загадочными, как и утром. Время уходило.

«Что за человек следил за погибшим из темноты за элеватором? — Денисов мысленно повторил главный вопрос. Только Степанов сейчас мог помочь. — Через несколько часов, я не говорю — «через день...» — не будет ни одного свидетеля, кто хоть что-нибудь видел!»

Но вести разговор об этом было ещё рано.

— Что у вас получилось в ресторане? — спросил он.

— На Курском? Так, дурь... — Степанов покраснел. — Поругались. Подумал: сделать такое, чтоб уже не подойти! Чтоб нельзя вместе. Сжечь мосты...» Ушёл, взял вещи. Вижу — не могу! Снова поехал на вокзал.

— И опять поругались?

— Опять. Где она сейчас?

— В комнате отдыха, на вокзале.

— У неё нет денег.

— Есть.

— Она подала заявление?

— На тебя? Нет.

— Разве вы ищете меня не для того, чтобы посадить?

— Нет.

— Тогда я не понимаю...

— Мне нужна твоя помощь. — Денисов решил. — Вспомни. Когда вы сидели у элеватора...

— На вокзале?

— Да. Платформу было видно? Слева — ближайшую?

— Оттуда, где мы сидели? — Степанов почувствовал: оперуполномоченный делает ему какое-то важное, непонятное пока предложение, даёт шанс. — Там вагоны, временная камера хранения... Так... — Степанов был само внимание. - Дальше почтовые вагоны.

— А конец платформы?

— Конец платформы тоже был виден.

— Там был в это время кто-нибудь?

В коридоре снова пробежала собака, и другой голос — на этот раз Грибова — приказал:

— Место, Койот!

— Там стоял пассажир. — Он вспомнил. — Точно!

— С вещами?

— Кажется. Не обратил внимания.

— Вы что-нибудь знаете о нем? Знакомы?

— Нет... — Степанов силился и не мог понять, куда клонит Денисов. — Вот только: Инесса сказала, что он дал ей немного денег, хотел помочь...

— Пассажир этот... В конце платформы... Он был один?

— Да.

— Больше никого?

Внезапно Степанов догадался:

— Мужик пробежал! От вокзала! Все время смотрел в конец платформы... — От напряжения Степанов мгновенно взмок. — Я ещё сказал: «Инна! Вроде следит за тем, который дал тебе денег...»

— Он около вас пробежал?

— Я ещё у него курить просил!

— А он?

— Сказал, что не курит.

— Какой из себя?

— Невысокого роста. Невзрачный. С жетоном.

— Носильщик?!

Он давал приметы Салькова.

— Носильщик.

Несколько минут Денисов сидел молча, а мысль снова шла замкнутым кругом дальше — к типовым мотивам преступлений такого рода: «Мечь? Ревность? С целью сокрытия другого преступления? Корысть?»

VII. В УПОР

Около шести утра Денисов спустился в дежурную часть. Окна здесь всю ночь оставались открытыми, и каждый раз на рассвете Денисов чувствовал себя словно в проветренном кабинете фтизиатра.

Дежурный принимал по телефону сводку, что-то писал.

— Возьми трубочку. — Он показал на зажёгшийся на коммутаторе вызов.

Денисов подошёл; звонили по одному из аппаратов прямой связи «пассажир — милиция», установленных в залах.

— Отдел милиции. Слушаю, Денисов...

— У вас утром вчера произошёл случай на платформе... — Голос был молодой, с едва заметной одышкой.

— Произошёл... — Денисов толкнул дежурного, но уже по тону его тот все понял, бросил сводку, припал к рации:

— Внимание всем! Срочно подойдите к постам прямой связи в зоне своих постов. Идёт передача. Возьмите под наблюдение...

Дежурный включил ещё диктофон, пошла запись.

— Вам что-нибудь известно? — Денисов тянул время.

— Поэтому и позвонил... — Потом, при многократных прослушиваниях, Денисов убедился: говорил не москвич, в интонации было что-то напевное. — Всё знает носильщик! Жетон 46. Пусть скажет, куда он дел оружие...

— Товарищ пассажир!...

Звонивший не дал ему закончить:

— Я и так, кажется, сделал больше, чем другие. Надо ехать. Извините... — Разговор прервался.
— Вниманию постовых!... — Дежурный не отрывался от рации. — Срочно проверьте аппараты прямой связи... Узнайте у пассажиров... Кто звонил? Приметы?... Любые сведения, могущие помочь установить. Очень важный свидетель...

Через несколько минут начали поступать доклады постовых. Не повезло ни одному:

— Никто не заметил... Ни одного пассажира поблизости, как нарочно... Из второго зала не звонили...

Денисов посмотрел на часы:

«Передача началась в 5.48. — Ближайшая станция метро у вокзала по техническим причинам открывалась именно в это время.

Звонивший приурочил разговор к отправлению первого утреннего поезда. Его уже нет на вокзале...»

Жена Салькова — угловатая, подстриженная под мальчика — недоуменно взглянула на младшего инспектора, Денисову же явно обрадовалась:

— Проходите! Как хорошо!

— На улице дождь. — Ниязов посмотрел на чистейший, натёртый до блеска паркет.

— Ничего... — Она подтянула ногой резиновый коврик. — Проходите.

Они оказались в чистенькой кухне.

— Буду вас завтраком кормить! — На столе, под настенными часами, стояла тарелка с только что намытой зеленью.

— Наверняка не ели. Помидоры, картошка... Все с собственного огорода!

Оживление её показалось Денисову наигранным. В доме что-то произошло.

Сальков из комнаты так и не появился.

— Как вы? Как Лина? — Она знала жену Денисова по комсомольскому оперативному отряду. — Наташа, наверное, уже в садик ходит?

— В младшую группу.

— Где ваш муж? — начал Ниязов.

Младший инспектор не был связан с Сальковой воспоминаниями.

— Муж? В сауне.

— Так рано? — Ниязов взглянул на настенные часы: не было ещё и семи.

— Вообще-то мы рано встаём. — Салькова на вопросы Ниязова отвечала Денисову. — Может, он сейчас позвонит. Если по какой-то причине у них сорвётся, поедем к моим родителям, в Ясенево.

Денисов ничего не сказал.

— Сауна далеко? — продолжил Ниязов.

— За городом.

— Мы поедем туда. — Он был прямолинеен, даже самый намёк на дипломатичность отсутствовал.

— Если вы приедете, их перестанут пускать. Сауна от какой-то организации.

— Бригадир ездит с ними?

— Роман? Не знаю.

— Почему у них сегодня может сорваться?

Салькова объяснила:

— Обычно его подвозит товарищ. На своей машине. Вчера они не успели договориться, а телефона у него нет.

Денисову снова показалось, что она чем-то взволнована:

«И этот ранний отъезд Салькова. Действительно ли он поехал в сауну? А может, это каким-то образом связано с утренним сигналом по телефону?»

— Вчера ваш муж был дома? — спросил Ниязов.

— Он все вечера дома. — Салькова занервничала. — Или на работе, или дома. Смотрим телевизор, читаем. — Она вытерла руки. — У нас достижение: в последнее время Сальков стал книги покупать.

В комнате царил такой же порядок, как и на кухне. Квартира была однокомнатной. Сальковы жили вдвоём, детей не было. Цветной, на колёсиках, телевизор оживлял набор стандартной импортной мебели. В секретере стояли популярные издания: Эдгар По, «Три цвета времени», ещё несколько книг. Над письменным столом висела фотография футбольной команды.

— Моя библиотека в Ясенева. — Салькова вздохнула. — У родителей.

— За мастеров играл? — Ниязов кивнул на фотографию.

— За дублёров «Локомотива». Я сейчас ещё кое-что покажу.

С антресоли появился мяч с автографами мастеров.

— Гордится им!

Вернулись в кухню. Денисов чувствовал — Салькова так и не успокоилась, поглядывала на телефон. Все валялось у неё из рук.

— Что-нибудь произошло? — спросила она наконец.

— Труп на вокзале. — Ниязов обошёл подробности. — Происшествие случилось в их смену. Не говорил?

— Сальков? Он про работу никогда ничего не рассказывает!

— О чём же говорите? — удивился Ниязов.

— Ни о чём. «Татьянка, грибной суп давно не делали...» Или: «Проводники с Ворошиловградского груши продавали. Десять рублей ведро...» Раз в неделю сауна. В выходные — преферанс. Футбол. Зимой — лыжи... — Она взглянула на Денисова. — Действительно ничего такого?

Денисов предпочёл не говорить. Салькова поняла, сделала вид, что ничего не случилось:

— К столу! Всё свежее. Картошка, помидоры...

Она достала красные глиняные тарелки. Отлила из кастрюльки воду. Денисов внимательно следил. Цвет картошки был необычный.

— Пусть Сальков голодным ходит, сам виноват. Такой завтрак... — Внезапно она изменилась в лице. — Картошка сырая. Забыла газ зажечь...

«Несколько лет назад Татьяну можно было спокойно обо всем расспросить. Теперь же...» Они распрощались.

— Что передать мужу? — спросила Салькова.

— Позвоним, если понадобится.

Улица встретила дождём, казалось, вторые сутки, пока занимались розыском, он лил, не переставая. В водостоках бурлила вода.

— Думаю, мне лучше здесь погулять. — Ниязов показал на автобусную остановку по другую сторону огромной, разлившейся на половину мостовой, лужи. — Подождать Салькова и с ним вместе приехать в отдел.

Оперуполномоченный ОБХСС, обслуживающий носильщиков, тоже относился к Салькову с недоверием.

— Коррупцирован...

Словцо было явно заимствовано из другого лексикона. Оперуполномоченный был немолод, долгое время работал преподавателем в средней школе милиции, последние годы дорабатывал на вокзале.

Он уточнил:

— Лебезит перед солидной клиентурой. Кто из пассажиров попроще — того просто не замечает. Один чемодан или сумку не повезёт. — Он заговорил языком вокзального оперработника. — Тачка сразу ломается. Или сам делает ноги. Нет резона!

— И в этот раз тоже... — Денисов согласился. — Колесо вышло из строя.

— Но тот же рубль не упустит, если он, так сказать, «комиссионный». Перепродать что-нибудь своему же товарищу — носильщику или кладовщику. Или билеты сделать... — Он поднялся к шкафу, закрыл дверцу, вернулся к столу.

— А если что-то серьёзное? — спросил Денисов.

— Кто знает? Помните: «Обеспечьте капиталу сто процентов прибыли!...» Политэкономия не забыл? — Он снова изменил накатанному разговору оперативников.

— Кто Салькова рекомендовал на работу? Бригадир?

— Роман. Они родственники.

В кабинет позвонили. Оперуполномоченный ОБХСС переговорил с дежурным, в конце разговора поставил в известность:

— Тут Денисов. Никто его не ищет?

Дежурный попросил передать трубку.

— На вокзале свидетель. Плетнева. Хочет поставить о чем-то в известность.

— Понял.

— Теперь насчёт Инессы и Степанова. Которого ты привёз ночью с Курского...

— Родители его приехали?

— Да. Сейчас все в ленинской комнате.

— И Инесса?

— И она, и замполит. Хотят всё решить. Не забудь про Плетневу.

— Помню. — Он положил трубку.

— Я сужу о Салькове, принимая во внимание его роль в деле Стаса, — заметил обэхээсник. — Дельцы из отделения перевозки почты, грабежи и спекуляция в крупных размерах. Ты был тогда? Сальков прошёл свидетелем.

— Я занимался на втором этапе. Как он выкрутился?

— На суде обвиняемые отказались от показаний в отношении его.

— А Сальков?

— Он с самого начала все отрицал. Была деталь, которая и сегодня кажется серьёзной. По делу тоже проходил пистолет, и его тоже видели у Салькова.

«Все знает носильщик! Жетон 46... — Денисов снова вспомнил утренний разговор по аппарату «пассажир — милиция». — Пусть скажет, куда дел оружие...»

— В протоколах допроса тот пистолет упоминался?

— Ни-ни! Одни разговоры... Дескать, Стас купил у него пистолет, и очень недёшево.

— Любопытно.

— Вообще же я заметил: от оружия, как от фальшивой монеты, просто не отделаешься...

— У меня просьба. — Денисов поднялся. — Необходимо знать: был ли Сальков вчера после смены на вокзале.

— Другими словами: приезжал ли он днём и зачем?

— Именно.

— Розыск идёт туго, — посочувствовал оперуполномоченный ОБХСС.

— Много не понятно. Особенно мелочи. — Денисов заговорил сбивчиво. — Моток проволоки, который я видел у элеватора, он лежал на виду. Сальков сразу поднял бы его, если бы действительно искал... Теперь этот звонок в дежурную часть. Все неясно, запутанно.

— Я бы на твоём месте не полагался на Салькова, Денис! - прощаясь, сказал обэхээсник. — Кстати, известно тебе, что он «Волгу» купил? Оформил на имя тестя.

«Всё знает носильщик! Пусть скажет, куда он дел оружие...» — Денисов ни на минуту не забывал об этом разговоре. Либо звонивший оклеветал ни в чем не повинного Салькова. Либо? Либо действительно видел носильщика на платформе с оружием. — Денисов склонен был думать, что странное поведение Салькова в ту ночь давало основание в это поверить. — «Куда он дел оружие?»

Денисов зашёл со стороны места происшествия. Даже днём в дальнем конце платформы было безлюдно и тихо.

Впадины на асфальте были наполнены водой, причудливыми формами напоминали цепи озёр Большого Соловецкого острова, где Денисов служил. Короткий ливень прекратился.

«Никто не придёт сюда без дела. — Денисов вздохнул. — Тем более ночью».

Дождь не смыл с трудом нанесённые криминалистом на асфальт меловые концентрические круги. Денисов осмотрелся. Место выброса гильзы действительно могло находиться рядом с погибшим.

Он прошёл дальше по платформе. Впереди уже виднелись вагоны, переоборудованные во временные камеры хранения.

«Мог звонивший наблюдать за всем с платформы, оставаясь при этом незамеченным? Вряд ли. Сальков или Ниязов обязательно его бы увидели...»

Денисов огляделся. К электропоездам на десятом и одиннадцатом путях шли пассажиры.

«Из электрички! Конечно же. Из сцепа, что ночевал на платформе ближе других. Человек мог находиться в тамбуре, проглядывать пустые площади впереди... — Он подумал снова, не в силах преодолеть инерцию собственного мышления: — «Пусть скажет, куда он дел оружие...»

В динамике, установленном на мачте, что-то щёлкнуло.

Перронное радио довело до общего сведения:

— Объявляется посадка... на поезд...

Дикторша ещё объявляла порядковые номера вагонов, а от вокзала, впереди, запрудив ширину платформы, плотно, плечо к плечу, двигались отъезжающие.

Плетневу Денисов нашёл у той же скамьи, близ у входа в багажное отделение, где и накануне. Ещё издали узнал крупную, в куртке, фигуру. Рядом находилась её юная копия, тоже склонная к утяжелённой полноте и плотно укутанная. У стены сбоку стояли их вещи.

— Вот! — Плетнева показала на дочь. — Только прилетела. Три дня не было самолета... — Она представила Денисова и дочь друг другу. — Пришлось билеты сдать, взять новые.

— Скорее едете?

— В 10.40. Я что хотела? — Она поправила на куртке у дочери «молнию». — Про убитого так ничего не открылось? Кто он? Чей?

— Пока нет.

— Тут женщина, на вокзале. Она его тоже видела. Даже говорила с ним. Я её случайно узнала.

— Сегодня?

— Наутре. В зале. Рядом со справочным бюро.

— Какая она из себя?

— В красном плаще, молодая. Она там, у «места встреч». Слышали, по радио передают: «Если потеряли друг друга, встречайтесь...» Мы с дочкой тоже там встретились, а то б она — моя сладенькая — так бы и жила здесь, на вокзале.

— Ну, мамк... — Плетнева-младшая смутилась.

— Извините. — Денисов по рации разыскал командира отделения. — Узнайте в комнате отдыха: Инна рано утром спускалась в залы? Захарова...

— Которую обокрали в ресторане? На Курском?

— Да.

— Не спускалась, — сообщил командир отделения через несколько минут. — Никуда из комнаты отдыха не выходила. Сейчас в отделе.

— Спасибо. Конец связи... — Денисов выключил рацию. Он убедился — Плетнева вела речь о другой женщине — новом неизвестном пока свидетеле. — Вы покажете её?

— Сейчас. Смотри за вещами. — Плетнева обернулась к дочери.

— Ну, мамк... Кому нужны наши шмутки?

Они зашли с перрона. Снова собирался дождь. На вынесенных из зала скамьях с сумками, с чемоданами, со связками обоев сидели готовые к отъезду люди. У ангара автоматической камеры хранения в ожидании свободных ячеек замерла молчаливая злая очередь; в стеклянных стенах прирельсового почтамта белел свет.

— Здесь. — Плетнева вошла в зал, пошла между рядами. Денисов на ходу вызвал по рации постового:

— Напомните дежурному про мусоросборники. Пусть не вывозят.

— Передам.

— А пока вызови в зал младшего...

— Тут. — Плетнева обвела глазами участок кресел, отгороженных проходом к справочному бюро. — Но почему-то не вижу. Неужели уехала?

— Не торопитесь. Место запомнили точно?

— Её нет. — Плетнева подошла к седому, в очках, пассажиру у ряда кресел. — Утром тут сидела женщина. Молодая, в красном плаще. Не видели?

Он пожал плечами. Сидевшие поблизости молча оглянулись в их сторону.

Денисов прошёл вдоль рядов. Как обычно, часть кресел в утренние часы пустовала. Пассажиры смотрели вдоль огромного, с ребристыми покрытиями поверху, наполненного людьми и эхом зала.

На одном из кресел Денисов заметил сумку с газетным свёртком. Из него выглядывало полотенце, женские туфли.

Он подошёл к сидевшей рядом женщине — пожилой, с тусклым лицом, в габардиновом, отслужившем срок пальто:

— Ваше?

— Нет. — Женщина посмотрела вопросительно.

- Кто хозяин?
- Она скоро придёт.
- Молоденькая? В красном плаще? — Плетнева тоже подошла.
- Знаете её? — спросила женщина.
- Она и есть, — сказала Плетнева.

Денисов поинтересовался хозяйкой оставленного в кресле свёртка:

- Не говорила, куда ушла?
- В прокуратуру. На приём. Муж у неё сидит.

Женщина в габардиновом пальто не спросила Денисова, кто он, по какому праву задаёт вопросы; вокзальное общежитие устанавливало особые правила общения людей на Дороге.

- В какую прокуратуру? Сказала?
- Нет.
- А что с мужем?
- Бухгалтер. Что-то с нарядами.
- Откуда она?
- Из Кривого Рога.

«В Прокуратуру СССР...» — подумал Денисов.

У входа в зал появился младший инспектор, он ничем не выделялся среди других пассажиров, не спеша прошёл в очередь к справочному бюро.

- Видишь меня? — спросил Денисов по рации.
- Вижу.
- Сумку в кресле? Со свёртком.
- Тоже.
- Останешься в зале. Как только за вещами придут, дашь знать. Я тем временем попробую перехватить их хозяйку в ином месте.
- Вас понял.

В приёмной Прокуратуры СССР находились несколько женщин; одна из них, в красном, точнее, бордового цвета, плаще сидела впереди, против двери.

Денисов вышел, постоял у входа.

Двор прокуратуры был пуст. Два милиционера внутренней охраны — чубатые, в одинаково сбитых набок синих, с красными околышами, фуражках — быстро и тихо говорили о чем-то радостном, тайном, довольные друг другом, службой в столице. Они не обратили внимания на своего коллегу в гражданском, стоявшего у входа.

«Дончаки», — почему-то решил Денисов.

Он прошёл за ворота. Стоя перелистывал записную книжку. Презент французской фирмы — изготовительницы несгораемых шкафов «Фише-Бош» изрядно поистрепался, страницы, даже обложка были исписаны в разных направлениях, приложение — «Развитие средств взлома во Франции за двадцать лет» — было попросту утеряно.

Он нашёл нужную таблицу:

«Признаки выстрела в упор. Разрыв кожи, а одежды — с расстояния не более 5-7 см...» «С близкого расстояния...» «Копоть хорошо видна при выстрелах на расстоянии до 15 см; при выстрелах на расстоянии от 15 до 30 см слабо заметна. При выстрелах на расстоянии свыше 30 см отсутствует. Порошинки...»

Женщина появилась минут через двадцать. Взгляда на неё было достаточно, чтобы понять:

«Неуспех!»

Женщина шла устало, как бы безразлично, она даже не положила в сумку жалобу с подколотыми, обязательными, приговором и определением суда второй инстанции.

Он все-таки подошёл:

— Отказали?

— Да. Решили, что нет смысла истребовать дело для проверки. — Женщина приняла его за товарища по несчастью; она открыла сумочку, спрятала бумаги.

— В Верховном суде были?

— Только в республике.

— Значит, ещё в Верховный суд Союза.

— Вся надежда...

Они вышли на Пушкинскую, свернули в направлении метро. Людей по эту сторону улицы было немного. В комиссионном на углу Пушкинской и Столешникова в витрине переливались меха.

— Может, не так изложила... — Мыслями женщина ещё находилась на приёме у прокурора. — А может, лучше было идти адвокату? Не знаю. Что хочешь думай. Хотела, чтоб поняли, кто я, кто Гриша...

— Ваш муж?

— Да. Чтоб все объяснить. Как приехали после института, начали работать. Жили без удобств, когда ребёнок родился... — Она вздохнула. — Как Романов пришёл и Гришу главным поставил, как обхаживал. Как в передовые комбинат стали выводить...

— А наказание?

— Шесть лет. Гром среди ясного неба... — Она достала платок, поднесла к глазам. — А что у вас?

Денисов представился, она безразлично взглянула на него.

— Я ждал, чтобы поговорить. — Он одной фразой рассказал о случившемся на платформе. — Несчастный случай с человеком, который перед тем разговаривал с вами. Мы не знаем, кто он, не можем оповестить родственников...

Она вспомнила:

— Мне говорили: нашли на перроне мёртвого...

— Что он рассказывал о себе?

— Жаль, что вы потратили время: ничего! Мы и говорили-то полминуты.

Ближе к центру людей на Пушкинской становилось больше, Денисова и его спутницу оттеснили к зданию постройки начала века — скучному, выглядевшему пустым, никто в него не входил. Женщина остановилась.

— Посидеть бы, — сказала она жалобно; туфли были новые, очевидно, тесные; старые остались в газетном свёртке, на вокзале.

Денисов открыл дверь в подъезд, внутри здание оказалось таким же пустым, скучным; лифт не работал, пока Денисов с женщиной стояли в вестибюле, никто ни разу его не вызвал.

Женщина сняла туфли, встала на кафедру:

— Какое облегчение... Господи, о чём думаю, когда горе такое! Гриша в тюрьме! — Она достала носовой платок, поднесла к глазам. Денисов лучше рассмотрел её: лет тридцати, с аккуратными, словно выточенными чертами маленького лица, называемого кукольным.

— Этот человек на вокзале сам подошёл? — спросил он.

— Да. Позавчера.

— Вечером?

— Около десяти. Я сидела недалеко от справочного бюро... Знаете?

— Да.

— У меня тетрадь, я в неё записываю. Готовилась к приёму у прокурора... — Она вздохнула. Подумав, достала из сумки коленкорovou тетрадь, бросила на кафедру, под ноги. — Чтоб не застудить. Всё равно нечего записывать.

— Не надо отчаиваться.

— Так думаете?

Они помолчали, она продолжила:

— Подошёл, полюбопытствовал, что пишу. «Не стихи? Давно наблюдаю за вами...»

— Вы рассказали о своём деле?

— В двух словах. Он извинился. Минутное вокзальное общение.

— Кто он, по-вашему? Откуда?

— Понятия не имею. Человек интеллигентный, воспитанный. По-моему, ждал поезда.

— Он был один?

— Да.

— С вещами?

— Держал портфель. Довольно старый. — Она замолчала.

Рядом с лифтом висело несколько вывесок, они объясняли малонаселённость подъезда, отсутствие детских колясок, хлопанья лифта: «Фирма СОРИС — Франция. Промышленные реализации и торговля. 3-й этаж, кв. 21».

Другая вывеска принадлежала «Пренса-Латина» — «Латиноамериканскому информационному агентству».

— Вы видели его всего раз — когда подходил?

— Что вы спросили? — Мысли её снова были поглощены своим.

Денисов повторил.

— И потом видела. И до этого тоже. За сутки многие примелькались. Он в том числе.

— Вам показалось — он сутки провёл на вокзале?

— Появлялся, исчезал. Я припоминаю. Его будто что-то тяготило. Не находил себе места. Из зала — на перрон, снова — в зал. Ночью видела на платформе.

— Одного?

— Шла посадка. Мне кажется, он был один.

— С портфелем?

— Не обратила внимания. Вокруг суета, носильщики... Вспомнила! Стоял один. Закрыв глаза рукой. Словно ему плохо.

— Вы заметили многое. Спасибо.

Женщина посмотрела на часы, заспешила:

— В юридическую консультацию надо бежать. — Она ногой нащупала туфлю.

Денисов достал визитную карточку:

— Вы ведь вернётесь на вокзал. Пожалуйста, найдите меня. Или позвоните. Надо записать. Может, что-нибудь ещё вспомните. Сейчас все важно. Любая мелочь.

В автомате на углу он набрал номер дежурного:

— Из ОБХСС мне ничего не передавали?

— Есть. Читаю: «Вчера после смены видели на вокзале».

— Понял. Сальков в отделе?

— Носильщик? Только что приехал с Ниязовым. Оба у Королевского.

— Пусть не отпускают. Сейчас буду.

— Интересно... — Сальков обвёл глазами арочный свод, стрельчатые с широкими подоконниками окна. — Никогда здесь не был. — Все, кто попадал в не подвергшуюся реконструкции часть вокзала, говорили то же и в почти одинаковых выражениях. — Только мрачновато.

— Начало века, не знали, какими строить вокзалы... - Денисов всегда отвечал одинаково. — В сауну попал?

— Да нет.

— Не встретился с приятелем?

— Встретился. — Сальков поднял белесые глаза, ресницы над ними были ещё светлее, как выгоревшие; старался понять, куда клонит Денисов.

— Он из наших, с вокзала?

— Нет. — Денисов почувствовал небольшое, совсем незаметное напряжение. — Ты его не знаешь... — Красноватое лицо носильщика повернулось к окну. Сальков явно предпочитал темы, связанные с вокзалом, со станцией. — Третью платформу совсем не убрали. У нас в бригаде строже... — В отсутствие поездов носильщиков привлекали к уборке. — У Романа не отсидишься!

Денисов выслушал комплименты Салькова в адрес родственника-бригадира:

— Скажет только: «Шестьдесят пятый, сорок восьмой, пути убраться!» Мы уж бежим!

Роман был коренастый, с желтоватыми на широком неподвижном лице глазами; носильщики слушались его беспрекословно.

— Жетоны вам закрепили постоянно? — спросил Денисов.

— Теперь постоянно. Раньше, какой дадут: сегодня сто седьмой, завтра двадцатый...

— У тебя, по-моему, всегда был сорок шестой.

— Это точно. — Сальков осторожно вздохнул, глядя на часы. — Время-то как бежит, сейчас бы в зал куда-нибудь. В футбол постучать.

— На этой неделе игр нет?

— Из Видного ребята договаривались на субботу. Наверное, что-то не получилось.

— С Малаховкой играли?

— С Малаховкой? Нет. — Сальков продолжал томиться, снова посмотрел на часы — лёгкие, с кнопками, соединённые пластмассовым браслетом.

Денисов поднял трубку — напрямую соединился с дежурным:

— Степанов здесь?
— И Инесса. И родители тоже. Вроде все устраивается. Все согласны.
— Кроме её матери?
— Её пока не спрашивали.
— Степанов пусть пока не уходит. Через несколько минут я позвоню. — Он положил трубку.
— Не Татьяна приехала за мной? — Сальков кивнул на аппарат.
— Нет.
— Волнуется. Я говорю: «Чего волноваться? Труп обнаружили на вокзале. Я шёл, увидел...» — Он изменил тон. — Не установили, откуда пострадавший, чей?
— Нет.
— Установите...
— Вчера приезжал на вокзал?
Сальков подумал:
— После смены? Приезжал.
— Зачем?
— Дело одно.
— Важное?
— Так... — Он уже, не скрывая, намекнул на желательность прекращения разговора. Поднялся. — Побегу, пожалуй?
— Хочешь, скажу, зачем ты приезжал на вокзал?
Сальков снова сел. Тронул белый пушок на подбородке.
Телефонный звонок был некстати. Звонил эксперт-криминалист — разыскивал следователя; на худой конец был не против порезонерствовать со старшим опером, располагал для этого достаточным временем:
— По поводу заключения. С судебным медиком мы пришли к единому мнению. Такое бывает нечасто. Как считаешь?
— Наверное.
— Тебя познакомили с содержанием?
— Отчасти.
— Только частично?! С совместным заключением судебно-медицинской и судебно-баллистической экспертиз?! Я правильно понял?!
— Да нет.
— Это же важно! Наличие копоти и порошинок в объёме, указанном нами, свидетельствует о том, что выстрел был единственный! Явившийся смертельным! Произведён непосредственно на месте обнаружения трупа. В упор... Понимаешь, в упор! А учитывая странность его поведения...

Звонок эксперта повлёк серию коротких и длинных суматошных телефонных переговоров.
Из Лефортовского морга позвонил Кравцов, ему, как и Денисову, тоже было неудобно разговаривать. Предпочёл объясниться обиняком:
— Жаль, что мы не можем узнать о настроении пострадавшего...
— Именно о настроении? — Кравцов и эксперт-криминалист говорили примерно об одном и том же. — Не ошибаешься?
— Нет. Понимаешь меня?

- Был ли чем-то подавлен в предшествующие сутки?
- Именно. Не высказывал ли тяжёлых мыслей, разочарования...
- Кравцов намекал на возможность самоубийства.
- Возможно такое направление?
- Скорее всего. Подробности по приезде.
- А что медик? — Вопросы о роде смерти — убийство, самоубийство — были вне компетенции экспертов, но их мнение принималось во внимание.
- Считает наиболее вероятным. «Не удивился бы, узнав, что была записка: «Никого не винить...»
- Следующим в трубке раздался женский голос:
- Товарищ Денисов? Это Савченко... Вы подходили у Прокуратуры Союза. Насчёт человека на платформе.
- Да, да. Где вы?
- В юридической консультации. Звоню, чтобы не забыть.
- Слушаю.
- Я подумала. Мне кажется, человек тот кого-то ждал.
- На вокзале?
- Да. Кто-то должен был приехать. Поэтому не уходил от справочного бюро. Ведь там «место встречи»! Когда объявили: «Пассажир такой-то, подойдите к справочному бюро...» — даже вздрогнул.
- Его не объявляли?
- Нет. А поговору он откуда-то от нас! Южанин. Все, что я вспомнила, пока ехала...
- Сальков ждал окончания переговоров, взгляд белесых глаз был тревожен.
- Ещё минуту. Извини... — Последний звонок, в дежурку, Денисов сделал сам. — Степанов ждёт?
- Да.
- Сейчас я решу: нужен он или нет. — Денисов положил трубку. — Степанов — тот парень, что просил у тебя закурить, — объяснил он Салькову. — За платформой. У элеватора. Помнишь?
- Ну. — Ответ ни к чему не обязывал.
- Степанов подтвердит, что ты следил за пострадавшим. Тебе что-то было известно.
- Откуда, Денис?!
- Есть ещё очевидец...
- Им снова помешали. В трубке раздался голос, мило коверкавший «л» и «р».
- Это Елена Дмитриевна Сазонова. Вы Денисов? Николай Алексеевич стоит рядом, передаёт вам привет и дёргает за руку с тем, чтобы я уложилась в отведённые три минуты. Он считает, что я немножечко языкатая... Ничего, что я позвонила? Мы все время думаем о том человеке. Семья его нашлась? Нет? Можем мы чем-то помочь? Николай Алексеевич мог бы написать своим друзьям. Может, кто-то бы откликнулся? От кого-то же он узнал про Окунёвых, про нас!
- Мои товарищи уже этим занимаются...

— А ещё мы приглашаем вас приехать. В любое удобное для вас время. Конечно, вы заняты. Я помню, как сама работала и с первой полочки купила маме заварной чайник, а себе - длинные, по локоть — белые перчатки... Николай Алексеевич дёргает меня. Заканчиваю. Вы хотели поговорить с домработницей. Я звонила её свекрови: Зоя Федоровна приедет завтра...

Сальков с трудом дождался окончания разговора:

— Ты хотел что-то сказать, Денис?

— А ты?

— Что я могу добавить?

— Я знаю, зачем ты после смены приезжал на вокзал.

— Я?!

— За оружием. Ты подобрал его на платформе. Рядом с трупом. Спрятал. А на другой день приехал и взял.

VIII. КИЛОВАЯ ГОРА

Территория ближайшей автостоянки была отгорожена от дороги металлической сеткой. У шлагбаума, на скамейке, вязала носки женщина-вахтер, за будкой дремала овчарка. Чуть сзади высилось высокое двухэтажное административное здание, напоминавшее железнодорожный блокпост.

«Нет, — понял Денисов. — Машина, к которой Ланц ночью сопровождал незнакомца, на стоянке не стояла. Ланца сюда бы просто не пустили!»

— Поставить машину можно? — Он поздоровался.

Женщина оставила спицы:

— Если вы с турбазы.

— Да нет.

— Сожалею...

— А если припарковать вот здесь, у дороги?

— Оставлять машины в Планерском можно только во дворах. И на стоянке. — Она снова взялась за спицы. — На дороге — ни в коем случае. С этим строго. Погранзона.

— А ночью?

Вопросы, которые Денисов задал дежурной, были просты и наивны, и ответы на них были очевидны для всякого, кроме приезжего.

— Ночью тем более. Патруль!

— И на пару-тройку часов?

— Все равно.

— Какой же выход?

— Автокемпинг! — Она кивнула на дорогу. — Здесь недалеко. Двести метров.

Въезд в кемпинг выглядел солидно: тоже вахтер, контора, прейскурант. Написанные крупно объявления об услугах:

«Машино-место 3х5 метров... установка палатки... коммунальное обслуживание...»

Дальше, по ту сторону забора, начинался городок, который Денисов наблюдал накануне вечером с моря — разнообразие машин, цветные скаты палаток, длиннющие умывальники; известные приметы бивачной жизни.

В вахтере Денисов сразу узнал отставника-милиционера — на нем были форменные, ведомственного пошива туфли, удобные в носке, каких не увидишь ни в одном магазине.

— Здравия желаю... — Денисов представился по форме, показал удостоверение.

— Транспортная! — ахнул отставник. — Так я ж из линейного отдела на станции Симферополь. Двадцать восемь лет на «железке», не считая армии... — С этой минуты на правах офицера транспортной милиции Денисов мог полностью на него рассчитывать.

— Давно открыли кемпинг?

— С весны. С восемнадцатого мая. Уж пять тысяч машин прошло!

— Издалека?

— Считай, что со всего света. — Он принялся перечислять: - Днепропетровск, Борисов, Дрогобыч...

— И все оформлены?

— А как же?! «Книга № 1 по регистрации автотуристов» Полный порядок. Каждому водителю под расписку «Правила по технике безопасности». У нас строго. — Он показал на плакаты.

Денисов прочитал:

— «Регистрация аквалангов и резиновых лодок — срок 2 суток», «Запрещается играть на музinstrументах, включать радио с 23 до 6 часов»...

— На одни сутки тоже можно оставить?

— Хоть на час! Лишь бы оформлен был!

Денисов рассудил:

«Путёвка у Ширяевой с 28 апреля по 24 мая. Кемпинг открылся 18 мая. Шесть дней работая при Ланце...»

— Я бы взглянул, как ведётся оформление.

— Сделай одолжение.

Из окошка деревянного административного здания появилась «Книга № 1», Денисов просмотрел записи, сделанные за первую неделю после открытия:

«Всего пять машин...»

Все графы были чётко заполнены — данные владельца регистрационные номера, количество автотуристов...

Люди, первыми пользовавшиеся платной стоянкой, были издалека, устраивались прочно, с палатками, с детьми.

«Похоже, человек, через которого Ланц намеревался войти, в компанию Веды, — подумал Денисов, — предпочёл избежать регистрации...»

Ключок чистой бумаги всё висел на дереве с объявлениями, заменив уведомление «Приезжают завтра». Ниже, на вырванном из тетради в клеточку листке, появилась новая корреспонденция, начинавшаяся эффектно: «Наде из Перми!»

Денисов прошёл дальше. Из-за угла навстречу ему вывернулся бородатый человек, подошёл к почте, подёргал дверь - она не открылась. Желавших позвонить из автоматов не было — не работала междугородная связь.

«Лина не поверит», — подумал Денисов. Он представил её интонацию, жест. «Не понимаю, как можно?! Помнить и не найти места позвонить?!»

Вместо московского Денисов набрал номер отделения милиции в посёлке, трубку по обыкновению снял старший опер:

— Пашенин, слушаю.

— Денисов. Начальник у себя?

Пашенин стал нудно уточнять:

— По какому вопросу?

— Я по поводу телеграмм из Харькова в Дом творчества на имя Настасьевой. Ответ на мой запрос...

Было уже около девяти. Припекало. День обещал снова быть жарким. К пляжам шли люди.

Денисов знал, что смущает коллегу:

«Лымаря нет, корреспонденция не рассмотрена...» Хотя инициатором запроса в Харьков считался Денисов, бумаги, приходившие в отделение, адресовались начальнику.

— Жду, — напомнил он.

Пашенин комплексовал, стеснялся, от этого держал себя самоуверенно, даже заносчиво. Наконец он решился:

— «На ваш исходящий...» Так... — глухо зачитал старший опер. — «Сообщаю, что обратный адрес на бланках телеграмм, направленных в Дом творчества «Коктебель» на имя Настасьевой...» Тут перечисляются даты, номера. Так... «Указан несуществующий...» — Пашенин счёл долгом пояснить. — Такого адреса в Харькове нет... Бланк телеграммы 1235 подписан «Ланц»...

— Ланц?

— Да. «Проверкой адресному столу лицо с указанной фамилией прописанным в Харькове не значится. Зам. нач. отдела». Подпись.

— Все?

— Да. Желаю успеха. — В конце он расщедрился.

Веда и Георгий ждали Денисова у входа в столовую. Втроём они отошли к парапету. На Веде было яркое цветное кимоно, которое ей шло, на неё обращали внимание.

По-видимому, накануне Денисов не очень осторожно интересовался Ширяевой, потому что режиссёр сразу же сказала:

— За Наташу я ручаюсь. В высшей степени порядочный человек. Блестящая переводчица. Практически переводит с трёх главных европейских языков. Несколько месяцев стажировалась во Франции, потом её мужа перевели советником в Грецию...

«Все имеет свои причины, — подумал Денисов. — Потому и площадь Вогезов, останки храмов Аполлона в Коринфе и в Дельфах...»

— С мужем она рассталась. Это уже другая история.

— Она приезжала в Коктебель одна?

— Да. Почти все вечера без исключения проводила с нами.

— Да, — подтвердил её муж. — Милейший человек... — В этот раз у него не было оснований для беспокойства. - Просто редкостный...

Кто-то из проходивших по набережной окликнул Веду. Она извинилась перед Денисовым и мужем.

— Одну минутку...

Внизу, в бухте, обозначилось оживление, высыпали в море водные велосипеды. Прямо впереди разворачивался катер, на носу у него что-то сверкало, он шёл в сторону Карадага.

— И все-таки... — Денисов дождался её возвращения, заговорил первым. — У неё в Коктебеле, по-видимому, был родственник. Возможно, племянник.

Веда уверенно отвела предположение.

— Это ошибка. Я знаю их семью. Родственник есть у Сусанны. У её тётки.

— Он тоже был в мае?

— Николай? Он всегда здесь. Он живёт на даче у Сусанны. Здесь рядом. На улице Десантников.

— Где именно?

— Недалеко от спасательной станции. Знаете?

— На горе?! — Речь, без сомнения, шла о том самом доме - «даче, в которую входил человек, заинтересовавший Ланца той ночью...»

— Да. Это дача художницы Сусанны Роша. Вдовы Роша, как её ещё называют. Грант Роша, её муж, был скульптором.

— Огромный дом с садом? — Денисов хотел убедиться.

— Да, да. Все обращают внимание. Она купила в ту пору ещё, когда это стоило не так дорого...

— Прекрасный дом, — вставил муж Веды — Георгий.

— Сусанна — чудесная хозяйка, хотя ей хорошо за восемьдесят. Обычно в доме всегда люди. Подруги, друзья. А иногда и совсем малознакомые люди. Можно сказать, чужие. К ней все идут. Кстати, Наташа и Сусанна Ильинична вот-вот должны приехать в Коктебель.

Денисов задумался.

— Надолго?

— На пару дней, не больше. Дело в том, что дача теперь юридически Сусанне не принадлежит. Она её продала.

— Давно?

— В мае. Как раз в прошлый наш приезд.

Взаимоотношения людей, которыми он интересовался, все больше переплетались и запутывались, а приезд Ланца в Коктебель оказывался во временном ряду с таким событием, как продажа огромного и, видимо, очень дорогого дома.

— Выходит, Роша едет как квартирантка?

— Нет. Покупатель ещё полностью не рассчитался.

«Всё это необходимо расставить по полочкам...» — подумал Денисов. Однако главная новость ждала его впереди:

— А теперь насчёт того человека на фотографии, — сказала Веда. — Я вам все могу о нем сказать. Зовут его Александр. Саша. Фамилию вы можете узнать у Михаила Мацея, поэта. Он из Харькова. Улетая, Александр по просьбе Мацея прихватил с собой его сынишку. В Харькове их должна была встретить жена Мацея...

— Кто он? Ширяева что-нибудь рассказала о нем?

— В двух словах. Пробует себя в литературе. Хороший человек. В нашей компании он не был...

Дальнейшее было делом чистой техники.

Наиболее профессиональным представлялся путь через агентство воздушного флота, авиакасса, снабжавшую билетами отдыхающих Коктебеля в мае, через списки пассажиров рейсов Симферополь — Харьков. Но Денисов сразу же от него отказался.

Мимо авиакассы и людей, молча ожидавших регистратора у клумбы с каллами, мимо теннисного корта и писательского корпуса с глубокими открытыми террасами он снова вышел на набережную.

Поэта Денисов встретил у дома-музея Волошина, Мацей выходил из калитки.

— Доброе утро!

— День добрый. — Он курил трубку и был явно доволен собой. — Встать рано, поработать на рассвете, потом походить... Что лучше этого? Коктебель ещё пуст, на набережной ни души... Вы птиц слышите по утрам? Спать не мешают?

Денисов покачал головой.

— Такой щебет! Вы послушайте!

— Нет, нет! У меня заботы чисто... прозаические... — Он чуть не споткнулся на этом слове — известном, но никогда не употреблявшимся им раньше — совсем не из языка оперативных уполномоченных. — Скажите, вам приходилось когда-нибудь отправлять ребёнка самолётом? Сложная это вещь?

— Приходилось. — Мацей, уступая дорогу, посторонился, коснулся Денисова животом — жёстким, как каучук. — У меня так было с сыном от первого брака. В этом году. Я брал его с собой — немного погреть на солнышке...

— Отправляли со знакомыми?

— Как сказать... Я искал попутчика, потом случайно разговорились с одним у кассы. Он согласился.

— И до этого не знали?

— Вообще-то видел. Он сидел в столовой за моей спиной.

— И послали с совершенно чужим человеком!...

— Детей, по-моему, у нас ещё не воруют, — со знанием дела отверг Мацей. — Кроме того, я знал фамилию. Он наш, харьковчанин. Геолог или археолог.

— Не Ланцберг случайно?! — подкинул Денисов. — Ему всегда везёт на такого рода поручения...

Мацей взглянул удивлённо:

— Волынцев...

«Ну, конечно! — Денисов не почувствовал радости открытия, лишь досаду. — «Л», «н» и «ц» — формирующие буквы псевдонима и имени! Надо было лишь внимательно вчитаться в список отдыхающих». Недогадливость стояла ему лишних сорока восьми часов!

— Волынцев Александр Андреевич. Знакомы?

— Он отдыхал у нас... — Лицо молодой женщины-регистратора снова не выражало ничего, кроме вежливого внимания и долготерпения.

— Путёвка была на другое имя. На месте переоформили. Он подал заявление.

— Первоначально путёвка выдана члену Литфонда?

— Нет. В обкоме союза. Здесь все есть.

Денисов достал блокнот, аккуратно перенёс:

«Волынцев Александр Андреевич. Город Харьков... улица... дом...»

— Теперь, пожалуйста, посмотрите, кто был его соседом. — Денисов усвоил, что по одному в Коктебеле жили только писатели. — Дайте мне его адрес.

— Сутыгин Арсений Иванович... — Несмотря на неоднократные встречи, регистратор так и не изменила вежливому, почти безразличному тону. — Не первый раз в Коктебеле... Москвич. Вот адрес. Телефон записывать будете?

«Человек, о котором ничего не могу предположить, — Денисов вдруг подумал о ней. — Замужем? Удачлива? Есть ли дети?» Он на секунду отвлёкся.

— Телефон тоже, пожалуйста...

Он попросил ещё установочные данные на всех пятерых соседей Ланца по столовой — все это было тут же безропотно ему предоставлено.

— Строева Маргарита Алексеевна... Успеваете? Зарипов Шукурбек...

Он поинтересовался горничной, убиравшей номер Волынцева, хотел было переписать и других соседей по корпусу, но в последнюю минуту передумал, воспользовался телефоном регистратуры, сообщил дежурному по милиции адреса установленных им свидетелей и текст телеграфных запросов, которые следовало срочно отправить.

— Больше не смогу ничем вам помочь? — кротко осведомилась регистратор, — долгое общение с творческими работниками выработало в ней почти ангельское терпение.

— Всё. Извините за беспокойство. Спасибо. — Он поднялся, посмотрел на часы. Пора было идти с участковым к даче Роша.

Встреча назначена была у ворот Дома творчества, рядом с мастерской по огранке камней.

Но участкового Денисов так и не дождался, вместо него Лымарь прислал все того же старшего опера.

Пашенин приехал на ярко-жёлтом милицейском «газике», привлёкшем к себе общее внимание. Выйдя из него, он тут же смешался с отдыхающими и только потом — за что Денисов был ему благодарен — направился к Дому творчества.

Была самая жара. Пашенин появился в джинсовом костюме, в кроссовках, в белых носках, входивших в моду.

— Мои запросы ушли? — осведомился Денисов.

— Да. Дежурный передал в Судак, оттуда телетайпом по назначению... Сегодня будут на месте. — Пашенин поздоровался со сторожихой у входа, спросил Денисова: — Я надолго нужен?

— Нет, тут рядом.

Аллеями Дома творчества они вышли на набережную. Старшего опера здесь знали. Шумные компании местных парней — босых, загорелых, с клешнями крабов на шеях - расступались, давая дорогу.

Из-за невысокого решетчатого забора Дома творчества пахло сеном, в дальнем, не засаженном деревьями углу косили траву.

— Итак, дело сделано? — спросил Пашенин.

— Это по поводу Ланца?

— Да. Ланц, Волынцев... Опорные буквы в обеих фамилиях одни и те же.

Денисов обернулся. Он шёл немного сбоку и впереди:

— Заметил?

— Да.

— Молодец.

— Ещё далеко?

— Да нет. Рядом.

На солнцепёке, впереди, показалась уже знакомая, выкрашенная белым спасательная станция. Она походила на жарко натопленную русскую печь. С агитрисунка смотрели сумасшедшие, навывате, глаза плывущего спасателя. В последнюю минуту он словно мучительно вспоминал перечисленные тут же, на стене, «приёмы освобождения от захвата тонущего».

— Дальше музей планеризма. — Пашенин заскучал. По-видимому, времени у него действительно было не так много. - Аварийный пляж. Карадаг, запретная зона.

Среди деревьев, на горе, мелькнула помидорного цвета выгоревшая черепица, чёрный, в форме пиратского брига, флюгер.

— Вот этот дом. — Денисов замедлил шаг.

Они сразу свернули за угол, дача осталась над ними - большая, почти полностью закрытая садом. Метрах в пятидесяти, у кафе, остановились.

— Знаешь хозяев? — спросил Денисов.

— Этой? На киловой горе?

Пашенин объяснил:

— Кил — разновидность отбеливающих глин, горная порода. — Он словно только сейчас понял, о каком строении идёт речь.

Они смотрели вдоль тротуара, чтобы интерес к даче не бросался в глаза. Улица Десантников не была ни самой просторной, ни самой чистой, у кафе валялось бессчётное количество битых тарелок; на заборе, сбоку, вывешен был пожарный щит — крючья, лопата, металлический багор — все чистенькое, ни разу не побывавшее в деле.

«В траве лежал багор, наподобие пожарного... — Денисов вспомнил рукопись. — Я забыл, что у людей свои корысти, дела». И дальше: «Когда-нибудь мы посмеёмся над перипетиями этой ночи...» Кто «мы»? — подумал Денисов.

— Дача вдовы Роша, — объяснил Пашенин. — Или, как её называют, мадам Роша.

— Недолюбливают?

— Наоборот. Дети вообще без ума от неё. Из своих поездок привозила им пистолеты, пистоны.

— Внутри приходилось бывать?

— Смотрел. — Он уклонился от ответа. — В середине большая комната, гостиная. Справа две небольшие, изолированные, коридор. Все комнаты выходят на застеклённую террасу... — Старший опер все больше нравился Денисову, он даже готов был простить ему холодность при их первом знакомстве. — Дальше — вроде палубы. Как раз над спасательной станцией. Как капитанский мостик. Во дворе сарай, мастерская. Столярная или слесарная. Сама Роша прописана в Ленинграде. Живёт то там, то у нас. То в Киеве, у подруг.

— В Планерском подолгу?

— Наездами. Обычно три-четыре раза в году. Тогда тут шумно. Старики, молодёжь. Знакомые... — Пашенин повёл кроссовкой, залюбовался белизной носка. — Из Курортного, со Старого Крыма. И здешние — из Дома творчества. У неё тут все друзья. Телефон не умолкает.

— В доме телефон?

— Да. В газете о ней недавно писали. Я сам читал.

— А что за газета.

— Районная, «Путь Ильича», за май. «Помогает молодым литераторам, художникам...»

— Когда она бывает в Планерском?

— Обычно? Весной. На лето, в жару, уезжает под Ленинград. В Репино. Или к сестре. А случается, бросит все и сюда.

— Но сейчас этому конец?

— Вы о чем? — Пашенин не понял.

— Продаёт дачу. Если не продала.

— Это известно.

— Не беспокоит?

— Тревожащих сигналов пока не было. Это я в отношении уголовников. Оперативная обстановка у нас не очень сложная.

— Роша получила деньги в мае?

— Половину. Вторую должны ещё выплатить. А может, уже получила.

Мимо прошла компания курортников — в шортах, в купальниках. Женщина, шедшая последней, несла включённый транзистор. Курортницы давно уже не было, а звук бит ещё стоял в воздухе, не исчезал.

— Поднимешься со мной? — Денисов показал на гору, возвышавшуюся по другую сторону дачи.

— Действительно спешу. — Пашенин явно сожалел. — Кроме того, меня многие знают. Привлечёт внимание... Хотя вообще-то хозяевам нравится, когда приходят смотреть.

— Даже в их отсутствие?

— Калитку обычно не запирали.

— У Роша есть родственники?

— По крайней мере двое. Женщина, переводчица, эта приезжает один-два раза в год... — Про Ширяеву старшему оперу было известно мало, он сразу перешёл к мужчине. — Ещё родственник по линии умершей младшей сестры, инженер... Он постоянно здесь. Занимается хозяйством, за повара и шофёра. Он и садовник. Эти деревья вокруг дачи сам посадил. Даже берёзы.

— Какая машина у них?

— «Волга». Двадцатьчетвёрка.

— А куда ездят?

— Куда захотят. В Старый Крым. В магазин. В бухты. Ещё в Судак.

— Где она обычно стоит?

— У дачи. В гараже.

— А в автокемпинге, на стоянке?

— Ставят и там. Его все знают. Он, бывает, сопровождает старуху. Как в этот раз... Пока их не было, с весны машина была на стоянке.

— Родственник — блондин? Высокого роста, в очках?

— В очках, блондин. Но полноватый, приземистый. Лет тридцати.

Денисов подумал:

«С портретами персонажей автор эссе мог поступить как ему заблагорассудится...»

Они отошли к пожарному щиту, чтобы не мешать возвращавшимся с пляжа выстраиваться в очередь у кафе. Несколько беспризорных, разучившихся лаять собак посторонились, давая место.

— Он работает?

— У него производственная травма, инвалид.

— Как же водит машину?

— Не мешает. Живёт один. Чудак, коллекционер. Часто вечерами на набережной. А то у рыбаков. Он у нас прописан, в Коктебеле. И пенсия ему идёт на Судак. Там знакомая у него... — Как старший опер Пашенин был неплохо обо всем информирован. Денисов оценил это. — У тебя нет больше вопросов? — Пашенин впервые обратился на «ты», как заведено между розыскниками.

— Ещё о родственнике. Я хочу, чтобы произвели проверку, запросили материалы. Оснований особых нет. И все-таки... Прошлый образ жизни, материальное положение. Он не племянник?

— Нет. Седьмая вода на киселе.

— Имеет право собственности на часть дачи?

— Нет. Дача целиком — Роша.

— Ты сказал о нем — коллекционер. Филателист, нумизмат?

— По-моему, всё собирает. Подряд.

— И оружие?

Испанское название пистолета, из которого произведён был смертельный выстрел на платформе, постоянно забывалось. Но з следственном поручении оно было приведено полностью:

«Установить источник приобретения пистолета «фабрик... д'армес...» — часть слов Денисов не запомнил. — «Пума...» И так далее.

— Оружия как такового не видел, — Пашенин задумался. - Но фотографии пистолетов, справочники... Это есть.

— Я понял. Они надолго сюда?

— Роша? Мне говорили, на день. Максимум на два. Чтобы покончить с формальностями.

За деревьями дома не было видно.

Денисов вернулся к спасательной станции, против неё начиналась отвесная тропинка, шедшая вверх по периметру дачи.

Участок оказался обнесённым колючей проволокой, кое-где слетевшей с завалившихся кольев. Метрах в двадцати, вверху, на тропинку выходила калитка с надписью, оставшейся от оных времён: «Злая собака».

Денисов поднялся на вершину невысокой горы, она была лысой, почти напрочь лишённой растительности. Несколько коз, пасшихся в отдалении, подняли головы. Что они находили среди выгоревших сухих колючек?

Нещадно палило. Внизу у ног Денисова была дача — дом, дворовые постройки. Там чувствовалась прохлада. Часть прилегавшего к дому двора была пуста, остальную занимал сад — густой, буйно разросшийся. Дверь в дом была ярко разрисована. Ещё Денисов увидел внизу старинный фонарь, наподобие тех, что установлены у Большого театра; этот висел над входом.

«Интересный обзор...» — Денисов огляделся.

Чёрный, в форме пиратского брига, флюгер на крыше бездействовал, постоянно показывал на море. Там, на границе неба и воды, шло судно, оно едва виднелось.

Над аварийным пустым пляжем планировали чайки.

Дойдя до калитки с надписью «злая собака», Денисов толкнул её, спустился к даче.

Вблизи она оказалась ещё более необычной. Старинный фонарь, канаты, несколько ржавых морских якорей, остатки разбитого шлюпа.

«Должно быть, найдено на берегу...» — подумал Денисов.

— Бом-бом... — пробили часы в запертом доме.

«Завели те, кто убирал дачу, — догадался Денисов, — к приезду хозяев».

Он осмотрел сад. Несмотря на жару, все деревья чувствовали себя хорошо, только несколько берёз — им явно не хватало влаги — стояли без листьев. Трава под ними тоже пожухла. За кустами шиповника виднелся гараж.

«Ланц точно описал дорогу к даче, — подумал Денисов, - надо полагать, все другое указано так же верно».

Денисов вернулся к дому, теперь он смотрел на него с профессиональной внимательностью. Окно со стороны кило-вой горы было подведено под массивную металлическую решётку, система обращённых к калитке зеркал позволяла наблюдать за тропинкой. Входная дверь оказалась массивной, рисунок маслом во всю её высоту изображал русалку, с одной стороны на груди был искусно замаскирован дверной глазок, с другой — кнопка звонка.

Простоявший в одиночестве дом оживал; едва закончили бить часы, внутри залился телефон — хозяев ждали.

Оперуполномоченного заинтересовала кнопка звонка — она была новой, видимо, недавно поставленной. Денисов нажал — к звуку телефона присоединился другой — резкий, пронзительный...

Но и он оказался не последним.

Денисов услышал вдруг в кустах неслышный шорох, шаги и лёгкий, почти неслышный металлический лязг калитки. Потом все стихло. Денисов быстро, напрямик, спустился к ограде, но никого не увидел. Похоже, кто-то неизвестный все время следил за ним из-за деревьев, пока он осматривал дачу...

Остаток дня Денисов провёл вблизи спасательной станции, на набережной.

У аварийного пляжа гуляла молодёжь. Станный длинноволосый человек, которого в этот вечер Денисов увидел в Коктебеле впервые, играл на непривычном инструменте, вроде волынки, а его молоденькая жена и их маленькая дочь, одинаково одетые, с распущенными косами, ритмично двигались в такт музыке, окружённые слушателями.

Машина, в которой приехала художница вместе со своими домашними, появилась рядом с киловой горой довольно поздно.

Против ожидания, на дачу Роша прошли всего несколько человек, компания Веды и её мужа; ещё был Мацей — в темноте Денисов узнал поэта по животу, детской шапочке. Примерно часа через полтора — уже после полуночи — гости удалились, фонарь над входом в дачу погас. Роша и её родственники, устав, видимо, с дороги, из дома так и не вышли. Денисов оставил свой пост.

«Кто же был там тогда в саду? — Несколько раз в течение вечера он мысленно возвращался к тем минутам на даче, когда являлся сам объектом чьего-то внимательного изучения. — За кого он меня принял? За гостя вдовы? Почему не окликнул, предпочёл уйти незамеченным?»

IX. «ЧАВА-КАКАВА!»

Электронный будильник на столе коротко пискнул. Денисов проснулся. Из всех сигналов, отмечавших ночью завершение каждого часа, он слышал всегда один. Последний, предутренний.

Было ещё темно.

Рукопись Волынцева лежала рядом, на столе. Он включил свет, наугад вытащил страницу из середины:

«— О чём ты думаешь? — спрашиваем мы друг друга каждую минуту, как дети. И каждый вечер я готов сказать: «Милая, я больше не могу!», а говорю вместо этого: «Милая, давай поженимся!»

«...Ты делаешь всё открыто и шумно, как любимые дети и жены, «Легитим», «Законная»! У кого я подхватил это слово? Как сложатся наши отношения, если рукопись будет опубликована? А, Легитим?» Но она уже болтает о пустяках — о знакомой в театральной кассе, о слайдах. Ночь кончилась. Ничто не связывает патрицианку и раба, вместе проведших ночь. И всё же ничего не страшно, если из интерната можешь вернуться в Отчий дом!»

Денисов снова заметил: некоторые высказывания повторяются с едва заметными изменениями.

«Отчий дом! Ты здесь всегда желанен. Ты и брат, и ребёнок, тебе лучший кусок с детьми. Тебя не предадут, за твою жизнь будут бороться. Обмоют после смерти. Кого хотел бы ты видеть рядом с собою в последний свой час? В час, когда уходим... Каким нужно быть негодяем, чтобы обмануть глядящие с надеждой глаза, дрожащие губы, слышать несвойственное, бодрое: «Никуда тебя не отпущу! Когда строишь на песке, рано или поздно, все равно приходится об этом жалеть...»

Страница содержала ноль полезной следствию информации. Денисов, однако, дочитал — снова пытался проникнуть в обстоятельства, заботившие погибшего.

«— Вечером встречаемся! — предупредила Анастасию подруга, критикесса по детективу, её постоянный спутник стоял рядом. У него неинтересная суетливая улыбка.

— Обязательно! — Легитим помахала рукой.

Я принуждённо улыбался. Разговор шёл, словно меня не было. Но бог с ними!

— Я уйду сегодня, Ланц! Наши завтра уезжают! Ты не очень обидишься?

— Нет.

— Правда, милый?»

Денисов впервые подумал о том, что «наши» — те, что «уезжали завтра», могли быть — вдова Роша и её родственник Николай, тот, что находился при ней.

«А Веда, её муж, Ширяева могли отправиться на дачу, чтобы проститься...»

Сам Ланц, поглощённый своими заботами, отнюдь не стремился к бытописательству, анализировал собственное состояние:

«Глупо обижаться на пулю, которая поразила. Виноват стрелок или ты сам. Пойдёт ли сегодня Анастасия к подруге или нет, не имеет значения. Мы прожили разные жизни. Я потерял все. Потерял Отчий дом!»

«Моё уязвлённое честолюбие, нескромность, остатки гордыни, которая, оказалось, не исчезла до конца, зависть, недружелюбие — все поднялось во мне с этим чувством, рядящимся под самую первую и самую светлую любовь в жизни! Я не должен был возвращаться к идеалу далёких лет!»

«— Ты не умеешь радоваться тому, что есть! — говорит Анастасия. — Это твоя самая большая беда! — Иной раз она возвращается из гостей рано, треплет меня по плечу, как школьного друга. — Весь вечер я смотрела на часы - когда приличнее уйти. Так медленно тянулось время. Ланц, милый! Мы, как в девятнадцать лет. Потерпи, дорогой! Мне трудно изменить жизнь. Не торопи. Старые ценности возвращаются. У меня никого нет, кроме тебя...»

«Моя прелесть, моя любовь! Не ищи в этих строках ни упрёков, ни жалоб. Как прекрасно любить тебя. Анастасия — единственная женщина, с которой я бы хотел всю жизнь быть вместе, никогда не узнать другой...»

Денисов оделся, заправил койку. Спрятал рукопись в пакет.

Чужая жизнь проходила рядом, фактически прошла, он не сумел её ощутить, может, потому, что труп, лежавший ночью на платформе в Москве, прикрытый брезентом от дождя, и автор эссе так и остались для него мысленно разъединены.

Уходя, он оглядел номер — каждый, кто вошёл бы в его отсутствие, не сразу должен был обнаружить следы проживания другого человека. Во всех командировках, всегда Денисов разнообразил свою жизнь — играл в оперуполномоченного-невидимку.

Когда он вышел, Дом творчества ещё спал. Денисов направился по главной аллее к воротам. Незнакомая пожилая сторожиха дремала, просыпаясь, искала взглядом часы. Может, как и он, она плохо держала сон?

Три плана обнаружил литконсультант, знакомившийся с рукописью в Москве: «любовь», «тоска», «ревность».

«Пожалуй, есть ещё два — четвёртый и пятый!» — подумал Денисов.

Почта была закрыта, междугородные автоматы заперты навесными металлическими замками; в связи с неисправностью на линии их так и не открыли.

Посёлок начинал обычную деловую жизнь. У гастронома разгружалась продуктовая машина; росла стремительная очередь к кассе автостанции; на площади женщины-квартиросдатчицы в ожидании симферопольского автобуса с новыми курортниками щелкали семечки.

Денисов вышел на центральную улицу, милицейский дом был рядом.

Дежурный по отделению на тротуаре перед входом ловил первый солнечный луч — продрог. Увидев Денисова, он обрадовался:

— Почта есть. — Они прошли к столу у входа.

— А что ночь? На дачах тихо?

— Все тихо. И в посёлке, и по району тоже.

Телеграмм было несколько, Денисов просмотрел их наскоро, применительно к планшету, связанному с гибелью Волынцева, каким он мысленно его видел.

«...Ширяева Наталья Кирилловна переводчица член союза писателей проживает с сыном... — Много Денисов уже знал либо представлял: установочные данные, адрес, характеризующие данные, — материалами на неё не располагаем характеризуется положительно находится творческом отпуске допросить в настоящее время не представляется возможным в связи с выездом».

«...волынцев александр андреевич сорока лет проживал Харьков улица... разведён детей нет член группкома литераторов образованию историк работал по договорам мая по август находился на полевых работах археологической экспедиции тувинской асср...»

«Отсюда тувинский орнамент рукописи, — понял Денисов. — «Тоджа», «Енисей», «Дань, собираемая непритязательным тувинским небожителем...»

Он читал дальше:

«...материалами не располагаем мать пенсионерка длительное время работала администратором гостиниц проживает отдельно...»

«Ну, вот, — подумал Денисов, — система коммунального хозяйства. Это тоже ясно из рукописи... «Детский сад горкомхоза!»»

В помещении было и в самом деле холодно, как в погребу, Денисов быстро продрог.

Хотя телеграммы были из Москвы и подписаны Бахметьевым, было нетрудно догадаться, что они дублировали ответы Харьковского уголовного розыска.

— Холодина. — Дежурный ёжился под шинелью, не мог согреться. А за окном уже шли люди в купальниках и шортах, день обещал быть жарким.

— Все? — спросил Денисов у дежурного.

— Все.

Горничная, убиравшая номер, в котором жил Волынцев с напарником, оказалась пожилой, сухонькой, с узловатыми пальцами. В речи её слышался неистребимый белорусский акцент.

— А чаго я знаю? Жил некто, уехал. Полы вымыла, постель сменила. Чаго ещё?

Они разговаривали на скамье у входа в душевую. В темноватом просторном холле за дверью кто-то пытался дозвониться по отключённому междугородному автомату, крутил и крутил диск.

— Этот человек? — Денисов достал посмертную фотографию Ланца, сделанную в морге.

Горничная долго и тщательно рассматривала её, потом, заметно стесняясь, достала из кармана очки, надела, отнесла фотографию подальше от глаз, также долго смотрела.

— Ну он... — Она спрятала очки.

— Фамилии его не знали?

— Нет.

— Разговаривали?

— С ним? А чаго разговаривать; скажу только: «Оставь ключ, приду, приберу...» — Выцветшие маленькие голубоватые глазки смотрели весело и лукаво. — Наше дело стариковское, их — молодое...

— А он?

— Оставляет. А я прибираю.

— Хорошо его помните?

— Хорошо... — Она замолчала, прислушиваясь к звуку беспрестанно поворачиваемого диска в автомате. Потом заметила: — Отключён, а всё равно крутит! Видно, очень хочет дозвониться...

— Наверно. — Денисов согласился.

«Приветлива, с юморком, — подумал он о горничной, - такие все замечают...»

— У него в номере было два одеяла?

— По весне у всех два.

— Жил не один?

— Можно сказать, что один. У соседа жинка жила в посёлке. Да он поест и уходит. И ночевал там.

— А что этот? — Денисов поднял фотографию.

— Больше дома. Писал.

— Он писатель?

— Писатели по двое не живут.

— С кем-нибудь дружил?

— А разве я знаю?! Стирал себе сам...

— Вас не просил?

— Только раз. Боялся, что полиняет. — Она снова взяла из рук фотографию, отставила далеко от глаз. — Сорочку. — Горничная вернула снимок. — Тут белое, тут красное, тут синее. Будто заплат не хватило... — Она засмеялась.

— Вы его друзей часом не знаете?

Старуха подумала.

— Нет. Видела пару раз с одним. С молодым. В парке. Он и в номер к нему раз приходил.

— А что за мужчина?

— Обычный. В сорочке, в шортах.

— Какой он из себя?

— Молодой, блондин.

— В очках?

— Вроде в очках... — Она говорила чуть меньше того, о чем знала, и Денисову необходимо было каждый раз задавать новые вопросы.

— Худой?

— Да нет. Мускулистый. Ноги накачанные. — Она засмеялась.

— А лет сколько?

— Лет тридцать... Не больше.

— Откуда он? Из Дома творчества?

Ещё вчера, до посещения дачи, до известия о её продаже, казалось: «Установить личность Ланца — и гора с плеч!» Потом, как по цепочке, одна за другой потянулись другие задания следственного поручения от наиболее общих — «образ жизни», «материальное положение», «родственные, дружеские, интимные связи» — до максимально целенаправленных, а там, где-то в конце, уже мелькнуло знакомое «Фабрик... д'армес... пума» и так далее... Но сегодня было уже важным знать — «кто был человек, которого Ланц случайно выследил ночью у дачи...!»

Горничная покачала головой:

— Мужчину этого я в Доме творчества не видела.

— Он на машине приезжал?

По тому, как старуха задумалась, Денисов понял, что она такой факт не исключает.

— А этот, что жил у вас, без машины?

— Этот так ходил. Пешком.

— Вам приходилось видеть его с женщиной?

— С какой?

— Вы же знаете! — схитрил Денисов.

— Видела. — Она посмотрела игриво. — А чаго? Нельзя?

Из холла прошла супружеская пара, пытавшаяся дозвониться, — женщина недоуменно взглянула на них.

— Какая она из себя?

— Кругленькая, симпатичная... В очках.

— Молодая?

— Счас до шестидесяти все молодые. Наташа! Сусаннина родня.

— Вы и её знаете?

— А как же? Прибиралась у них раньше. Сейчас уж тяжело стало — бросила...

Горничная оказалась золотым свидетелем.

— Вы давно её видели? Сусанну!

— Вчара захадила...

— Не спрашивали — долго она здесь будет?

— А завтра и уезжает... Дом-то уже чужой. Жилец новый приехал — мелитопольский. Деньги получены...

— Много? Если не секрет... Наличными?

Старуха усмехнулась:

— Нам с тобой считать чужие деньги не годится. Хоть бы и наличные! Целый сундук... Но у неё и расходы, не как у нас! Правда? — Она вздохнула.

— Хотели о чём-то спросить?

Выражение лукавства на сморщенном лице исчезло, женщина подняла лежавший у ног лист акации, показала на фотографию.

— А чаго с ним приключилось? Убили? Или сам себя?

Когда Денисов подходил к даче, Роша садилась в машину — седая величественная старуха, с многочисленными побрякушками на шее, с черными пронзительными глазами. Родственник оказался приземистым, молчаливым, полным, с пятнами на лице, он предпочитал

держат руль в перчатках — Денисов подумал отчего-то, что руки у него больные — в красных маленьких пятнышках. Роша сказала ему несколько слов, он с неожиданной мягкостью развернул машину, минуя кафе, двинулся в направлении главной улицы.

«Был ли Волынцев — Ланц в конце концов представлен вдове Роша? — подумал Денисов. — Вряд ли...»

За скучным, похожим на школьное зданием тянулась однообразная, зажатая холмами долина. В ней оказалась учебная полоса, на вершине одного из холмов виднелась тригонометрическая вышка.

Денисов выбрал тропу, по которой давно не ходили, - угрюмую, с окаменевшими следами весенней распутицы.

Он не стал гадать, куда на этот раз уехала Роша вместе с родственником. («В магазин? В Щебетовку? Попрощаться с окрестностями?»), посмотрел на часы. Ему было необходимо побыть одному.

Дорога свернула к холмам, начался подъем.

«Видел ли Волынцев по возвращении из тувинской экспедиции Ширяеву? — Денисов шёл быстро, занятый картинами, проходившими перед его мысленным взором, другие - вокруг — едва замечал. — Должен ли был тоже приехать в Коктебель? Знал ли о предполагаемой продаже дачи? Почему, зачем двое суток находился в Москве, ночью, на вокзале?»

С вершины открылся вид на холмы, округлые, словно складки огромного стёганого одеяла. Внизу был хорошо виден посёлок — большое украинское село, перенесённое с равнины в горную местность. По другую сторону виднелся пейзаж в духе скалистого Запада — обрывистый песчаный каньон. Казалось, вот-вот осыпятся пригоршни мелких камней и появится одинокий верховой, придерживающий поводья, — в шляпе, с кольцом и наручниками на поясе, с ружьём поперёк седла.

Было тихо. На дороге вдалеке проехала грузовая машина.

«В Судак?» — Денисов не представлял карту здешних мест.

Зелень посёлка уходила в воронку, пропадала среди гористых складок, профиль Волошина виден не был — лишь щербатые, отмеченные желтизной и ржавчиной камни-монолиты.

Денисов сел рядом с одним из них, достал рукопись, поправил загнутый в середину лист.

«Перст судьбы — он племянник...»

Теперь Денисов мог уточнить дату ночного знакомства Ланца с неизвестным.

«"Наши завтра уезжают", — сказала Ширяева. Это случилось накануне отъезда вдовы Роша из Коктебеля...»

Он оглядел местность. Вокруг была та же клочковатая растительность, что и на горе у кладбища, — невысокая, отстоящая друг от друга полынь; все сухое, чаще колючее, не вызывающее желаний коснуться.

Вдалеке, на дороге, в низине, остановилась легковая машина, Денисову показалось, кто-то вышел:

«Может, Роша с родственником? Решили проститься с окрестностями?»

Рукопись по-прежнему притягивала его — бесхитрое описание содержало некую оперативную информацию.

«Ты выдумал сказку о людях, которые живут легко и беспечно, Ланц, — говорит Анастасия, — и не можешь понять, что их нет или почти нет. Я, во всяком случае, к ним не принадлежу. Вся жизнь я либо училась, либо работала. Как все. Это все — результат твоей фантазии, миф, который ты создал в детстве. Эти люди отличаются от тебя тем, что умеют себя подать, коммуникабельны... Мой отец говорил: "Если человек не уважает себя, его и другие не уважают..."»

Внимание Денисова привлекли голоса — большая группа отдыхающих оккупировала вершину, готовилась фотографироваться. Прежде чем начался самый крик, Денисов перелистнул ещё несколько страниц.

«— Что? Что надо? — Я подошёл, когда он уже сидел в машине. Высокий, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган...»

Экскурсанты трижды прокричали «ура!», замахали руками. В этот момент их запечатлел объектив. Группа сразу рассыпалась. Денисов поднялся:

«И всё-таки надо его искать в автокемпинге... Что-то я не учёл, когда приходил туда. Машина могла стоять только там...»

Под объявлением о регистрации аквалангов и резиновых лодок вахтер автокемпинга объяснялся с водителем «Запорожца»:

— Без оформления принять машину не можем. Ни на минуту... — Это был не отставник, с которым Денисов познакомился накануне, другой — моложавый, в майке универсиады. Но говорил он абсолютно то же: — Нельзя!

— Нам же ненадолго! — немолодая, в темных очках женщина — водитель «Запорожца» — вздохнула. На заднем сиденье дремал мужчина, должно быть, провёл ночь за рулём.

— Свет оставят в машине, дверцы не прикроют, — ворчал вахтер. — А спрос-то с нас!

— Нам на час всего!

Дремавший на заднем сиденье мужчина уточнил:

— На полтора часа.

«Запорожец», как и его владельцы, явно нуждался в уходе — заднее стекло забросало глиной, диски колёс, бампер - все было в грязи.

Из домика администрации кто-то вышел, вахтер подошёл к окну кассы.

— Здесь погода все время такая? — спросила у Денисова женщина за рулём.

— Жара. Вы откуда? — Денисов не уходил, ждал, чем закончатся переговоры.

«В сущности, тому человеку, который поднимался в ту ночь к даче Роша, тоже надо было пристроить свою машину совсем ненадолго...»

— Мы из Мелитополя. По дороге такой ливень захватил...

«Тот, с Мелитополя... — подумал Денисов, — что покупает у Роша её дачу, возможно, сейчас тоже где-то здесь, и его машина, возможно, тоже в глине».

За забором в палаточном городке для машин вдоль длинной стойки с общественным умывальником бегали дети.

Вахтер наконец освободился.

— Что с вами делать... Если только на час...

Денисов отошёл, не желая мешать дальнейшему развитию событий.

— Самое большое два часа! — Женщина достала кошелек.

— Вот там поставьте. — Вахтер незаметно показал на асфальтированную площадку между домиком администрации и шоссе.

«Понятно», — подумал Денисов.

Женщина уже выводила свою заляпанную ливнем машину на нейтральную полосу.

«Здесь он и оставлял машину, пока поднимался к даче Роша. Здесь, когда к нему подошёл Ланц, он и дал объяснение, которое в тот момент опрометчиво посчитал убедительным».

Из окошка административного домика постучали, кассир узнала московского оперуполномоченного:

— Что-нибудь нужно?

— Нет, пожалуй. - И всё же спросил: — Роша вам оставляла машину? Художница. Знаете её?

— Своих мы всех знаем. Оставляла. — Кассир даже не заглянула в книгу. — Вчера их сосед — рядом дача — заправил, подал к поезду.

— Машину взяли совсем?

— И да, и нет, — в домике были люди, она сказала негромко, чтобы другие не слышали. — Доплатили за месяц. Может, ещё оставят, может, решат продать, — шёпотом добавила она. — Завтра уезжают совсем...

Нещадно палило. Поверх палаточного городка виднелся залив. Погода менялась, то в одном, то в другом месте мелькали белые барашки.

Дата отъезда, подсказанная старухой горничной, подтвердилась. «Завтра! Сегодня последняя ночь на даче...»

— Вы в посёлок? — спросила кассир. — Может, подвезти? Сейчас будут выезжать — я попрошу. Чтоб пешком не идти.

— Да нет. Надо ещё в одно место.

— Далеко? Они подвезут...

— В районную библиотеку. Здесь рядом.

Корреспонденция в местной газете называлась «Мир увлечённого человека».

«Кругу интересов известной художницы Сусанны Ильиничны Роша, — писала корреспондентка, — может позавидовать любой. А ведь ей недавно исполнилось 88 лет! Графика, рисунки на тканях, эскизы одежды и женских украшений, дизайн — все до сих пор волнует, вдохновляет её. А ещё книги, картины, поездки...»

— Куда вы собираетесь в этот раз? — спросила я Сусанну Ильиничну.

Она улыбнулась:

— В тридцатых годах с мужем — Грантом Роша, молодым скульптором, имя которого тогда ещё мало кому было знакомо, мы решили ближе познакомиться с творчеством знаменитого французского мастера Эдгара Шаина...»

Подробно описывая жизнь и пристрастия вдовы Роша, корреспондентка наводила на мысль о богатстве и расточительности художницы, в доме которой хранилось собрание редких, баснословно дорогих и, во всяком случае, уникальных произведений отечественного и западного искусства.

«На месте Роша я протестовал бы против таких аттестаций, даже если они даны из лучших побуждений...» — подумал Денисов.

Уже знакомая Денисову библиотекарша поглядывала на часы — собиралась на семинар, он проходил в том же здании, но в другой половине.

— Ну, как то дело? Расследуется? — спросила она, заметив, что Денисов кончил читать.

— Расследуется... — Он показал газету. — Подарите!

Библиотекарша засмеялась:

— Уже подарила.

Вышли вместе.

— «Неман» тоже вам, — она протянула журнал, который был у неё с собой, — мой личный. Я уже прочитала. Там детектив, номер невозможно достать. Передают из рук в руки.

Было правильнее отказаться в пользу любителей детектива, но Денисов не захотел её обидеть.

— Спасибо... Чудесные подарки. — Он положил газету в журнал.

— Счастливо!

Между деревьев впереди показалась тяжёлая громада Ка-радага, отрезавшая от посёлка принадлежавшую ему огромную часть неба, моря и суши; чеканный профиль Волошина; выгоревшая соломенно-жёлтая поросль. На гигантскую маску поэта следовало смотреть сбоку и чуть сзади.

Денисов снова вышел на главную улицу. Весь день кружил он на крохотном пяточке, ограниченном почтой, Домом творчества, поселковой милицией.

Рядом с почтой Денисов увидел Веду и её мужа с компанией, все преувеличенно вежливо с ним раскланялись. Ему показалось, что даже занимавшийся по утрам на пляже йогой экстрасенс Зубарев чуть дольше задержал на нем взгляд. Действительно ли Веда представила его как известного кинодраматурга?

У междугородных автоматов толпились люди. Аппараты подключили, но слышимость была неважной, из кабин доносились голоса.

Денисов решил не звонить: о чем стоило бы громко, во всеуслышание прокричать, чувствуя за спиной дыхание нетерпеливой писательской очереди? «Жив-здоров»? Лина в этом не сомневается. Про другое, что очень редко, но все же может произойти с оперуполномоченным, ей сразу сообщили бы одновременно с уведомлением министру.

— Эрик, Эрик... — звала кого-то женщина в телефонной кабине с разбитым стеклом — из-за угла подошёл маленький кобелёк величиной с курицу. Женщина успокоилась.

Стоял самый зной.

На этот раз Денисов направился к даче Роша, соблюдая максимум предосторожности: петлял по посёлку, резко разворачивался и шёл навстречу тому, кто мог за ним следовать.

В своём расследовании убийства Волынцева он словно обрёл под ногами знакомую почву. Особенно, когда прочитал корреспонденцию в районной газете.

«Дом», «дача», «деньги» — понятия эти были больше из его обихода — старшего группы по борьбе с кражами и руководителя группы захвата, чем такие, как «дефицит престижности» или «комплекс неполноценности», с которыми он постоянно сталкивался в связи с делом Ланца.

Осторожно, убедившись, что его никто не видит, он поднялся на килую гору, к даче. Здесь было тихо и знойно. Внимание Денисова привлекли стрекозы. В огромном количестве они с шумом металась по сторонам.

Внизу, у спасательной станции, несколько цыганок рекламировали свой традиционный товар — румяна, тушь, знакомство с обозримым будущим. Клиентов явно хватало. Наступал обеденный час, от кафе до забора тянулась очередь.

В доме Роша, напротив, движения не чувствовалось, залитая солнцем площадка у входа была пуста. Обстановка была знакомая: ржавый якорь, фонарь. Кое-где на деревьях виднелись жёлтые плоды, по цвету напоминавшие абрикосы. В соседней даче на балконе красилась женщина, она не обратила на Денисова никакого внимания. С моря, от Карадага, шёл катер — красный с белым.

Денисов осторожно спустился во двор, обогнул дом. Машины на месте не было. Роша все ещё не вернулась из поездки. Под деревьями, где рядом с дорожкой ржавело несколько металлических кроватей, висел гамак. Дерево, которое Денисов сверху принял за абрикосовое, оказалось в действительности яблоней.

Он приоткрыл дверь в мастерскую.

«Тиски, акваланг. Якорь. Ещё один... Ланц в рукописи только раз упоминает дом. Выходит, ни разу не спускался к даче! Именно Волынцева дача и миллионы старухи Роша никогда не интересовали!...»

Свисавшие канаты у входа напоминали свалявшуюся шерсть грязно-белого пуделя.

Одно из окон, выходящее в сад, оказалось забраным металлической решёткой. Против окна виднелись книжные полки. Денисов рассмотрел несколько старинных, с золочёными обрезами томов Брокгауза и Ефрона, на столе деревянную шкатулку. Боковые стены скрывали тяжёлые шторы.

«Видимо, это комната художницы... — подумал Денисов. — Возможно, в ней есть старый тяжеленный сейф, ключ от которого она всегда носит с собой...»

Он отошёл от окна. Синие, шире обычных, тела трепещущих стрекоз мелькали на солнцепёке.

«Непонятная активность...» — подумал Денисов.

Он нажал кнопку звонка — пронзительный звук повис в пустом доме, звонок работал идеально.

Терраса заканчивалась площадкой, Денисов подтянулся, забросил ноги, через секунду уже стоял наверху. Его внимание привлекла застеклённая веранда.

«Интересно, где родственник Роша хранит коллекции? - подумал Денисов. — И был ли среди его трофеев пистолет испанского производства?»

Приглядевшись, он увидел внутри двери, по одной с каждой стороны помещения. В простенке между ними висели старинные большие часы, рапира, а выше — два скрещенных пистолета, похожих на дуэльные.

«Ночью всё здесь будет выглядеть иначе... — подумал Денисов, отходя, мысленно расставляя вокруг ориентиры. — Всё по-другому».

Заострённым носом дача словно правила в море, площадка напоминала открытую палубу, здесь тоже был якорь. Корабельная цепь, снасти.

Внизу, как и накануне, у пункта с пожарным инвентарём кружили добродушные псы; посудомойка несла к свалке очередную стопу битых тарелок.

Пожарный багор, упоминавшийся в записках Ланца, был на месте.

Денисов спустился на писательский пляж. Под навесом, в тени, было много свободных мест; не снимая сорочки, он присел на топчан.

Даже тут было полно взволнованных стрекоз, он никогда не видел их в таком количестве, они метались, как потревоженный осиный рой.

«Важные события внутривидовой жизни или предчувствие перемен? — подумал Денисов. — Может, активность солнца?»

Люди вокруг, напротив, вели себя спокойно. Рядом сосед массировал шейные позвонки. Две молодые девушки в купальниках шептались о чем-то тихо-тихо с внешне безразличными лицами. Надо было быть глухонемым, чтобы что-нибудь понять, читая по их губам, как с листа. Но они понимали и старались не смотреть на двух ожидавших их парней в джинсах и майках «Мальборо». Те тоже совещались. Вся их тайная жизнь шита была белыми нитками.

— Добрый день. — Денисов поднял голову. Веда была не одна, с привычной компанией. — Не возражаете, устроимся впереди вас?

На пляже было полно мест, но Веда оказала ему честь. Была ли в том благодарность за то, что страхи, которые пришли с ним, мгновенно рассеялись? Дань ли профессии, диктовавшей образ жизни, отличный от всех?

Спутники поздоровались преувеличенно любезно, не исключая Зубарева. Денисов кивнул. Он знал, что уступает по части приветливости и хороших манер. И может держаться просто и раскованно только со своими.

Солнце хмурилось, и небо не было прозрачным, как с утра: в нем словно носился мелкий истолчённый песок. Похожее на парусник облако гнало к берегу низко, почти над головами, скоро оно должно было заставить пригнуться всех, кто находился на пляже. Было тихо, только что-то поскрипывало в морском велосипеде, правившем к берегу, да прибывала волна.

Компания говорила на темы, связанные с непознаваемым, необъяснимым.

— Я читал об этом у Парнова... — сказал кто-то, имя это Денисов знал. — Они берут двенадцать чётных знаков и двенадцать нечётных, меняют произвольно местами, и медиум должен расставить их по местам...

— Бред.

— Не скажи! Раз военный комплекс интересуется — значит, есть смысл!

Денисов вспомнил рукопись, Ланц писал:

«Издалека я видел, как у корта собирается их компания — короткий, как гриб, — сценарист или драматург; инфантильный с розовыми щёками, в очках — филолог; наконец, тоже высокий, тоже в очках, самый невзрачный, казавшийся наиболее простым и понятным, а на самом деле — философ, знаток древней «кабалы»...

— Привет!

Похрустывание гальки, на которое Денисов не сразу обратил внимание, исчезло. Приветствие относилось к компании, сидевшей с Ведой.

— С приездом!...

Денисов увидел не застёгнутые сандалии, загорелые мужские ноги, шорты, наконец упругий, круглый живот. Мацей — в обычной своей униформе, с детской красной фуражкой на голове — на этот раз был не один. Женщина, стоявшая с ним, кого-то напоминала. На ней были туго обхватившие её шорты, майка, белая панамка с видами Гамбурга. Серые глаза за стёклами выглядели смущёнными, несколько раз она оглянулась, словно кого-то искала.

«Наталья Кирилловна Ширяева, — Денисов узнал её. — «Легитим», «Законная»... «Анастасия!»»

Компания пришла в движение, мужчины встали.

Денисов наблюдал. Ширяева и Веда разговаривали как люди, успевшие обменяться новостями.

— Ночуешь у Сусанны? — спросила Веда.

— Не хочу. Никто не жил — боюсь, в доме всё-таки сыро.

— Значит, у меня. А Николай? — Денисов понял, что Веда интересуется родственником художницы.

— Мне кажется, махнёт в Судак, к своей пассии. Последний вечер!

Ширяева снова оглянулась, на долю секунды Денисов задержал её взгляд — рассеянный, вместе озабоченный. Может, она действительно надеялась встретить кого-то на писательском пляже, в Коктебеле, в день приезда?

«Волынцева?!»

Этим человеком, однако, никак не мог быть молоденький сержант, с которым Денисов познакомился в первый день пребывания в Доме творчества. Сержант уже некоторое время, стоя у входа, пытался обратить на себя внимание московского оперуполномоченного.

Денисов понял. Выбрав удобный момент, поднялся, пошёл к выходу.

Начальник милиции вёл приём. Когда Денисов вошёл, он заканчивал разговор с парнишкой-отдыхающим. Неулыбающийся, черноволосый — парнишка был похож на палестинца, несмотря на явное «оканье» и «ч», близкое к «ц».

— У хозяйки две дочери, обе незамужние, деликатные, тактичные... — говорил он. — Но чувствую — попадаю в зависимость. Давят. А в Свече жена, ребёнок. Хочу уйти - паспорт куда-то исчез...

«О, эти скромные дети наших хозяев!...» — подумал Денисов. Несколько минут он сидел тихий, ещё не пришедший в себя после встречи на писательском пляже.

Он ничего не решил, но уже знал, что прибыл в Коктебель удивительно кстати.

«Все, кто был в мае, все здесь. Ситуация повторилась. Без Волынцева, но с участием оперуполномоченного!»

Электроника в кармане слабо пискнула.

— Я поговорю. — Лымарь записал адрес. — Постараюсь помочь...

— Спасибо. — Парнишка пошёл к дверям.

— Ты просил Пашенина узнать, кто поменял звонок на даче Роша? — спросил Лымарь, пользуясь минутой, пока, кроме них, в кабинете никого не было. — Тут не ясно. Художница человек всеми любимый и уважаемый. Ей несут все необычное — старые картины, книги, дары моря.

— Так.

— Кто-то заметил, что на двери старый дребезжащий звонок. Поставил новый.

— Давно?

— В мае. Перед её отъездом.

— Что за человек?

— Не помнит.

— Она жаловалась на старый звонок?

— Нет! Но все видели, что он ни к чёрту. Конечно, ты мог бы сам с ней поговорить. Но я не стал бы этого делать. Поверь. Я давно имею дело с творцами. Их жёнами, детьми... Тут надо такт. Привычку. Можешь взволновать — и весь приезд насмарку! Не напишет и строчки...

— Денисов вспомнил бесстрастно-вежливую женщину-регистратора Дома творчества. Отсюда всё и начиналось: «Их нельзя беспокоить!»

— Что с другими поручениями?

— Родственник Роша — Николай... Сутыгин — сосед по номеру, соседи по столовой... Ответы ещё не пришли. Как будут — сразу сообщу... Интересно, что дадут допросы? Все-таки ближайшее окружение Волынцева!

Денисов не ждал ничего особенного из Харькова.

— От знакомых и родственников вряд ли удастся узнать больше, чем содержится в рукописи!

Об этом свидетельствовала предосторожность, с какой Волынцевым направлялась корреспонденция в Дом творчества на имя Настасьевой, весь характер взаимоотношений в Коктебеле.

«Анастасия и Ланц! Пуще всего он боялся её скомпрометировать. Их отношения едва ли предполагались даже самыми близкими! Даже Ведой и её мужем!»

Из дежурки донеслись голоса, несколько женщин громко пререкались с дежурным.

— Гадалки?

— Не знаю, что делать. Целый табор. Того и гляди, дежурку разнесут.

Набившиеся в кабинет женщины повели себя шумно. Каждая кричала своё. Грудные дети заревели все разом, матери, крича, тут же принялись их кормить и успокаивать. Приём был проверенный, старый, как мир; никто не в состоянии был выдержать и нескольких минут массированного натиска. Это была игра. И цыганки, и Лымарь об этом знали.

Денисов собрался идти, но сначала следовало освободить Лымаря. Денисов знал, как это делается.

Женщины продолжали неистовствовать, на Денисова никто не обращал внимания.

— За что штраф, начальник! За что?! Майор!...

Все громко обменивались по-цыгански.

Денисов поднялся, выбрал одну из цыганок, кричавшую больше других, поманил пальцем.

— Сыр тут кхарна? Про лав? — спрашивать следовало очень серьёзно и как можно спокойнее: — «Как тебя зовут? — Он опустошил свои знания ровно наполовину. — По имени?»

— Мария...

Она опешила. Вопрос Денисова произвёл впечатление разорвавшейся бомбы: пока они кричали, в кабинете сидел человек, знающий цыганский! Все слышал.

Даже Лымарь был ошеломлён.

Так продолжалось минуту, Денисов уже знал, что за этим последует.

Оправившись от шока, женщины оставили Лымаря, кинулись к нему, забросали вопросами, просьбами: он был «свой». «Обязан помочь!» Денисов не понимал ни слова.

Для этой стадии он берег вторую, и последнюю, известную ему фразу.

— Дедума гаджиканес! — Он пожал плечами, как бы извиняясь, показал на Лымаря. «Говорите по-русски...» Было ясно: в присутствии сослуживца ему не совсем удобно пользоваться языком, которого тот не знает. — Главное, давайте спокойнее.

Сам он отнюдь не был спокоен, поэтому, уходя из дежурной части, взял сданный по приезду в Коктебель пистолет.

Не спеша вернулся он к себе. В калитке бабуся-сторожиха приветствовала его как знакомого: на этот раз она дежурила со стороны набережной:

— Седни ходы, бо заутру не пушшу! Срок кончился!

Денисов только улыбнулся.

«Спокойствие, как перед экзаменом, — подумал он, — когда известно, что ничего не знаешь, а учить поздно! Будет как будет...»

Денисов продолжал жить в домике один, вторая — стоявшая углом к первой — кровать все дни оставалась свободной.

Он лёг, намереваясь выспаться, обычно это всегда удавалось, если предстояло что-то серьёзное и значительное, как сегодня. Но тут его словно заколодило. Он вспомнил Ширяеву, взгляд, искавший кого-то на писательском пляже.

«Их отношения продолжались. Остались такими же сложными. Станный тупик, в который люди сами себя загнали... — Денисов удивился, как это раньше не пришло в голову. — Они должны были встретиться в Коктебеле! Ширяева недоумевает: что произошло? Почему его нет?! Ей тяжело: никому не может открыться...»

Догадка вряд ли могла помочь расследованию. Но только на первый взгляд!

«А если его и убили именно потому, что он собирался на эти дни в Коктебель!...»

Ни Веда, ни Ширяева, ни компания, ходившая с ними, в столовую не явились, приборы их остались нетронутыми.

Денисов снова вернулся к себе. Несколько раз, не раздеваясь, ложился, выключал свет. Снова зажигал лампу, брал рукопись.

«Молодой парень, которого Ланц выследил ночью... Как он струхнул, когда Ланц подошёл к его машине! Какое объяснение он дал своему ночному посещению дачи Роша! Племянник! — Денисов поглядел на часы: было уже темно, но все ещё достаточно рано. К ночи волнение моря усилилось. Глухие удары настигали берег быстро и часто. Не оттого ли волновались стрекозы?! — Он явно неместный... Но и не москвич, хотя каким-то образом связан с московским вокзалом...»

Когда Денисов вышел на набережную, там оставались последние отдыхающие. Гул моря был протяжным. От неярких светильников к разбушевавшейся воде скользили тени. В черноте таял конец узкого причала для прогулочных катеров. Ни Карадага, ни звёзд видно не было.

Мимо Дома-музея Волошина Денисов двинулся в направлении пансионата и турбазы. Тротуары были пусты, ветер гнал обрывок газеты — Денисов не поспевал за ним. Пляжные постройки отрезала чернота, свет и тень казались чётко разграниченными.

На скамейке в конце набережной Денисов увидел незнакомого мужчину и мальчика, они молча жестикулировали. Когда Денисов проходил мимо, мужчина спросил:

— Скажите, пожалуйста, сколько времени? — Глухонемым оказался только мальчик.

Между набережной и автокемпингом Денисову никто больше не встретился. В темноте море звучало глуше и яростнее.

Между машин и палаток Денисов прошёл к административному домику — палаточный лагерь был тих, хотя не спал. В палатках горели огни, призрачные тени касались матерчатых стен.

Денисов прошёл к площадке между административным домиком и шоссе. Машины, оставляемые на нейтральной полосе, были как бы на стоянке. В то же время в любую минуту могли уехать.

«Запорожца» из Мелитополя уже не было, на его месте стоял зелёный «жигуль». Номер был крымский, хорошо запомнился: 18-17. Денисов обошёл машину — задние крылья, колпаки колёс, бампер были знакомо забрызганы; глиной.

«Ну вот, — подумал Денисов. — Машина снова выдвинута на передовую позицию!»

На тропе, поднимавшейся к киловой горе, глаза слепил фонарь, висевший у спасательной станции. Выше начиналась тьма. Денисов шёл бесшумно, легко ощупывая ногами дорогу. В темноте он прошёл мимо боковой калитки.

Внизу был обрыв, ярко освещённая дорога к аварийному; пляжу, малолюдная даже днём. Чуть сбоку, внизу, была дача; калитка с надписью «злая собака», которую он не заметил в темноте, отсюда была хорошо видна, за ней; начинался невидимый из-за темноты сад.

Денисов задержал в груди воздух, неслышно выдохнул - дыхание выровнялось; бесшумно спустился к даче.

В саду было темно, но не в такой степени, как он предполагал. Окна, выходящие на киловую гору, не были освещены, только крыльцо и веранда. В доме было тихо. Прошла вечность, пока Денисов различил доносившиеся из дачи негромкие голоса. Он поборол искушение спуститься вниз, к веранде, посторонился, освободив тропинку. С места, где он стоял, дверь дома не была видна — лишь небольшое пространство перед входом, канат, якорь.

Сквозь гул моря откуда-то с киловой горы донёсся странный звук — крик птицы или рык собаки. Один раз показалось, что со стороны веранды мелькнула тень. В саду? На самой веранде?

Было поздно. Около двадцати трёх стукнула дверь, послышались голоса.

— Спокойной ночи! — говорили сразу несколько человек. — Хотите, пойдёмте к нам! Места хватит!

Денисов рассмотрел всех, когда они вышли на площадку у входа:

«Веда, её муж. Мацей. Ширяева... Ещё двое, те, кто был на пляже... — Он не заметил высокого, в очках, блондина, занимавшегося йогой. — Только свои пришли прощаться».

Вдова Роша осталась на крыльце — услышал её голос: резкий, не старческий:

— На следующее лето всех милости прошу ко мне в Репино.

Шурша кустами, компания спустилась к улице; брякнула невидимая, похожая на кладбищенскую, металлическая калитка. Свет на крыльце и на веранде погас, но зажегся в окне с решёткой, задёрнутой шторой изнутри.

Ещё раз голоса раздалась внизу, но уже с другой стороны — у спасательной станции. Возгласы, смех.

«Задним умом всегда легче объяснить происшедшее. — Денисов поймал себя на том, что весь день подгонял события, выстраивая некую общую схему. — Куда труднее предугадать...»

Он заранее решил, что останется здесь.

Свет в решетчатом окне горел недолго. Наступила темнота, наполненная гулом моря, — слышимая и зримая одновременно.

«Ланц считал, что эти люди на даче, хозяева и гости, выдумали непростую красивую игру, зная правила, легко и непринуждённо играли её долгие годы, незаметно для себя становясь профессионалами. Но кто-то, должно быть, как это бывает, играл без правил. — Денисов знал об этом как розыскник. — Жёстко, с ясной целью».

Время ползло медленно. Денисов вспомнил дождь, шедший все эти дни в Москве, пока занимались делом Волынцева, стекавшие с пронзительно высвеченной платформы потоки воды — казалось, они журчат и сейчас; взгорбленный над неподвижным мёртвым телом брезент... Стоило ему об этом подумать, и сразу, словно в калейдоскопе, начали мелькать лица, события — Бахметьев, Королевский, супруги Сазоновы, у которых Волынцев ночевал в Москве, слуха коснулся незнакомый напевный голос по аппарату прямой связи «пассажир — милиция»: «Пусть носильщик расскажет про оружие...» Последним память зафиксировала белесые напряжённые глаза Салькова, когда он, Денисов, поверг его в смятение, предположив: «Пистолет у тебя? Ты подобрал его на платформе? Рядом с трупом?»

Дача была деревянной. Время от времени в ней раздавались таинственные звуки. Скрипнула половица. Флюгер. Снова стало тихо. Со стороны кафе принесло запах котлет. Тявкнула беззлая кокетельская шавка.

Денисов напрягся, правая рука его бесшумно скользнула под мышку к кобуре. На горку поднимались, прошли под откосом. Что-то невидимое коснулось калитки, в которую Денисов вошёл, через секунду она отворилась. Человек прошёл рядом, тяжело, едва не задев. Исчез в темноте.

Ситуация, описанная Ланцем, повторилась.

Кто-то спустился к дому, пнул лежавший на крыльце канат. Скрипнула незапертая дверь мастерской. Изнутри словно подали знак: царапнуло стекло.

Денисов начал бесшумно спускаться. Неизвестный отошёл к убранному решёткой окну комнаты художницы, теперь он был рядом, тяжёлый, высокого роста. Денисов услышал его прерывистое дыхание. Внезапно человек замер, он что-то почувствовал. Под ногой Денисова хрустнула ветка.

В ту же секунду раздался треск раздираемых кустов. Человек бросился вниз, к улице. Заскрипела галька. Близко, потом у самой калитки.

Когда Денисов выскочил на улицу, всё было тихо. Мерно шумело море. У калитки валялся желтоватый, из плащевой ткани пояс, Денисов на бегу подобрал его.

Происшедшее не заняло и пяти секунд. Слева тянулась безлюдная, слабоосвещённая на всей её протяжённости улица Десантников, справа была набережная — тёмная в начале и залитая светом впереди, за калиткой Дома творчества.

Денисов выбрал набережную, чёрно-белую её часть. Он бежал легко. Удары невидимых волн чередовались с движением балласта: камни на пляже скрипели, обдирая друг друга, словно уплотняемые щебнеукладчиком.

Он рассчитал верно: калитка Дома творчества была заперта, но бабуся бодрствовала:

— Седни последний день! Так и быть! — Она выдернула пробой.

Не разбирая дороги, касаясь невидимых голубых елей, сирени, вечнозелёного букса, через клумбы с благоухающими в ночи глициниями, как вихрь Денисов промчался к центральным воротам, выскочил наперерез.

Дальше бежать не пришлось. Высокий, в очках, блондин в светлой куртке, то и дело оглядываясь, вылетел прямо на него.

— Милиция! — крикнул Денисов. Он узнал человека, которого преследовал, по желтоватой плащевой ткани на куртке.

Бежавший остановился.

Это не был ни Николай — родственник художницы Роша, ни один из тех, кто с вечера приходил на дачу вместе с Ширяевой и Ведой. Денисов видел его впервые.

Х. «МИНУС ТКАНЬ...»

Салькова увели. Но Денисов уже знал, что попал в точку, когда спросил:

— Пистолет у тебя? Ты подобрал его на платформе? Рядом с трупом?

— Что ты, Денис! — Под едва заметным белым пушком лицо Салькова слегка побагровело. — Тебе-то уж я бы сказал!

Носильщика допрашивал следователь. Был самый момент снять трубку, набрать номер Лины; она, наверное, все утро ждала звонка — Денисов так и не выбрал времени позвонить.

«Так закрутило с вечера...» — приготовил он первую фразу.

Проверка ночной гостиницы в парке отстоя поездов дальнего следования на Каланчевке, переезды, разговор с Олегом Степановым, видевшим, как носильщик на платформе следил за погибшим; сигнал по аппарату «пассажир-милиция», неудачная поездка с Ниязовым на квартиру Салькова, а потом более успешная в Прокуратуру СССР в поисках свидетельницы, приезжавшей просить за мужа... - не верилось, что все это произошло в считанные часы, а с момента обнаружения трупа на вокзале — всего чуть более суток.

За дверью кабинета слышались голоса — оперативники из группы по борьбе с кражами поднимались к себе: проверка ячеек автоматической камеры хранения ничего не дала - Денисов уже знал об этом, — портфель погибшего найден не был.

Денисов снял трубку.

Первой звонить мужу, который забыл предупредить, что не приедет ночевать, Лина считала унижительным.

За окном снова моросило, как все эти дни. Видимый кусок неба над платформами — от элеватора до крыши центрального здания — с самого утра выглядел грязно-серым, словно в нем не переставая мыли кисти.

«Унылый фон всего этого дня...» — подумал Денисов, набирая номер. С другой стороны, он знал, преступления как раз и раскрывались в такие дни — скучные, невыразительные. Он скользнул взглядом по плану предстоящих на день мероприятий — от встречи с судебным медиком-экспертом до возможного визита к домашней работнице Сазоновых.

— Ти-ти-ти... — Номер Лины был занят.

«Звоните мне?» — Денисов положил трубку. В ту же секунду раздался звонок.

— Там этот носильщик, Сальков. Он на допросе у Королевского... — Звонил Бахметьев. Приказание носило характер просьбы. — Лучше, если сам доведёшь с ним разговор до конца. У Королевского не пошло.

— Сейчас?

— Да, я сказал, чтобы его привели. Пока пистолет не уплыл. Потом снова передашь следователю. — Бахметьев положил трубку.

Носильщик уже входил в кабинет, его сопровождал Ниязов.

— Привет. — Сальков протянул руку, он проверял своё процессуальное положение: сотрудники милиции не обменивались рукопожатиями с задержанными, лишь со свидетелями.

— Привет. — Ладонь Салькова оказалась вялой, почти не напряглась в пожатии, да это и неважно было: встреча с Денисовым его не порадовала.

— Я не нужен? — Младший инспектор пошёл к двери.

Денисов набрал номер в надежде, что он снова окажется занятым. Трубку сняла Лина:

— Я слушаю.

— Так неудачно получилось вчера. Да и утро кувырком. Ты извини. Как дела?

- Знаешь сам.
- А все-таки?
- Ты не один? — Она тонко чувствовала его. Даже по телефону.
- Был, пока набирал номер.
- Спешешь?
- Работы много.
- Занят — не звони! — Разговор получился тягостным для обоих.
- Носильщик обо всем догадался, смотрел понимающе.
- Как Наташа? — Был один только способ призвать Лину к порядку.
- Тебя это волнует? Когда брала из сада, сказали: «Из носа шла кровь после обеда...» Второй раз! Сейчас и в начале лета. А мы врачу показывали?
- Может, перегрелась?
- Ну, Денисов, ты даёшь! — На том конце провода Лина тоже была не одна, разыгрывала маленький спектакль. - «Перегрелась!» На улице холодина, того и гляди снег выпадет!
- Не понимают! — посочувствовал Сальков, когда Денисов положил трубку. — Моя Татьяна точно такая. Все они.
- В какой момент ты обратил внимание на погибшего? - спросил Денисов, становясь другим. Ни Лины, ни Наташи в этой его жизни не существовало. — Видел с вечера? В залах?
- Только на платформе. — Сальков тоже сразу подобрался, был начеку.
- При отправлении тамбовского?
- Вернее, когда уже отправился.
- У вагонов?
- С нерабочей стороны.
- На том месте, где его потом обнаружили?
- Да, примерно.
- Когда ты его увидел... Что он в это время делал?
- Просто стоял, смотрел.
- Куда?
- Можно сказать — «никуда»... — Сальков подумал. — Стоял так, что ни пройти, ни проехать. — Раньше носильщик об этом не говорил.
- Один?
- Да.
- Окликнул его?
- Сказал: дай место, мол. Он как стоял, так и остался стоять.
- Как же?
- Посторонил, — носильщик показал жестом, — тачку провёл по краю.
- Дальше.

— Поставил тележку, пошёл за проволокой.

— Электропоезд на шестом пути ещё был?

— Был. — Сальков взглянул обеспокоенно, в белесых на красноватом лице глазках невозможно было ничего прочитать.

«Я для него менее удобен, чем следователь прокуратуры, который его не знает, — подумал Денисов, — и мне будет дано другое объяснение...»

Он не ошибся.

— Денис, — носильщик подчёркнуто-тягостно вздохнул. — Скажу, как было. Я проходил на посадке — пассажир этот стоял. Я на него внимание обратил: он был как пьяный или оглушённый.

«Женщина из прокуратуры тоже видела его, закрывшим глаза рукой...» — подумал Денисов.

Сальков искусно сплёл правду и вымысел:

— Поставил тачку, пошёл искать проволоку. А сам за ним слежу. Поезд ушёл, а он, как стоял на платформе один, так и остался стоять. У элеватора меня парень окликнул, попросил закурить. Так всё и было. Когда сцепку почтовых потянули, я потерял его из вида. И выстрела не слышал. Увидел только — лежит. Я к нему. Думал, пьяненький...

— Дальше.

— А что дальше? Вижу с ним рядом... пугач. Пугач не пугач. Зажигалка? Я ведь тогда ещё не знал, что с мужиком. Подобрал игрушку эту и пошёл. — В белесых глазах Салькова на секунду вспыхнул торжествующий огонёк, но носильщик тут же его погасил. — Тут вижу: Ниязов! Я к нему.

— Пистолет у тебя?

— Сейчас дойду до этого...

Утро Сальков провёл бесполезно для себя — Денисов сразу понял: ездил не в сауну — советовался с кем-то опытным.

— ...Ниязову я про игрушку эту ничего не сказал. А потом иду, думаю: «Зачем взял?! Из-за чепухи может неприятность выйти!» Мне бы вернуться, отдать оперуполномоченному. А я... Короче, подошёл к мусоросборнику, бросил в контейнер, и делу конец... — Носильщик вздохнул. Он был из тех, кто быстро, по пустяку начинал волноваться и так же быстро успокаивался.

— Да и так рассуждать... — Салькову было мало того, чтобы история выглядела правдоподобной, он хотел, чтобы Денисов в неё поверил. — Зачем мне пистолет? Откуда я знаю, где его достали? Кого из него уложили? Это ведь всё на меня повесят! В жизни не возьму.

Как говорили на вокзале, он пытался повесить Денисову лапшу на уши. Закон ни в одном случае не делал человека ответственным за преступление, которое он не совершал. Сальков это отлично знал.

«Оружие становится дефицитом, — подумал Денисов. — Есть люди, готовые из-за него на преступление. Сальков думал заработать большие деньги...» Человек, звонивший с перрона, не обманул: рядом с трупом был пистолет, и Сальков его взял.

— В какой именно из мусоросборников ты его выбросил? — спросил Денисов.

— У багажника. Бросил и думать забыл... Как считаешь, будет мне за это что-нибудь?

— 201-й... — окликнул по рации дежурный. — Где находитесь?

— Третья платформа.

— Судебный медик позвонил. Выезжает к нам. Подходите. И поставьте в известность Королевского. Он с носильщиком. У контейнеров с отходами.

— Понял. — Денисов прыгнул с платформы, не обращая внимания на начавшийся дождь, повернул на вокзал.

Денисов знал о решении Королевского — допросить судмедэксперта. Такое бывало, если следователь признавал это необходимым и существенным, как в данном случае. Бахметьев решил этим воспользоваться — ещё раз посоветоваться с судебным медиком и, как водится, приглашал старшего опера: Бахметьев не работал в розыске и по разным причинам не мог стать первоклассным розыскником, у него был свой дар — ОБХСС. Оба понимали это.

Мусоросборники находились позади высокой каменной кладки, отделявшей заднюю часть двора. Их было несколько, доставленных сюда на случай досмотра и взятых под охрану. На каждом были проставлены мелом координаты места стоянки в ночь происшествия — «зал 2», «пл. 4», «багажное 1».

Королевского что-то задержало, контейнеры ещё не были осмотрены. Сальков, понятые и двое сотрудников милиции - когда Денисов подошёл — стояли плотно сбитой группой. Носильщик повторял для понятых:

— Вижу: человек лежит! Думаю, может, обморок? Упал - виском об асфальт... Долго ли? — С каждым повтором объяснение Салькова выглядело более убедительным. К суду могло и вовсе обкататься.

— А мне и ни к чему про выстрел. Упал и упал! Кровь под ним? А у меня аллергия на кровь. Как вижу — сразу отключаюсь...

Он стоял спиной к Денисову.

— Дальше, — сказал Королевский.

— Думал, зажигалка! Или пистолет стартовый... Ну и взял посмотреть.

— Ну, потом-то понял, что оружие, не зажигалка? — спросил один из понятых — дружинник вагонного депо, — суровый, с большим животом. Сальков угрюмо взглянул на него:

— Потом — другое дело. А сразу-то? Поднял и по платформе, к вокзалу... — Сальков защищал своё право на ложь во спасение. — Вижу, оперативник дежурит. К нему. — Дальше пошло гладко. — «Скорую» вызвали. Стали спасать. Не я - он бы до камышинского на платформе лежал, до четырёх утра! Конец пути — глухой, ходят мало! — Сальков не прочь был поставить случившееся себе в заслугу.

— Почему ж пистолет не сдали? — Понятой не успокоился.

— Я ж говорю: думал, зажигалка! Бывает? С тобой вроде ничего такое не случается.

— Такое? — сказал вагонник. — Никогда!

Второй понятой молчал.

— Как лежал пострадавший? — Королевский взглянул на часы. Он понимал, что опаздывает.

— Даже не заметил. — Со следователем Сальков говорил униженно-подобострастно. — Схватил игрушку эту и бегом по платформе.

— Бегом?

— Ну, пишите: «Быстро пошёл».

— Дальше.

— Засомневался: «Зачем мне?» Надо бы, конечно, на место положить! А я сунул в мусоросборник у багажного отделения при входе... И всё тут!

Королевский заметил Денисова, показал на часы. Сальков тоже увидел старшего опера; Денисову показалось — он снова покраснел. Светлый пушок на щёках выделился сильнее.

— Я только ведь потом сообразил, что из этой штуки он себя... — Сальков поискал слово. — Шпокнул!

«К слову «убить» десятки синонимов, — подумал Денисов. — «Лишить жизни», «умертвить», «ликвидировать», «прикончить», «убрать». Теперь вот и «шпокнуть»... У «жить» — совсем мало: «быть», «существовать».

— Куда положили пистолет? — уточнил Королевский. — В середину контейнера? Сбоку?

— Сбоку.

— Вопросы есть? — Это относилось к понятным.

— За пистолетом приезжал? — спросил второй понятой, все это время он молчал.

— Там записано. — Сальков махнул рукой. — Я все сказал, кому следовало. Приезжал. — Держался он уверенно.

«Вряд ли Сальков знает, что контейнер здесь, перед ним, — подумал Денисов. — Считает, что ему предложат только воспроизвести свои действия при понятых. Маршрут движения, проход с платформы к багажке».

— И что? — спросил понятой. — Пистолета не оказалось?

— Контейнера не оказалось, — мягче объяснил Сальков. — Все контейнеры вывезли!

Королевский достал из «дипломата» чистый бланк, вмешался:

— Контейнеры здесь.

Салькову показалось: он ослышался.

— А с багажки?!

— Перед вами.

Сообщение явилось полной неожиданностью.

«На совещании в сауне этого не учли», — подумал Денисов.

— Покажите понятным, в какой части контейнера должен находиться пистолет, — предложил Королевский.

Контейнер, доставленный от входа в багажное отделение, был полон гнилыми овощами, отходами текстиля.

Сальков выглядел расстроенным.

— Вроде здесь. — Он провёл вдоль передней стенки мусоросборника.

— Глубоко?

— Ближе кверху.

Королевский подал знак, один из инспекторов в рабочей робе, стоявший на соседнем контейнере, поддел лопатой рыхлую массу.

— Проверить металлоискателем...

Денисов оглянулся. От угла за ними наблюдала группа носильщиков, Денисов увидел бригадира Салькова — Романа, специально приехавшего на вокзал.

«Татьяна оповестила», — подумал Денисов о жене Салькова.

Малословный, с невыразительным плоским лицом, не лишённым, однако, магнетизма, Роман был фигурой загадочной — с носильщиков спрашивал строго за малейшую провинность, если требовалось, первым бросался на выручку постовым и оперативным уполномоченным. Бригадира за помощь благодарили и все же не доверяли: со своими подчинёнными он был жесток, говорили, что обложил их бессовестными поборами, про которые ни он, ни носильщики нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминали.

Роман внимательно наблюдал за всем, что происходит. Денисов поймал на себе тяжёлый, пристальный взгляд, бригадир явно выделял его.

«Пистолет найден не будет...» — подумал Денисов.

Содержимое мусоросборника ложилось на асфальт. Младший инспектор освободил большую часть контейнера, второй — в резиновых перчатках — проверял.

Пистолета не было.

Сальков нервничал:

— Может, кто следил в ту ночь за мной? Взял? Может, контейнер спутали?

Из дежурки доставили металлоискатель. Другой младший инспектор, он же оператор, занялся штангами — их следовало соединить с упором.

Денисов отошёл в сторону, по рации вызвал дежурного:

— Разущи Кравцова. Пусть посмотрит за бригадиром носильщиков. За Романом...

Металлоискатель заработал, оператор поправил наушники, поднёс к поисковому устройству трёхкопеечную монету — проверил звук.

«Если пистолета в контейнере не окажется, — подумал Денисов, — будет сложнее: Салькову придётся опознавать оружие по фотографиям. Это менее точно».

Когда Денисов снова оглянулся, бригадира носильщиков поблизости уже не было.

Опознание оружия производили в кабинете Бахметьева. За окном, в зале для транзитных пассажиров, внизу, было шумно. С высоты антресоли казалось, там, внизу, не затихая, как всегда, круглые сутки льёт дождь, бьют фонтаны.

— Не то, не то... — Сальков быстро листал альбом. — Не то...

С тяжёлых, из мелованной бумаги, листов смотрели фотографии пистолетов разных годов, стран, моделей. Денисову они напоминали породистых собак.

«Овчарки, спаниели, эрдели...» Длинный итальянский «глизенти» вызывал в памяти русскую борзую, жилетно-карманные американские и бельгийские модели смахивали на короткошерстных терьеров.

— Не ошибаетесь? — спросил Бахметьев. Вместе с судебно-медицинским экспертом он вошёл в кабинет, где Королевский в присутствии понятых проводил опознание.

— Зачем? Совсем небольшой такой... — Найдя спасительные формулировки, носильщик стал значительно спокойнее. — Я думал, зажигалка! Или игрушечный, стартовый!

— Куда же он делся?

— Из контейнера? Ума не приложу!

— Кто-нибудь видел, как вы бросили туда оружие?

— Это запросто!

Денисов перешёл к окну, выходящему в зал. В проходе между креслами не прекращалось движение людей. Усиленный эхом фон нёс звуки беспокойного вокзального бытия.

Он не сомневался в том, что носильщик вначале действительно припрятал пистолет в мусоросборник, а потом вернулся и взял.

«Сейчас пистолет может находиться как угодно далеко, в зависимости от того, кому Сальков или Роман решились его продать...»

Тем временем суждения Салькова о пистолете становились постепенно менее категоричными, он листал альбом не так быстро, порывался вернуться к началу. Королевский нарезал полоски бумаги, носильщик прибёг к закладкам, их набралось не менее десятка.

— Похож на эти. Больше ничего не могу сказать. — Сальков показал на страницы, отмеченные закладками.

Следователь принялся за протокол.

— «Алькартасуна», «менц», «пума», «беретта», «алькартасуна» типа «руби», «сулайка» модели 1914 года... — повторял он для понятых. — «Себра», «ретоласа» модели 1914 года, «вальман», «изарра»...

Пистолеты, опознанные Сальковым, были похожи друг на друга, с вертикальными дульными срезами, и все, кроме «менца» второй модели, германского производства, оказались испанскими.

— Смущает то, что почти в каждом из этих имеется выступ отражателя, — констатировал Королевский, когда Салькова увели и сотрудники остались одни, — а на гильзе след выступления отсутствует!

Денисов нашёл в блокноте таблицу:

— «Беретта», «пума», «вальман» модели 1914 года... Все без выступления отражателя!

Бахметьев нажал на тумблер прямой связи с дежурным, подвинул ближе протокол опознания, продиктовал марки пистолетов:

— Срочно объявить в розыск...

Через несколько минут телекс с описанием трёх из опознанных Сальковым марок оружия должен был попасть в каждое из почти двухсот отделений московской милиции.

— Перед экспертизой поставлено свыше двадцати вопросов, — судмедэксперт огладил бороду, живые, навывкате, глаза блеснули. Человек он был, безусловно, талантливый, своеобразный. Все, в том числе и этот разговор, и свою серьёзную, на грани трагического работу, воспринимал как умную интересную игру. — «Какие повреждения на теле трупа?», «Если это огнестрельное ранение, то с какого расстояния произведён выстрел?»

Он предпочёл назвать большинство из поставленных Королевским вопросов.

— «Имеются ли на теле трупа признаки, свидетельствующие о борьбе или самообороне?», «Где находится входная, а где выходная рана?»

Отличить входное отверстие от выходного подчас было трудно: у того и у другого имелся дефект ткани, на языке специалистов, «минус ткань», и только крохотный след пули — «поясок обтирания» — присутствовал, как правило, на входном.

Он перечислял и перечислял. Экспертиза огнестрельной раны являлась одной из сложных.

— Итог... — он сделал паузу. — Входное отверстие на передней поверхности грудной клетки. Слева, здесь поясок обтирания и минус ткань.

— Слева, — повторил Бахметьев.

— Примерно в области пятого межреберья имеется входная огнестрельная рана, а на спине слева, ниже лопатки, выходная. Выстрел в грудь. Это точно. Признаков, свидетельствующих о борьбе или самообороне, нет...

Так же чётко он ответил и на другие вопросы.

— Направление пулевого канала? — спросил следователь.

— Спереди назад, сверху вниз.

— Сердце?

— Повреждение стенок. Кроме того, тканей левого лёгкого. В плевральной около двух тысяч миллиграммов жидкой крови.

— Что можно сказать о дистанции?

— Выстрел произведён с расстояния нескольких сантиметров. Исследования подтвердили, — дальше все было знакомым понаслышке.

— Пробы Владимирского-Эйдлина. Насчёт копоти — контактно-диффузионный...

В заключение — уже по собственной инициативе — эксперт процитировал:

— «Ежели кто себя сам убьёт, то подлежит тело его палачу в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам и обозу».

— По стилю это напоминало документ Петровской эпохи. Так и оказалось. — «Устав 1716 года. Артикул 164».

Денисов взглянул в зал для транзитных пассажиров внизу. При свете, проникавшем сквозь застеклённую по самую крышу стену, при выключенных светильниках в дурную погоду там становилось удивительно пасмурно.

«Цвет дождя, цвет оружия...» — подумал он.

Сбоку, недалеко от касс, виднелась группа носильщиков. Они взволнованно что-то обсуждали. Догадаться о причине возбуждения было нетрудно.

Салькова оставили в дежурной части на три положенных для разбирательства часа. На заднем дворе, в целях устранения возможной ошибки, полным ходом шла проверка остальных мусоросборников. В зависимости от результатов Королевский должен был отпустить Салькова либо задержать.

«Пистолет в последнюю минуту появится, — подумал Денисов. — Потому Роман и приезжал».

Кравцова в зале он не увидел.

— В порядке ли вещей то, что самоубийца не оставил ни одного документа, указывающего на свою личность? — Королевский сформулировал вопрос, хотя и не собирался записывать его в протокол. Вопрос был вне компетенции эксперта. — Не говорю уже о предсмертной записке!

Медик пожал плечами:

— Ничего необычного. И в целом — тоже. Самоубийцы, правда, чаще стреляют в висок. Реже — в рот. Но и в сердце случается. О времени происшествия... — Он подумал. — Ночью происходит меньшее число самоубийств, чем днём или вечером. Но и это бывает. То же относительно предсмертной записки и документов.

— Ничего не известно, — следователь вздохнул. — Чем жил последние дни перед гибелью? Что привело к кризису? И второй день дождь... — Королевский смешал вместе обстоятельства уголовного дела и погоду.

Эксперт процитировал по памяти:

— «Несчастливая любовь всегда была в человечестве, но только в последнее время... — Это из книги «О самоубийстве» Невзорова, первая типография императорского университета, Казань, — вошло в моду лишать себя жизни от «безнадёжной любви»...» — У него была блестящая память. - «Любовь, ревность... — пишет автор. — Все излечимо. Большое значение при лечении ревности, — считает Дескюре, - имеют климатические условия, прогулки». Из напитков в этот период предписываются обыкновенная вода, хороши минеральные ванны...

Дело о неопознанном трупе после установления причин смерти как бы прекращало для него существовать, целиком переходя к следователю и оперуполномоченному. Освобождаясь, медик мог позволить себе не спешить. В его работе судебно-медицинского эксперта так тоже бывало нечасто.

— Пища для человека, который хочет излечиться от ревности, должна быть легко перевариваема. Рекомендуется не злоупотреблять физическими упражнениями, воздерживаться от употребления слабительных. И вообще, писал Фере: «От любви сходит с ума только тот, кто уже до этого был болен душевно...»

Денисов по рации разыскал Кравцова:

— Чем он в данный момент занимается?

— Роман? Ходил к телефону-автомату за вокзал. Телефоном в приёмной начальника смены не воспользовался.

— Один?

— Ходил? Да. Проверяется, не смотрят ли за ним. Звонил двум абонентам. Говорил коротко. Мне показалось, что одного из них дома не оказалось, он послал второго его искать. Принимает какие-то чрезвычайные меры. Может, боится, что Сальков расколется?

— Всё?

— Да.

«Последствия принимаемых мер, — подумал Денисов, кладя трубку, — по-видимому, не замедлят сказаться».

Он снова не ошибся. Прошло меньше часа, и дежурный позвонил в кабинет.

— Удача, Денис! Пистолет нашёлся. Сейчас сообщили. Из отдела охраны метро.

XI. «ПЕРСТ СУДЬБЫ...»

Сотрудники охраны метро, передавшие ориентировку, ждали внизу, на платформе: капитан в милицейской форме и оперуполномоченный — спортивного вида, в кроссовках, в двухцветной импортной куртке.

На скамье, окольцевавшей широкую, в мраморных плитах колонну, стояла матерчатая сумка. Выцветшие рисунки её копировали Периодическую таблицу.

— Так всё и было, когда мы приехали, — объяснил капитан. Оперуполномоченный охраны метро констатировал:

— Повезло вам с оружием. В чьи руки оно могло попасть и что с ним могли натворить...

— Кто обнаружил? — спросил Денисов у капитана.

— Дежурная по станции. Вот она идёт.

В красном форменном котелке женщина поздоровалась.

— Пассажиры уехали, а сумка стоит! Чувствую: не то...

— По-вашему, сумка долго простояла?

— Минуты три. Максимум четыре. — Женщина выглядела решительной. — Предыдущий поезд отправлялся — её ещё не было.

— Пассажиры стояли у этой скамьи?

— Кто-то был. — Она зажмурилась, мысленно восстанавливая картину. — Не помню.

Денисов подумал:

«Человек, оставивший сумку, может, и сейчас на платформе...» Всегда становилось слегка не по себе, когда оказывалось, что преступник, которого ты разыскиваешь, и ты почти в одно и то же время находились в одном помещении, на одной улице, могли встретиться глазами, случайно коснуться одежды другого.

— Вызвала уборщицу, чтобы вместе посмотреть. Чтоб без претензий. Стали смотреть. Газеты. А в них это... — Она не назвала предмет ни пистолетом, ни оружием.

Подошедшая к разговору старуха в чёрном халате вздохнула:

— Ну, молодёжь! — Она тоже ничего не видела, привычно грешила на молодых.

— Содержимое мы описали коротко. — Милицейский капитан спешил. — Следователю все равно осматривать...

— Старые газеты эксперт пусть проверит, — посоветовал оперуполномоченный, — может, следы пальцев!

— Не нужны? — за себя и уборщицу спросила дежурная. Из туннеля донёсся грохот очередного поезда.

— Нет. — Денисов отпустил обеих.

Эскалатором поднялись в вестибюль. Сумку нёс капитан, она ещё числилась за отделом охраны. В комнате милиции капитан по списку передал Денисову содержимое:

— Газеты «Вечерняя Москва» от 26 и 30 августа, газета «Гудок» от 13 июля, «Водный транспорт» от 11 августа. Пистолет иномарки «пума» — один, магазин — один.

— Отпечатки пальцев смотрели?

— Всё блестит. Вытерто. Симпатичная игрушка.

Денисов не поддержал.

«Сколько жизней она унесла? Сколько из неё стреляли? В кого?» Даже при поверхностном взгляде бросались в глаза незатейливость и целесообразная простота конструкции, в первоизданном виде сохранившаяся только, может, ещё в крысоловке.

Он проверил марку: «пума»...

У Салькова был острый глаз — пистолет действительно оказался одним из опознанных им и к тому же испанского производства — воронёный, с прицельной прорезью, со множеством разбежавшихся по кожуху-затвору мелких латинских букв. Денисов разобрал ещё три слова: «Fabrique», очевидно, «фабрика», «d'Armes» — «армия?» — и «Guerre», «Военное?» «Война?» — Пистолет мало походил на стартовый, тем более на зажигалку. Денисов взвесил его на руке. — «Граммов девятьсот. Примерно 15x15 сантиметров...»

— Магазин пуст... — Получив расписку, капитан сразу распрощался, оперуполномоченный вышел его проводить.

Денисов набрал номер дежурного.

— Пистолет у меня. Действительно «пума». Пусть эксперт никуда не уезжает. Начальник у себя?

— Только вернулся из управления, с Лесонарядской. - Управление размещалось в двух зданиях, в разных местах. Постоянно приходилось уточнять: «с Лесонарядской» — означало «от руководства» с вытекающими из этого последствиями.

— Что-нибудь произошло?

— Новости у нас. — Дежурный был доволен: все успехи, что выпадали на период смены («Вот и «пума» тоже...»), шли в актив руководимой им дежурной части. Впрочем, и неудачи — бывал ли дежурный виноват или нет — также списывались на него. — Портфель доставили!

— Погибшего?

— Да. Водитель «аннушки», — имелся в виду трамвай, делавший круг недалеко от вокзала, — подобрал, сдал на склад. Кто-то забыл или бросил.

— На кругу?

— У забора, рядом со стройкой.

— В ту же ночь?

— Подобрал? Да. Но значительно позже. Отвёз в трамвайное депо, оставил. А сегодня пришёл с выходного, сдал. Нам позвонили.

— «Всё встает на круги своя...» — Королевский привёл цитату не точно, но многовековая мудрость от этого не пострадала. — Вот и пистолет возвратился.

Следователь что-то писал в кабинете Бахметьева, начальника отдела не было.

Портфель лежал тут же, на приставном столике, изношенный и старый, каким Денисов себе его и представлял, однако ветхость и обветшалость имеют тысячи лиц, и портфель был иным, чем ему рисовался. Ручка — никто из свидетелей об этом не говорил — была

обёрнута изоляционной лентой, латунные замки выглядели бурыми от времени и осадков. Рядом, на газете, лежала неновая в крупную клетку сорочка, несколько шариковых ручек, два соединённых на брелоке ключа.

Денисов потрогал сорочку — она была влажной.

— Обнаружена не в портфеле?

— Рядом. Портфель, похоже, перевернули и вытряхнули содержимое. Всей душой надеюсь, что это сделали там же, у забора.

— Наши пошли туда?

— Кравцов, Ниязов. Человек пять. Скоро должны вернуться.

— Можно? — Денисов открыл портфель.

Внутренняя подкладка была чистой, хотя и изрядно подпорченной. Денисов попытался определить этимологию пятен, почти все были явно чернильного происхождения.

— Стерженьки с пастой нам вряд ли поведают о многом. — Следователь снял колпачок с одной из ручек, провёл шариком по газете. Шарик оказался зелёным. — Такие продаются везде, в том числе и у нас на вокзале.

— Зелёный. — Денисов кивнул на стержень. — Возможно, этим он написал для Захаровой телефон Сазоновых...

— И в самом деле.

Денисов подумал о погибшем:

«Много писал, а что сделал с написанным? Отослал? Выкинул? Может, тоже находилось в портфеле?»

Королевский отодвинул протокол, поднялся, сделал несколько шагов вокруг стола:

— Когда подбросили пистолет, Сальков находился у нас. У него алиби. Мне бы очень не хотелось, чтобы он снова, как в истории с почтовиками-грабителями, вышел сухим из воды...

— Это бригадир. Роман... — Денисов тоже поднялся.

— Скорее всего, оружие было уже продано, и Роман дал задний ход... — Следователь осторожно прикоснулся к пистолету. — И всё равно: если бы на рукоятке остались следы пальцев Салькова, носильщик мог сказать, что они от того времени, когда он бросил оружие в мусоросборник. Ничего не докажем. А коль скоро они удалены, он опять ни при чем: это мог сделать тот, кто подбросил «пуму»...

«Следы на газетах, — подумал Денисов, — они-то обязательно принадлежат тому, у кого находился пистолет».

Все три газеты — «Вечерняя Москва», «Гудок» и «Водный транспорт» — лежали теперь упакованные отдельно: ими надлежало заняться эксперту.

«Кто покупает одновременно и «Водный транспорт», и «Гудок»?... — подумал Денисов. — С одной стороны, моряк, с другой — железнодорожник. Чаще не моряк и не транспортник, а тот, кому долго ехать в электричке, кто проходит мимо киоска «Союзпечати»... — Денисов часто видел их на платформе в Видном, набирающих с десятков газет. — Возможно, Роман. Он как раз ездит на работу из Подольска...»

— Сначала пистолет возвратился, — подытожил Королевский, садясь, — потом и портфель.

Денисов взглянул на часы:

— Пока их нет, спущусь в дежурку. Взгляну на ориентировки.

Сводки по городу редко содержали ответы на то, что тебя интересовало в данную минуту. Но, как все оперативники, Денисов допускал такую возможность, при каждом удобном случае просматривал свежие ориентировки управления МУРа.

Бумаги, прибывшие за день, не составляли исключения - всё в них адресовалось другим. Пользуясь затишьем, райуправления дублировали ориентировки о нераскрытых тяжких прошлых лет:

«Убийство пожилых супругов в Чертанове...»

«Наезд...»

«...на месте возгорания снова «залипшая» кнопка звонка Арзамасского завода, изготовленная с нарушением ГОСТа...»

Денисов просматривал телексы, когда в коридоре раздались голоса. Кравцов и Ниязов ещё с двумя оперативными уполномоченными прошли наверх. Под мышкой у Кравцова виднелся завернутый в газету свёрток.

Денисов догнал их у кабинета Бахметьева, они вошли все вместе. Начальник был у себя.

— Подожди, — сказал он Кравцову, намеревавшемуся развязать свёрток. Нажал на тумблер прямой связи с дежурным. — Эксперта ко мне. На вокзале? Объяви по радио. Мы подождём.

Свертков было два. В первом оказались предметы различного происхождения и ценности: обложка от записной книжки «Спутник москвича», шнур электробритвы, с полдюжины окурков, стерженьки шариковых ручек, зубная щётка с длинной зелёной ручкой, совсем новая.

— Улов богатый, — прокомментировал эксперт, краснощёкий, басистый, с резиновыми перчатками в руках. В отличие от коллег, он был в белом халате поверх формы, «технарь». — Всё? — Даже когда он старался говорить тихо, голос его наполнял помещение. — Я чувствую, Кравцов, ты все кусты обшарил. А заодно и стройку.

— Здесь ещё есть. — Кравцов показал второй свёрток.

Под газетой оказался небольшой, чуть выше футляра электробритвы, покрытый когда-то краской, а теперь облезлый металлический станок. Денисов узнал портативную пишущую машинку.

— Допотопный экземпляр, — комментировал Ниязов.

— Похоже на «Корону», я как-то видел в справочнике... Разрешите? — Гонор его слегка поутих. Эксперт поискал глазами бумагу, Королевский достал из папки. — Благодарю.

Он надел перчатки, вставил страницу, сильно, одним пальцем, начал стучать:

«Старший эксперт-криминалист ЭКО Московского управления внутренних дел на железнодорожном транспорте...»

Буквы жирно ложились на бумагу, шрифт был чёткий, крупнее обычного, его недавно сменили. Лента тоже была новой.

— Любопытно. Может, пальчики сохранились... — Эксперт осторожно поместил её в целлофановый пакет.

— В портфель войдёт? — спросил Бахметьев.

Эксперт положил пакет с машинкой в портфель, щёлкнул замками.

— Снаружи и не догадаешься.

— Где она была? — спросил Бахметьев у Кравцова. — Там же, у забора?

— По другую сторону.

— На стройке? Далеко от места, где стоял портфель?

— По прямой метров пятнадцать. При желании могли вытащить из портфеля и забросить.

— Есть смысл сравнить состав пятен внутри портфеля с окрашивающим составом ленты пишущей машинки... — сказал эксперт.

Следователь согласился:

— Дело!...

«У Сазоновых он писал на стопке бумаги. Даже не на листе! — подумал Денисов. — А у женщины, приехавшей в прокуратуру, поинтересовался, что она пишет, «"Не стихи?"»

Он снова представил себе погибшего:

«Угловатый, скованный, в новом, с «нераспечатанными» карманами костюме. А сам-то он что писал? Не стихи?»

Денисов подсел к столу, показал на телефон:

— Могу?

Бахметьев кивнул головой.

— А если сам погибший? — Эксперт воспользовался паузой, глаза его блеснули. — Может, так и расстаются с жизнью, когда все прахом! Помните, у Киплинга: «Смотри, как уходим мы!» Все, что больше ни к чему, не греет — вон! Рубашку, электробритву. Машинку! Бог знает какие надежды он связывал с ней. Размахнулся и за забор... — Дока в своей области, он был удивительно несведущ в остальном, что касалось раскрытия преступлений. Однако в одном мысли его и Денисова оказались близки. — Может, какой-нибудь рифмоплет? Или, как говорят, графоман?!

Денисов набрал номер.

— Алле! — Трубку сняла Елена Дмитриевна Сазонова. — Здравствуйте. Кто это говорит?

Денисов назвал себя.

— Как хорошо! Я ведь, знаете, вам звонила. Зоя Федоровна, моя домработница, такая гулёна оказалась! Решила сегодня не возвращаться. Только завтра. К вечеру... Красиво жить не запретишь! Я как-то иду мимо школы... — В кабинете молчали, голос Сазоновой был хорошо слышен. — Вижу: двое парней-девятиклассников дерутся в песочнице для малышей. Другого места не нашлось... Позвала их классную руководительницу: «Скажите вашим идиотам, пусть посмотрят, во что превратились их брюки...» Дома рассказала, так внук и говорит: «Напрасно, бабуля! Красиво жить не запретишь!»

— Хочу вас спросить, — Денисов воспользовался паузой. — Макулатура, которую я видел у вас в передней... Вы ещё не сдали её?

— Вас тоже интересует макулатура?

— Но только ваша. Там на одной из пачек сверху страница с машинописным текстом...

— Сейчас посмотрю.

Пока Денисов говорил, никто в кабинете не проронил ни слова. Денисов не отрывал взгляд от телефона.

— Есть. — Голос в трубке раздался снова. — Я думала, она снова вытащила работы Николая Алексеевича. Но тут другое. Какой-то роман! Не знаю, где она выцарапала, когда убирала квартиру.

— Я мог бы сейчас заехать к вам? Вместе с моим товарищем?

— Милости прошу! Николай Алексеевич на консультации. Терпеть не могу одиночества!

Страниц с машинописным текстом было около двадцати. Ненумерованные, они лежали поверх старых газет, папок, картона. Сазонова молча наблюдала за тем, как приехавший с Денисовым эксперт — в белом халате, в хирургических перчатках — извлёк их из пачки.

— Вы медик? — поинтересовалась она. — У нас друг — очень милый молодой человек, зубной техник. Вы оч-чень с ним похожи. И говорит он так же громко.

Денисов припомнил словцо, каким она характеризовала себя при первом знакомстве — «языкатая». Её выработанная с годами манера общения свидетельствовала о своеобразном чувстве юмора.

— Я криминалист. — Эксперт не обратил внимания на реплику. — Мне понадобится кусочек стола.

— Пройдёте в комнаты?

— Лучше на кухне.

Он достал обнаруженную за забором, на стройке, пишущую машинку, вставил в каретку чистый лист, Денисов положил перед ним изъятую страницу с машинописным текстом. На нем был напечатан эпиграф, эксперт скопировал его:

«Тут лежит перо Жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его...»

Эксперт выдернул лист, положил рядом с рукописью, помолчал, разглядывая строчки. Наконец он сказал:

— Расположение букв «о» и «т» относительно строки, «н» и «т» — относительно вертикали, «о» и «г»... Отпечатано на этой машинке. Заключение хоть сегодня. Возьму себе? — криминалист показал на рукопись.

— Вначале надо снять ксерокопию. — Денисов обернулся к Сазоновой. — Этот человек, что ночевал у вас...

— Вы так и не узнали, кто он?

— Нет. Не он забыл у вас эти страницы?

Она подумала:

— Давайте притянем к ответу Зою Федоровну. Сунуть в макулатуру! Однажды она уже пыталась проделать такое с научной работой Николая Алексеевича...

«Получается цепочка, — подумал Денисов, — погибший ночевал у Сазоновых, и в квартире обнаружена рукопись. А вблизи пустыря, где выброшен портфель погибшего, найдена пишущая машинка, на которой она отпечатана...»

Эксперт тем временем читал вслух отдельные фразы, казавшиеся ему наиболее важными.

— «...Почему не окликнул, когда я входила в подъезд? Я не тот человек, Ланц!» Его зовут Ланц! «И представляешь: площадь Вогезов, остров Сите с прямоугольными башнями и острым шпилем собора Нотр-Дам, а оттуда переносишься за тобой к останкам храмов Аполлона в Коринфе и Дельфах...»

Он поднял глаза на Денисова:

— А она жила в Париже, ездила в Грецию! И ему рассказывала. Во Франции, в Греции был не каждый... — На секунду возникла иллюзия горячего следа, по которому можно было незамедлительно двинуться. — Тут ещё! «...Гряды за грядой, как стадо наполовину остриженных овец, горы бежали к Тодже!» Это Тува! Тут ответы на все вопросы!... «Перст судьбы — он племянник!» Помяни моё слово: ещё сегодня ты улетишь в Туву, в командировку, хотя я и не представляю, с чего ты там начнёшь...

Денисов читал:

«Отчий дом! Как жить, если не оценил любовь, верность, словно сами по себе они — невесты что, ничего не стоят! Неужели сойдёт с рук? Не будем наказаны? Страшная мысль: вдруг вещи, и предметы, и части моего тела, покорные с детства, выйдут из повиновения?! Рука с ножницами пролетит мимо страницы, ударит в глаз, в лицо? Или в метро ноги вынесут вдруг на середину платформы перед поездом, а крик разрежет пустоту туннеля!»

С рукописи сняли несколько копий. Королевский через Союз писателей связался с литературным консультантом - ему в спешном порядке отправили экземпляр для чтения. Бахметьев звонил в Кызыл, в министерство автономной республики.

«"Здорово распутываешь петли", — признает Анастасия, глядя, как я управляюсь со шпагатом. «В самом деле?» Умение развязывать петли — предмет моей гордости. Но дело не только в этом. Я уважаю людей, которые могут освободить бечеву от узлов, знаю механизм обретения мастерства. Моё детство прошло в детском саду, где в основном были дети работников горкомхоза...»

«Ещё деталь, — подумал Денисов. — Специальная? Психологическая. Поможет его понять, но пока абсолютно бесполезная...»

«...Оставаясь на неделю в детском саду, дети сами затягивали петли на ботинках и сами их распутывали. Поэтому до сих пор я чудесно развязываю любые узлы, а шнурки у меня постоянно разъединены...»

В отличие от оптимиста эксперта, Денисов не знал, как ко всему этому подступиться; писавшего, казалось, не интересовало ничего, кроме его самого и его любви.

Он повторял:

«Моя прелесть, моя боль! Не ищи в этих строках ни жалоб, ни оправданий! Как прекрасно любить тебя!...»

Денисов вышел за платформу. С началом дневного перерыва пассажиров заметно поубавилось.

Вид пустого вокзального пирса разнообразило несколько урн, мачта с динамиком, каплеобразные светильники, прикрепленные к подвескам сверху.

Ближе к вокзалу темнели два товарных вагона, превращенных в камеру хранения, — на обоих висели замки, ещё два вагона были почтовые, их выгрузили ночью.

До отправления первого — после «окна» — электропоезда оставалось больше часа. Накрапывал дождь.

«Сообщивший о пистолете... — Денисов направился вдоль поезда, — наблюдал все из состава, стоявшего в ту ночь на этом пути».

— Электричке этой ещё ждать и ждать! — окликнул Денисова постовой у табло. Он был экипирован по-осеннему — в плаще, в бриджах и сапогах. — До конца перерыва!

— Я знаю.

Он прошёл по составу. Пассажиров было мало, сидели на расстоянии друг от друга; в пустых вагонах всегда садились свободно.

«Многое непонятно... — Денисов поглядывал на окна. — То, как складывались для погибшего последние часы, да и дни, которые он провёл в Москве. Все вечера пробыл на вокзале — у «места встреч». Ждал? — Сидевшие в вагонах по обычаю поднимали головы, осматривая входившего, но уже через секунду-другую теряли интерес — вошедший становился своим и так же с любопытством наблюдал за входящими следом; Денисов умел не привлекать внимание — надо было только ни с кем не встречаться глазами. — Ланц ждал её, а она не приехала?»

Из окон виднелись мокрые платформы, простирившиеся до самого элеватора. Схема занятых и свободных путей в точности повторяла ночную на момент обнаружения трупа.

«Пустые платформы, свободный обзор...»

Денисов прошёл в четвёртый вагон, окна его выходили к месту происшествия.

«Всё как на ладони... — Через две платформы видны были даже грязноватые разводы на урне, недалеко от которой была подобрана одинокая гильза. — Кто-то видел, как носильщик нагнулся над лежавшим, поднял что-то, положил в карман. Наблюдавший заинтересовался, пошёл вдоль состава, не упуская Салькова из вида — времени до отправления оставалось много... Убедился: передал ли носильщик взятое им сотруднику милиции или же оставил себе... Сальков предпочёл оставить».

Денисов вышел на платформу. Сразу у вагона его по радиации нашёл дежурный — возможно, как раз в этот момент взглянул на экран монитора:

— Двести первый, возвращайтесь...

Королевский разыскивал его с помощью дежурного, чтобы ехать к литконсультанту Союза писателей — тот успел, видимо, прочитать рукопись; Бахметьев тем временем должен был лично — через министерство автономной республики — проверить возможность «тувинского варианта». Так или иначе, предстояло лететь, на месте принимать решение...

— Двести первый!...

— Вас понял, возвращаюсь.

Денисов ещё постоял у одного из установленных прямо на перроне аппарата прямой связи «пассажир — милиция».

«Только одного наблюдавший за Сальковым разглядеть не мог — что носильщик поднял с платформы... Увидеть в темноте пистолет с этого расстояния невозможно...»

— Привет, командир, — с обогнавшего электрокара поздоровались. — Может, отоварить? — Это была дежурная шутка. К вагону-ресторану доставляли заправку — сетки мытого картофеля, молочную кухню, особняком — завёрнутая в целлофан — лежала тяжёлая коровья нога.

— Спасибо. Отоварили.

Он не позволил себе сбиться с мысли: «Выходит, позвонивший в милицию наблюдал не за Сальковым — за погибшим... Чтобы знать о пистолете, надо было видеть всё происходившее. Целиком. Почему же он сообщил только об оружии? Не о вещах? Не о выстреле?»
Надо было возвращаться.

«Ему важно было, чтобы мы нашли пистолет. Через оружие нам он подсовывал версию о самоубийстве... Ложную? Может, и истинную... — Он вдруг вспомнил. В повестях, приводивших Лину в неопишуемый восторг, после убийства, но ещё до приезда сотрудников розыска, к трупу обязательно кто-то подходил — не убийца! — потом его долго подозревали, но что-то, как правило, мешало ему признаться. — Портфель унёс... — Денисов перескочил через промежуточные посылки и выводы. — На стройку. Вытряс. Надеялся что-то найти? Например, первый экземпляр рукописи? Или другие записи, которые его компрометировали...»

— Двести первый... — дежурный снова включился. — Готовьте рапорт на командировку. Бахметьев подпишет. Это чтобы сразу от литконсультанта ехать в управление... Пункт назначения проставите потом.

— Вас понял.

— Что-нибудь есть ко мне?

— Согласуйте насчёт оружия, дело может оказаться серьёзным.

Теперь уже дежурный сказал:

— Вас понял.

Денисов мысленно вернулся к рукописи, вспомнил почему-то:

«И всё же ничего не страшно, если из интерната ты можешь вернуться в Отчий дом!»

XII. ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

— Документы!

— Сейчас... — Мужчина был массивнее и выше его ростом, несколько секунд, тяжело дыша, приходил в себя. Его мучила одышка. — Минуту... Один момент!

Он неожиданно рывком подобрал колено к лицу и с поворотом стопы сильно выбросил ногу в сторону. Ботинок просквозил в нескольких миллиметрах от денисовского подбородка.

Здесь не шутили.

Второй приём провести не удалось. Денисов ударил его в живот, под солнечное сплетение. Рука пошла рычагом, закреплённая в плечевом и локтевом суставах, Денисову удалось вложить в неё весь вес.

Отскочив, он выхватил пистолет.

— Сюда, к дереву! Быстро! Иначе буду стрелять! Патрон в патроннике!

Это было пресловутое дерево с объявлениями, служившее источником всевозможной курортной информации.

— Руки на дерево!

Задержанный положил руки на особо толстую стволину.

— Ноги как можно дальше! Ещё!

Каратист отступил на полшага.

— Ещё дальше!

Денисов заставил задержанного вытянуться по диагонали, переложил пистолет в левую руку, нагнулся, правой провёл по его одежде. В куртке лежали сигареты и спички. Денисов не стал их брать.

Поза каратиста не позволяла оказать сопротивления — отними он на секунду руку от опоры, оказался бы сразу на земле. Кроме того, Денисов в любую минуту мог ещё дальше ногой сдвинуть его ступни. Результат был бы тот же.

Подумав, оперуполномоченный решил ещё больше обезопасить себя:

— Спокойно! — Он расстегнул на задержанном ремень, напрочь выдернул его из шлёвок.

Каратист сгруппировался, ждал, когда Денисов предложит ему выпрямиться.

Позволь это Денисов — неизвестно, как бы развивались дальше события.

Денисов сорвал ещё на поясе брюк задержанного единственную пуговицу. Брюки ослабли.

— Встань нормально!

Задержанный вернулся в вертикальное положение. До дежурки он принуждён был поддерживать руками штаны, чтобы не свалились.

«Подонки! Мог сделать меня инвалидом... — зло подумал Денисов. Он держал пистолет в левой руке, правая была свободна. — Врезать бы тебе, да положение не позволяет!»

— Фамилия! Имя-отчество! Быстро!

— Рогов Вячеслав Николаевич...

Денисову показалось, что он видел его раньше. Голос определённо был знаком.

— Прописан в Планерском?

— В Донецке.

«Ясно. Ездит из Москвы с нашего вокзала!...»

Центральная улица была пустой. В ночное время на трассе Феодосия — Судак движение замирало.

Мимо спящих на скамьях у автостанции туристов, мимо их огромных рюкзаков Денисов повёл задержанного вверх по улице к поселковому отделению.

Было тихо. У перекрёстка какой-то человек подошёл к ящику с мусором, поставил бутылку из-под шампанского.

— Спички найдутся? — сбоку, с аллеи, ведущей к музею планеризма, вынырнула женщина.

Денисов достал спички, она прикурила.

Рогов все это время смотрел куда-то в сторону, Денисов был настороже, не спускал с него глаз.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Денисов спрятал коробок. — Дорогу найдёте?

— Да. Здесь близко.

В дежурке никого, кроме дежурного и старшины — командира строевого отделения, — не было.

Увидев доставленного московским оперуполномоченным, дежурный отчего-то сразу насторожился.

— Документы есть? — Опрос он повёл нервно.

— Да нет...

Рогов, наоборот, приободрился.

— Откуда прибыли?

Чтобы успокоить дежурного, Денисов предпочёл не вмешиваться.

Рогов повторил то же, что и Денисову:

— Я из Донецка.

— Точный адрес...

Он назвал улицу, дом.

Теперь Денисов смог лучше его рассмотреть.

«...33 — 35 лет, 188 сантиметров, не менее 100 — 110 килограммов. Лицо обрюзгшее, утолщённое книзу... — Ему снова показалось, что он где-то видел его раньше. — Рыхлый, нездоровый цвет кожи. Широкий таз, сильные, накачанные ноги, — как выразилась горничная Дома творчества. В последнем он едва не убедился на себе. — Очки в металлической оправе. Куртка из плащевой ткани...»

— Работаю в районном совете добровольного спортивного общества «Наука»...

Он успел прийти в себя, держался с дежурным мягко, хотя и чуть снисходительно.

— Может, вы меня всё-таки отпустите, дежурный? Утром я приду.

— Позже решим. С какой целью вы приехали в Планерское? Давно?

— Несколько дней назад. Я в отпуске. Это ведь не возбраняется, правда?

— Откуда идёте?

— Гулял! Товарищ ваш... — Он, не глядя, показал на Денисова. — Подошёл... Вокруг ночь! Я принял его за другого. Вы извините... — Он развернулся к Денисову, снова, не глядя на него, пожал плечами. — Здесь простое недоразумение...

— Не могу я вас отпустить, — продолжал нервничать дежурный. — Местность паспортизована... Вы без документов...

— В Донецке у вас есть телефон? — спросил Денисов. — Можно было бы позвонить домой...

Рогов сделал вид, что раздумывает.

— Да нет! Не хотелось бы их тревожить...

— До утра придётся побыть у нас. — Дежурный развёл руками.

Рогов сказал мягко:

— Что ж! Недолго осталось! И всё-таки это безобразие, я считаю. А вам не кажется? Что у вас против меня?

«Безусловно, нам приходилось разговаривать. Но где? Неужели на вокзале?» — снова подумал Денисов.

Он подошёл к телефону, попробовал заказать Донецк.

— Кто будет говорить? — спросила телефонистка.

— Денисов.

Услышав фамилию, Рогов бросил быстрый взгляд в его сторону.

«Конечно же! Он знает мою фамилию...»

— Связь через час, — предупредила телефонистка. — Техническое окно на линии...

— А как Москву?

— Я же сказала: «техническое окно»!...

Денисов перешёл в кабинет начальника милиции. Набрал номер. Лымарь поднял трубку быстро — привык к ночным звонкам.

— ...Трудно что-нибудь доказать... — Лымарь внимательно выслушал. — Если бы какой-нибудь вещдок... Как бы не пришлось извиняться да отписываться!

Денисов пропустил реплику.

— Я думаю, он и в этот раз, как и в мае, приехал в Планерское на машине. Ключи, видно, успел выбросить...

— Если б найти машину!

— С этим просто. Она рядом с автокемпингом, у дороги. «Жигуль» 18-17. Надо быстро проверить.

— Я сам займусь.

— Сейчас главное — уцепиться! Машина вся грязная. Где-то под Мелитополем был ливень. Не следил ли он за покупателем, когда тот вёз деньги вдове?

Перед Домом творчества было по-ночному пустынно.

Грузовая, подрагивая бортами, прошла в сторону Судака, в кузове были люди — светлячки сигарет вспыхнули и тут же погасли. Навстречу с горы прошелестел ночной велосипедист.

У почты, на повороте, Денисов остановился.

Когда, топчя клумбы, он выбежал из ворот Дома творчества к почте, встреча с Роговым произошла именно здесь. И, следовательно, ключи от машины Рогов мог выбросить тоже здесь.

Денисов рассчитывал потратить на поиски несколько минут, может, до получаса, но ему повезло сразу — недалеко от дерева, рядом со скамейкой, он увидел брелок: миниатюрный череп — с ключами.

«Они...» — Денисов положил ключи в карман. Понятых не было, составлять протокол было не с кем.

Здесь же, рядом со скамейкой, валялся бесформенный чугунный отливоч — достаточно тяжёлый, непонятного назначения. Принадлежал ли он Рогову? Денисов на всякий случай прихватил и его, завернул в платок; под деревьями осталась ещё брючная пуговица — он предпочёл её не заметить.

«Вооружён и очень опасен...» — Думая о Рогове, Денисов использовал название известного фильма. Недаром все эти дни он проходил мимо киноафиш.

В кустах у Дома творчества свистели цикады. Денисов снова подошёл к почте. Из глубины посёлка доносились негромкие звуки: скрипнула калитка, в цементированный жёлоб на ближайшей водоразборной колонке ударила звонкая струя.

— Не помешал?

Денисов оглянулся. У междугородных автоматов стоял Мацей — в шортах, в сорочке, в шапочке. Похоже, всё лето он не знал другой одежды.

— А может, вы предпочитаете гулять в одиночку?

— Да нет.

— Пожалуйста, скажите. Не стесняйтесь.

«Неужели не догадывается, что я не тот, за кого себя выдаю? — Денисов смерил его взглядом. — И даже не делаю из этого особой тайны!»

— Я думал, вы работаете за столом... — Он перевёл разговор.

— Когда что-нибудь большое. — Мацей достал трубку. - Например, поэма.

— А стихотворение?

— Обычно приносишь готовое. С улицы, с пляжа. За столом только шлифуешь...

Мацей был одним из тех, кто разговаривал с художницей примерно за два часа до случившегося, поэтому Денисов спросил:

— Как прошёл вечер? Были на набережной? Мне показалось, море не очень спокойно!

— Штормит! И сильно... Мы сидели у знакомой. Сусанна Роша, художница. Может, слышали?

— Я читал о ней в районной газете: интересный человек...

— Удивительный! Особенно когда общаешься вот так... — Мацей отмерил чубуком расстояние, как на ринге в ближнем бою. — Когда перед тобой раскрывается человек большой души, необыкновенной судьбы... — Он раскурил трубку. Сладковатый запах смешался с запахом кипарисов.

Денисов воспользовался паузой.

— Мне сказали, что она продаёт дачу... Наверное, это огромные деньги! Кто же в состоянии купить? Разве какой-нибудь фарцовщик...

— Уже купили, мой друг. — Денисову показалось, что поэт чуточку играет, но, может, это объяснялось простой манерностью. — Точнее, купили ещё в мае, только широко не объявляли. Но для своих это был секрет Полишинеля — все обо всем знали.

— Кто же покупатель?

— По-моему, он делец. Фамилия вам ничего не скажет. Купил со всей обстановкой, с мебелью...

Денисов слушал внимательно.

— ...Кажется, даже с гобеленами, картинами. С коллекцией якорей, всего, что собрано на берегу. Там даже часть шлюпки с разбитого судна...

Поэт сообщил ещё:

— Посёлку будет грустно без неё. Да и литераторам! В посёлке о ней все трогательно заботились...

Он ни в чем не заподозрил Денисова.

Оперуполномоченный позволил себе быть менее осторожным:

— Дача понравилась мне. Я видел её с киловой горы. На одном из окон решётка. Художница, должно быть, хранит там картины...

— Решётка на окне? — Мацей удивился. — Впервые слышу.

— А на дверях новый звонок... Странно, что, собираясь уезжать, хозяева заменяют звонок!

— Я и не заметил, что он другой. Зато заметил, что, когда Сусанна читала волошинское «...судьбой и ветрами изваян профиль мой...», голос её задрожал. Она едва не заплакала.

Оперуполномоченный понял:

«Бесполезно расспрашивать поэта о миллионах вдовы...»

Он вспомнил Брэдбери — землянин и марсианин встретились на ночной пустынной дороге. «Куда вы едете?» — спросил землянин. «На праздник. Там, у канала. Прошлую ночь я провёл там». — Марсианин показал рукой, землянин взглянул и увидел руины: «Но город мёртв

много тысяч лет!» - «Мёртв? Я ночевал там вчера...» — Смотрите, колонны разбиты...» — «Разбиты? Я их отлично вижу в свете луны. Прямые, стройные...»

Так было и с нами.

— Начальник ещё не звонил, — объявил дежурный, когда Денисов вернулся. — Междугородная тоже молчит.

После составления протокола Рогова поместили в кабинет участкового, под охрану. Задержанный спал, привалившись спиной к стене.

Молоденький сержант, знакомец Денисова, сидевший напротив, шепнул:

— В посёлке ни разу его не видел!

Денисов оставил их вдвоём, вернулся к дежурному.

Объявилась междугородная:

— Москву заказывали? Даю... — Москву дали раньше Донецка.

— Переключите на начальника! На кабинет Лымаря! - Там, за двумя дверьми, Денисов мог говорить без помех.

— Слушаю... — Денисов узнал голос помощника дежурного, Сабодаша за пультом в Москве не было.

— Денисов говорит. Из Планерского... — Он продиктовал: — «Рогов Вячеслав Николаевич...» Проверь при мне. Сейчас. Нет ли его во всесоюзном розыске...

— Постараюсь.

Денисов слышал, как помощник неторопливо набирает номер центрального адресного, объясняется на коммутаторе:

— «Рогов...» — «Роман», «Ольга»... Из Донецка... Ничего нет! — крикнул он через пару минут. — Не разыскивается. Всё?

— Пока да.

Денисов походил по кабинету. Донецк дали не сразу.

Разговор почти полностью повторился:

— Прошу проверить: «Рогов...»

Дежурный в Донецке записал данные, быстро — быстрее, чем на родном вокзале, — связался с картотекой: выдал ответ:

— Прописан, работает. Всё в порядке. Материалами не располагаем.

— Из розыска там никого с тобой рядом? — поинтересовался Денисов. Рассказывать о своих неясных подозрениях следовало только розысникам — память их была организована особым образом.

— Из розыска? Нет.

— Не дежурят?

— На происшествии. Скоро будут.

— Когда вернутся, пусть свяжутся с Планерским. Вот телефон...

Около часа ночи вернулся Лымарь. Он привёз с собой двух мужчин, одинаково жилистых, уже в годах, упрямых и не улыбочивых. Денисов понял: оба имели отношение к машине, поставленной у автокемпинга.

— Товарищ майор! — Дежурный вскочил. — За время дежурства...

Начальник милиции махнул рукой. Вместе с Денисовым и вновь прибывшими прошёл в кабинет.

— Это братья Севаковские. — Лымарь представил обоих вместе. — Пенсионеры... Сергей Александрович и Пётр Александрович... — Он не уточнил, кто есть кто. Жестом пригласил усаживаться. — Будьте как дома. Не забывайте, что в гостях...

Дурашливая присказка содержала некое предостережение, грубоватый намёк — так, во всяком случае оценил Денисов.

Лымарь ничего не говорил зря.

— Капитан Денисов, Московское управление внутренних дел на железнодорожном транспорте... — Лицо его, как и в день знакомства, выражало ту же обманчивую приветливость.

При своей внешней похожести, оба брата сильно различались в одежде и манере поведения.

— Очень приятно, — сказал один из них — в светлом костюме, в галстук; он опирался на тонкую, с тяжёлым набалдашником трость.

Второй — в затрапезном плаще, в кепке — молча кивнул. Он выглядел более угрюмым, малоразговорчивым.

Тем не менее Лымарь обратился именно к нему:

— Вы живете в Курортном. С дочерью и зятем... — Он одной фразой пересказал содержание начатого в дороге разговора. — У вас машина.

— «Жигули», 18 — 17.

— Где она? — Лымарь взглядом пригласил Денисова к разговору.

— Дал одному человеку, — Севаковский отвечал неохотно. — Съездить на пару дней в Симферополь. К приятелям.

— Вы их видели?

— Нет. Он и раньше брал машину. Все было в порядке.

— Как его фамилия?

— Рогов... Слава.

— Где познакомились? — спросил Денисов. — Давно его знаете?

Севаковский взглянул недружелюбно, ответил, однако, полно:

— Здесь познакомился, в Курортном. В позапрошлом году. Они каждый год приезжают. С женой, с ребёнком, с родителями жены. Люди видные... Живут у моего брата. — Он, не поднимая головы, кивнул на Севаковского-С-Тростью.

— Часто давали ему машину? — Денисову требовалось свести вопросы в некую схему.

— Несколько раз. Вообще-то они приезжали на своей. У них тоже «жигуль».

— В этом году Рогов был здесь?

— В мае.

— С семьёй?

— Семья потом уехала.

— Тоже брал машину?

— Да. — Пенсионер забеспокоился. — Машина действительно цела? Или чтоб успокоить?

— Цела. Он получил её чистую?

— Да. Только помыл. Где её нашли?

— На шоссе. Рядом с платной стоянкой.

— Больше он её не получит! — Севаковский-С-Тростью крутанул набалдашником. В их родне он, видимо, был за старшего, и машиной брата тоже распоряжался сам.

Он повторил вслед за младшим:

— Люди видные... — Уточнил: — У тестя кафедра в институте в Донецке. Металловедения или что-то в этом роде. Тёща преподаёт русский язык иностранцам. Жена тоже преподаватель.

— А сам?

— Слава? Деятель от спорткомитета. Связи большие. Олимпийские шерстяные костюмы, «аидасы», спортивный инвентарь. Этого навалом.

— Сам он — донецкий?

— Нет. Мать живёт с младшей сестрой в Старом Осколе.

«Снова наше направление дороги... — подумал Денисов. — Донецк, теперь Старый Оскол. Знакомый поезд: Узловая — Старый Оскол — Валуйки...»

— Там они и познакомились с Валецким, с женой, она там была на практике... — Севаковский-С-Тростью спросил, в свою очередь: — Вы следователь?

— Оперуполномоченный.

— Что-нибудь он натворил?

Денисов не ответил.

— Значит, натворил!...

— Что можно сказать о Рогове?

— Волк-одиночка! — Севаковский усмехнулся. — Вроде со всеми, а близко никого не подпускает... Не смотри, что вроде и на должности, и при звании. И не сидел! А пасть порвёт сразу!

Он хотел добавить позабористее, но Лымарь как бы смехом перебил:

— Он знает! В прошлом за самим был грешок!

— Кто старое помянет... — Севаковский оперся на трость. Но Денисов уже и сам видел: братья были в прошлом уголовниками.

— ...Не хотел я часто встречаться с ним! Но и отказать, честно говоря, не решился. Погоды сухие стоят, дачи горят, как спички!... — Он повертел тростью. — Два лица! Со стороны если глядеть, мужчина красивый... Не то что наш замухрышка! Любит пожить, пофрантить. Я видел, сколько у него косметики. «Для бритья», «до бритья», «после бритья»!... Кремы, туалетная вода. Все импортное, дорогое. Присмотрит ванну, надушится! Король! Этот, как его... Дионис! А жена мягкая, добрая. Не такой муж ей требовался. Болеет. Тихая такая самочка... Должно быть, фригидна...

Денисов представил Севаковского-С-Тростью во время расцвета его уголовной деятельности — острым на язык, жёстким, поверхностно начитанным! Подобием известных ростовских и одесских воров. Симпатии он не вызывал.

— У вас есть телефон Рогова в Донецке?

— Попробую найти. Он у меня дома.

— Сразу позвоните... А как у него с тестем?

Молчавший все это время Севаковский-младший сказал:

— Тестю он первому голову оторвёт... Но это потом. А пока нормально: машина, поездка, дача — все за счёт тестя... Тесть — для него главное! Он и женился-то на нём, на его деньгах. На наследстве!... — Он замолчал, братья стояли друг друга.

— Рогов не говорил... Он приехал в Планерское из Донецка? Из Москвы?

— Об этом не говорили, — Севаковский-старший оперся о трость.

Денисов прошёл по кабинету, подошёл к окну. Посёлок спал. В отделении было тихо. Близко, за стеной дежурного, пищала рация.

С дачи Роша не позвонили, хотя шум и беготня в саду не могли не потревожить художницу.

Денисов снова вошёл в разговор:

— Что ещё можно сказать о нём?

— Быстро сходится с людьми. Только приедет — через день уже постоянный пропуск в Дом творчества. На корт, в библиотеку... Уже с писателями под ручку!...

— Много читает?

— Не видел, чтобы читал, а книги менял часто. — Севаковский-С-Тростью вернулся к тому, что успело в нём засесть прочно с начала разговора. — Значит, натворил! Ясно! Тесть — он за дачу заплатит, а на карман — шиш! А Славу без коньяка, без компании — без сотни в кармане, без девочек и представить трудно. При том, что всем должен! Тут-то «адидасы» да олимпийские костюмы, наверное, и пошли в ход...

— Этого человека вы никогда с ним не видели? — Денисов достал снимок. Севаковский-старший долго вглядывался в посмертную фотографию Ланца.

— Никогда.

— Фамилия Волынцев ни о чем не говорит?

— Нет. Впервые слышу.

— Ширяева Наташа, переводчица? Веда?

— Нет, нет.

— Рогов не приходится родственником художнице Роша?

— Сусанне Ильиничне? — Братья усмехнулись. — Ни в коем разе!

Денисов снова вызвал Москву, дежурку:

— Ответы на мои телеграммы пришли? Я давал поручение опросить людей, с которыми Волынцев общался в Коктебеле...

Отвечал помощник, Сабодаша все не было на месте.

— Несколько телеграмм. Их продублировали в Планерское. Ещё с вечера. Не получал? Узнай на телеграфе!

Денисов положил трубку, тут же его вызвали вторично. Создалось впечатление, что для девушки с междугородной его разговор с Москвой не остался тайной.

— Тут телеграмма для вас. — Она даже не спросила его фамилию. — Примете по телефону?

Это были ответы на запросы, переданные по телетайпу в Судак утром и накануне.

— ...«Хабаровск. Строева Маргарита Алексеевна находилась в Доме творчества «Коктебель» с 28 апреля по 24 мая...» Успеваете? «Знает Волынцева как соседа по столовой. Характеризует малоразговорчивым, замкнутым. Несколько раз видела в бухте Тихой с женщиной средних лет. Её приметы...»

Денисову почти не пришлось записывать: приметы женщины он знал достаточно хорошо, а установочные данные свидетелей шли от регистратора Дома творчества через него самого.

— ...«Зарипов Шукурбек сведениями о дружеских, интимных связях Волынцева не располагает...»

Телеграмм было несколько. «Не располагает», «не установлен», «не помнит»...

Одна из привычных фраз милицейского обихода обязательно присутствовала в каждом ответе; в одном — из Орши — все три встретились вместе.

После звонков и переговоров в отделении снова стало тихо. Трещал сверчок. Дежурный читал милицейский журнал, свежие номера «Советской милиции» принесли днём, при Денисове.

Сбор первых доказательств был закончен, и все дело было в том, чтобы их систематизировать. Однако ничто не подсказывало, как выстроить логический ряд, и не было трудной мысли, которая обычно предшествует озарению.

— Машина не вернулась? — Денисов подошёл к столу дежурного.

— От Севаковских? Пока нет.

Лымарь позвонил из дома:

— «Волк-одиночка!» — Он охарактеризовал Рогова словечком, заимствованным у Севаковского-С-Тростью. — Что и говорить! Личность опасная. Но и Волынцев, Ланц этот, хорош!...

В телефонную трубку проникли звуки настраивающегося симфонического оркестра. Знакомый по сотням радиопередач хорошо поставленный голос объявил состав исполнителей.

— Это на линии, — предупредил Лымарь. — Волынцев ублажал Рогова, потому что через него надеялся попасть в компанию знаменитостей! Престижных творческих людей — Веды, Роша, их знакомых... Так?

На стене стукнула минутная стрелка часов, днём Денисов не обратил внимание на металлический плоский квадрат с указателями из жестяных обрезков.

— Пожалуй... — В рукописи на этот счёт имелось прямое указание автора.

— А Рогов — авантюрист. Он не упускал случая пустить пыль в глаза. — Лымарь попробовал развить мысль. — Потому и назвался племянником вдовы Роша...

Чувствовалось, что Лымарь не знает рукописи Ланца. Он допускал одну неточность за другой. Сказал, в частности:

— Ланц мог посвятить Рогова в свои проблемы. Вами ещё не установлен мотив убийства...

Алюминиевая стрелка на циферблате громыхнула снова, казалось, неиспользованные ночные минуты, уходя, не исчезают, а превращаются в металлолом.

«Проблемы Ланца все известны... — подумал Денисов. — Они все до одной в его рукописи...»

— Может, тебе поговорить с Роговым? — Лымарь всё не до конца отдавал себе отчёт в происшедшем.

— Есть ли смысл... — Денисов не хотел его обижать. «Рогов наверняка запомнил мою фамилию. Вряд ли он разговорится в моем присутствии...»

Существовало одно важное обстоятельство: в Москве, отвечая в то утро из дежурки по прямому проводу «пассажир — милиция», Денисов, как положено, назвал себя прежде, чем теперь уже знакомый, молодой, с одышкой голос произнёс:

«Все знает носильщик, жетон 46. Пусть скажет, куда он дел оружие...»

Дождаясь звонка от Севаковского-старшего, Денисов форменным образом маялся: вышел в дежурку — там было по-прежнему тихо, все проводившие ночь в поселковом отделении находились на своих местах.

На улице неярко горели светильники. Фотографии на стенде «Их разыскивает милиция» выглядели едва различимыми.

Денисов вспомнил. В туристической поездке по ФРГ, в Гамбурге вместе с Линой рассматривали они фото перед полицейским участком на Репербанштрассе — портреты разыскиваемых преступников были ярко освещены, под каждым была проставлена сумма вознаграждения за предоставление сведений — «50000 д. м.», «100000 д. м.».

«Принципиально разные методы розыска...»

Звонок, которого он с таким нетерпением ждал, раздался около трёх утра.

— Не спите? — звонил Севаковский-старший. — Я тоже. Отвык. Днём кое-как перемагаюсь да ещё на рассвете прихватываю пару часов. А теперь ещё неприятность с машиной... Вы скажите мне правду: цела? Не очень он её?

— Цела. — Денисова интересовало своё. — Телефон в Донецке нашли?

— Всё перерыл. Записывайте. Это — тестя... — Он продиктовал фамилию, номер телефона. — А это — молодых...

— Спасибо. Как зовут жену Рогова?

— Валентина. Валентина Хрисанфовна... Только она не Рогова, а под девичьей фамилией матери. Там все сложно...

В Донецке, несмотря на глухой ночной час, трубку подняли сразу:

— Алло... — Голос показался Денисову тревожным, женщина не спала.

— Валентина Хрисанфовна? Разбудил? Пожалуйста, извините.

— Пожалуйста. Я болею. — Голос был детский, капризный. Похоже, она была рада звонку. — Весь день сплю... — В том, что жена Рогова не спросила: «Кто звонит?», «Кого вам?», а выполнила предписания этикета, был обнадеживающий знак. — Вам, наверное, Славу? Его, к сожалению, нет.

— Он собирался в Москву...

— Сейчас он в Старом Осколе.

Давно? — Денисов прикинул даты.

— Уже больше недели...

— Я думал, в Москве.

— Нет. Я сама брала ему билет в Старый Оскол. Туда и обратно.

— Когда вы его ждёте?

— Завтра. А если успеет, то уже сегодня к вечеру. — Она говорила как человек, которому нечего скрывать. — Он там у родни.

— Звонит?

— Каждый день по несколько раз... — Она не удержалась от маленькой похвальбы, — но он не знает, что я болею.

— Не сказали?

— Зачем? Он бы всё бросил, прилетел!

— Действительно, у вас простуженный голос.

— Тут и другие нехорошие явления... — Денисов почувствовал, что проник в чужой хрупкий мир незнакомого человека, мир, которому, как он понимал, уже в ближайшие часы суждено расколоться. У Денисова не хватило духу намекнуть ей на это.

— Нервы?

— Вот именно.

— Доктор вас наблюдает?

— У мамы двоюродный брат известный невропатолог...

Был соблазн поинтересоваться: «В Москве?», «Как его фамилия? Сазонов? Окунев? Не через вашего ли мужа Волынцев попал в Москву к Сазоновым на квартиру?»

— И что медицина?

— «Поменьше волноваться. Нервные клетки не восстанавливаются...»

— Поправляйтесь, — прощаясь, пожелал Денисов.

Приняла ли она его за другого? Выражало ли нежелание узнать, с кем она разговаривает, небрежение к кругу знакомых мужа и некий обидный снобизм?

«Всё было жёстко рассчитано Роговым! Вплоть до алиби...»

Денисов с минуту сидел молча.

«Железнодорожные билеты куплены до Старого Оскола и обратно... Спустя какое-то время можно будет доказать, что в дни убийства Волынцева и вдовы Роша Рогов находился за тысячи километров от обоих мест преступлений — от Москвы и от Коктебеля — у родственников, в Старом Осколе...»

В специальной литературе, распространявшейся по списку, и полухудожественной — вся начала века — «Дело об убийстве Марии Лесковой», «Дело об убийстве г. Фон-Зона в Спасском переулке», «Процесс семьи Шарбан», «Дело Тарновской», «Убийство в Гусевом переулке», которую Денисову пришлось прочитать за последние годы, психология убийц рассматривалась разно: надо быть криминологом, чтобы сделать чёткие выводы.

«Жить — значит наслаждаться...» — признавалось большинство совершивших корыстные убийства — от банальных до самых изощрённых.

Но «волки-одиночки» были опасны особенно.

Денисов запомнил одного из них. Тим Тоде, общительный сельский парень, младший в семье и общий любимец, в течение часа из-за наследства хладнокровно умертвил своих — отца, мать, сестру, четырёх старших братьев и служанку, — одного за другим под разными предлогами выманивая из избы во двор. Соседям он объявил, что на дом налетела банда, и он один остался в живых, спрятавшись в погребе.

«Неутолимая жажда удовольствия... Нет жалости, одна озлобленность...»

На общей могиле погибших по выбору Тоде была сделана надпись: «Человек, будь всегда готов предстать перед Всевышним!...»

Ещё Денисов подумал о Рогове:

«Первое ли это его преступление?»

Дежурный все ещё сидел с журналом.

— Новая повесть. — Он смутился от того, что, войдя в дежурку, московский оперуполномоченный снова застал его за чтением. — Невозможно оторваться...

Денисов заглянул в кабинет участкового.

Рогов спал в той же неудобной позе, откинувшись широкой спиной к стене. Выражение его рыхлого лица было усталым, снисходительно-вялым и недобрым даже во сне.

«Расслабь он мышцы, и на лице появится высокомерная подловатая усмешка...» — подумал Денисов.

Сержант за столом играл карандашами, взад и вперёд перегоняя по столешнице.

— Да! Ещё телеграмма из Москвы! — вспомнил дежурный. — Вы как раз выходили... Я записал. Вот! — Он спрятал журнал в стол, достал телеграмму.

— ...«Сутыгин Арсентий Иванович, — читал вслух Денисов, — находился в Доме творчества «Коктебель» вместе с Волынцевым Александром Андреевичем... Волынцев держал себя замкнуто, дружеских связей ни с кем не поддерживал...» Так!... — В телеграмме дальше стояло: «Незадолго до отъезда из Планерского Волынцев познакомился с молодым мужчиной по имени Слава. Установочными

данными на Славу не располагает. Приметы...» Сутыгин давал удивительно точное описание Рогова: «Лицо красивое, но обрюзгшее, манеры мягкие, но сразу видно, что мягкость нарочитая, маска...»

Денисов спрятал телеграмму:

«Первый раз Рогов и Волынцев встретились в документе уголовного дела. Не в эссе и не в моих предположениях!»

Он поблагодарил дежурного:

— А теперь ещё раз закажите Москву. Вокзал. Отдел внутренних дел.

— Слушаю... — Трубку в Москве снова взял помощник.

— Попробуй меня соединить... — Денисов продиктовал номер телефона. — Сутыгин Арсентий Иванович...

— Сейчас?

— Ну!

— Попробую...

Щелчком тумблера он словно поверг Денисова в пустоту.

Звуки исчезли. Медленно-однообразно поползли секунды.

Мысленно Денисов увидел освещённый этаж знакомого милицейского здания. Пустой перрон впереди.

«Ушла последняя электричка и три последних ночных поезда... Тамбовский скорее всего подавали на тот же путь, как и шесть дней назад, в ту ночь, когда погиб Волынцев...»

Чёрная громада элеватора с разбежавшимися по фасаду паутинами лестниц заслоняла вокзал...

— Даю! — ворвался голос помощника дежурного в Москве. — Сутыгин у телефона! Говорите.

— Я из Крыма! — крикнул Денисов. — Из Коктебеля, где вы весной отдыхали. Оперуполномоченный Денисов...

— Меня уже допрашивали... — Голос Сутыгина оказался хриплый, будто ему сдавили горло. — Я знаю: Александр погиб. Все записали...

— Товарищ, который к вам приезжал, был плохо знаком с деталями. Ему дали список вопросов... — Слышимость была отличной. — Очень серьёзное дело!

— Спрашивайте!...

Денисов знал: если действительно нужно, люди сразу это чувствуют.

— ...Вообще-то нам не пришлось общаться... — прохрипел Сутыгин. — Перекинулись ещё в первый день двумя-тремя словами и всё поняли друг про друга. Судьба-то одна: работаем! В свободное время, в отпусках — пишем!

— Кто вы по профессии?

— Рыбак! И ещё литератор!

— Что вы можете сказать о своём соседе?

— Держался особняком. Замкнуто. Компаний не водил... — Сутыгин задохнулся.

— Давал вам что-нибудь читать?

— Из своего? Несколько эссе. Что-то вроде «Признания в любви Прекрасной даме». Мучился, стеснялся... Оказалось, судьбы наши схожи: не налаженный быт...

— Кто его дама? Назвал?

— Он мне показал её на теннисном корте. Она была с компанией... И потом я её встречал. Хорошо одевается. В очках...

— Он к вам проникся, — признал Денисов.

— Мы бы, безусловно, сошлись ближе, к тому всё и шло! Но тут ко мне приехали... — Сутыгин как-то особенно шумно закашлялся. — А Саша неожиданно подружился с одним из отдохавших. Я упомянул его в протоколе допросов. Со Славой!

— Что он собой представляет?

— Весьма скользкий. Живёт где-то на юге. Я, между прочим, как-то предупредил, чтобы Саша с ним поаккуратнее...

— Что-то произошло?

— Мы оба ушли, Слава один остался в комнате. Неожиданно мне пришлось вернуться — забыл полотенце. Я видел, как Слава рылся в рукописи. Что мог он там искать?

— Ещё минуту, — попросил Денисов.

— Пожалуйста. Как там погода, в Коктебеле?купаются?

— Да, но сейчас, похоже, погода сильно испортилась... Эссе Ланца... Простите, Волынцева. «Признания Прекрасной даме»... Как они в смысле объёма?

— Страниц пятьдесят — шестьдесят...

«У нас, выходит, меньше половины!...»

— По-вашему, Волынцев и Слава раньше знали друг друга?

— Думаю, нет. Я понял, что Слава входил в ту же компанию писателей, что и она...

«Думаю, да», «думаю, нет»... — Денисову показалось, что он исчерпал запас точных сведений. — Надо заканчивать».

Он спросил ещё:

— Может, вы знаете и других их общих знакомых?

— Одну, пожалуй! Я забыл об этом, когда допрашивали... — Сутыгин надсадно закашлялся. — Старуха, известная художница! Она живёт в Коктебеле...

— Роша?

— Фамилии не помню. Дача недалеко от спасательной станции...

«Роша», — подумал Денисов.

— Саша говорил мне, что он собирается посетить её вместе со своим новым знакомым...

Концу разговора мешали посторонние включения — это на коммутаторе оперативной связи в Москве, через который шёл разговор, кто-то несколько раз нетерпеливо снимал трубку.

— Алло! — Едва Сутыгин простился, крикнул Сабодаш: - Ты искал меня? Живой?

В отличие от других дежурных, Антон никогда не спал ночью и к утру только лучше себя от этого чувствовал.

— Да. Работы много?

— Полно. Я только что вернулся с линии. У тебя там какой час?

— Как и в Москве.

— Понятно. Ты чего-то хотел?

— Срочное дело... Найди ключ от кабинета, в котором занимается Королевский. Он в Харькове. Ключ где-то в дежурке.

— Знаю.

— В шкафу висит костюм, который был на погибшем. В целлофане.

- Так.
- Новый, синего цвета.
- «Вест-Берлин». Карманы зашиты.
- Все, кроме заднего. Вызови из дома эксперта... — Денисов почувствовал, что Антон приуныл на том конце провода. — У него в сейфе пистолет «пума», из которого произведён выстрел... Пока машина ходит за экспертом, позвони Кравцову, он приедет на своей. Надо провести следственный эксперимент. Входит ли «пума» в задний незашитый карман брюк. Понимаешь?
- Значит, всё-таки убийство? Ты разгадал! — За всю их совместную службу Сабодаш в нём ни разу не усомнился.
- Думаю, да. И ещё! Антон!
- Всё, что скажешь!
- Поставь плёнку. Ту, что мы утром тогда записали...
- «...Всё знает носильщик. Жетон 46»?
- Да! Хочу ещё раз услышать...
- Последним в серии звонков был вызов из Харькова. Звонил Королевский:
- Что это у нас сегодня? Коллективная бессонница? Звоню в дежурку в Москву — говорят, ты задержал убийцу...
- Денисов подробно ввёл его в курс дела.
- То есть пока только цепь умозаключений... — Королевский был слегка разочарован.
- Думаю, к утру всё будет определённые... Что в Харькове?
- Пока ничего особенного. — Было слышно, как Королевский щёлкнул зажигалкой. — К осмотру квартиры Волынцева приступили поздно. Сделали перерыв на ночь. Утром опять поедем.
- Какое впечатление?
- Следователь подумал.
- Жил в однокомнатной квартире. Один. Не женат... В ванной тем не менее женский халат, в прихожей — босоножки. Тридцать седьмой размер... Материально обеспечен. Предметов роскоши не видно. По крайней мере, на глазах. Гарнитур. Картина...
- Автор — Роша?
- Армянская фамилия. Барсегян? Ещё диктофон.
- Записные книжки, кассеты?
- Все есть. Адреса, телефоны. Попробую разобраться, в чём заговздка... Не знаю, передали ли тебе! Ведь в тот день, когда Волынцева первый раз заметили у нас на вокзале, он утром прилетел в Харьков! Из Тувы!
- В тот день? — Это было новостью.
- Да! Прилетел, бросил вещи... — Королевский чуточку театрализовал: скорее всего был не один, с харьковскими коллегами. — И сразу улетел в Москву! Рюкзак лежит посреди комнаты!
- Раскрытый?
- Да. Такие вот несуразности... — Он был доволен произведённым эффектом. — На всякий случай запиши телефоны, можно звонить.
- В гостиницу?
- И на квартиру Волынцева тоже. Вот телефон его соседей, они мои понятия... Всё?
- Посмотри: пишущая машинка, рукописи могли уместиться в рюкзаке?

— Могли, я смотрел.

— Он их взял, по всей видимости!

— Но что за спешка? Тува — Харьков — Москва... Примчатся, чтобы погибнуть!

По неосвещённым аллеям Дома творчества гудел ветер.

Погода испортилась.

Денисов услышал море, оно било глухими ударами неподалёку, за белевшими между деревьями домами. Казалось, в гигантской русской бане плещет на огромную раскалённую каменку волна и с грозным шипением мгновенно испаряется.

В одном из писательских корпусов окно было освещено. Когда Денисов проходил, оттуда доносился негромкий треск пишущей машинки.

«ТИХО!» — предупреждало различимое лишь вблизи объявление на перекрёстке. — «РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ!» Напротив было начертано чёрной краской:

«ВЕРНАЯ РУКА — ДРУГ ИНДЕЙЦЕВ. Начало в 20 часов».

«Верная рука...» — Денисов поймал себя на том, что, и отойдя на порядочное расстояние, продолжает повторять: «Верная рука», «Кожаный чулок», «Отчий дом»...

Придя к себе, он заварил чай, снова разворошил рукопись:

«Анастасия! Такою я, юношей, представлял себе женщину, которую полюблю и с которой проживу всю жизнь. Потому и полюбил её в первый же час!...»

«Если бы она любила тебя, разве захотела бы, чтобы ты уехал отсюда раньше! Как просто! Пойми, безумец! И сейчас её нет. Давай же оправдывай её, скажи, что она смотрит на часы, скучает. Ты надеешься разжалобить её сердце, если она увидит, как ты сидишь здесь, не зажигая огня, один в темноте. Услышит твой дрожащий голос... Не будет этого!»

«Чужая красивая драгоценность... Утром я просыпаюсь в твоих хоромх бездомной голодной собакой...»

Итог этой темы, отмеченной ещё литературным консультантом Союза писателей, восходил к мысли, выраженной в эпитафии:

«...Тут лежит перо Жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его...»

Не это, безусловно, интересовало Рогова, когда ему наконец удалось в отсутствие хозяев номера заглянуть в рукопись Волынцева.

И не это:

«...Не берет за руку, отодвигается, когда я касаюсь её. «Не целую. Не беру за руку. Значит, не могу. Не это главное. Решай, как тебе легче. И не рассказывай о своём комплексе...»

«...Я люблю тебя. Сегодня. У меня никого нет. Был муж, теперь ты...»

Денисов привычно перевернул несколько страниц:

«...Моё уязвлённое честолюбие, нескромность, остатки гордыни, которая, как оказалось, не исчезла до конца, зависть, недружелюбие — все поднялось во мне во имя этого чувства, рядящегося под самую сильную и светлую любовь в жизни!»

«...Я бегаю за тобой! Это стыдно и сладко. Мы как в школе. За нами следит весь класс. Ребята открыто меня презирают, мы дерёмся каждый день...»

«...Моя жизнь прошла бездарно. В ней не было ни блеска, ни машин, ни имён...» «Все кончилось. Рано или поздно это должно было случиться. Не хотелось ни говорить, ни двигаться. Я чувствовал себя тем, кем не был, может, на самом деле, но в результате стал — честолюбивым пронырой и лицедеем...»

Денисов нашёл то, что искал:

«...Я нагнал его, он шёл почти бесшумно. Мы дважды вернули вправо. Исчез. Но стука двери не было. Я остался. Видимо, он заметил меня. Кто он? Профессор, с которым я так и не познакомился? Я мог простоять всю ночь. Было ещё темно, когда он появился снова. Я шёл за ним...»

«Что? Что надо?» Я подошёл, когда он уже сидел в машине. Высокий, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган».

«Перст судьбы: он — племянник...»

«...Он оглянулся, исчез и отсутствовал минут семь, может, больше. На этот раз он меня явно не видел. Я стоял не шелохнувшись. Потом он появился снова, он нёс что-то длинное, плохо различимое в темноте; оглядевшись, бросил рядом с забором. Когда шаги его не стали слышны, я подошёл: в траве лежал багор, наподобие пожарного. Я забыл, что у людей свои корысти, дела. Когда-нибудь мы посмеёмся над перипетиями этой ночи...»

Денисов завернул рукопись, бросил в сумку электрокипяtilьник, туалетные принадлежности — нехитрый свой скарб.

Он знал: у него не будет времени вернуться сюда. С особой тщательностью оглядел номер, вышел, запер за собой дверь. Это было как бы продолжением игры:

«Тот, кто въедет утром, не должен догадаться, что до него тут жил оперативный уполномоченный розыска...»

В аллеях густо лежала темнота. Одно из окон писательского корпуса все ещё было освещено. Стрекот машинки доносился глухо, неразборчиво. У ворот Дома творчества никто не сидел. Денисов вышел на центральную улицу, сероватые тени скрывали посёлок.

Денисову стало спокойнее. Он знал, почему неверна версия начальника коктебельской милиции в том виде, как Лымарь её сформулировал:

«Волынцев мог посвятить Рогова в свои проблемы...»

«Он спутал, Лымарь! Проблемы Ланца хорошо известны. Все. До одной! Из его рукописи!... Именно они привели его ночью в мае к даче...»

Электроника слабо пискнула. В Москве начинало светать, в Планерском рассвет ещё и не предвиделся.

«...Он выслеживал счастливого соперника, который готовил убийство вдовы Роша! И теперь нас не может не тревожить вопрос: будут ли учтены показания убитого, записанные им в дневники, где герои надёжно упрятаны под псевдонимами?»

Всё вставало на свои места:

«Рогов назвался племянником вдовы, чтобы объяснить ночное вторжение на чужую дачу... Он и не предполагал, что вдова Роша, её племянница, Наташа, Волынцев, а теперь и он, Рогов, после этого навсегда окажутся связаны как родственники, члены одного клана в болезненном воображении неудачливого литератора...»

На шоссе было по-прежнему тихо, только у автобусной станции негромко играла гитара. Туристы пели, сгрудившись у рюкзаков.

«Мать моя, — донеслось до Денисова. — Давай рыдать, давай думать и гадать, куда, куда меня пошлют...»

«...И в случае любого ущерба, нанесённого вдове Роша, в этом самом порядке и будут внесены в первый же протокол допроса Волынцева! «Никогда!» — понял Рогов, прочитав приведённое в эссе Ланца описание, пока жив Волынцев, ему уже не завладеть, не подвергая себя огромному риску, миллионами вдовы Роша!... Никогда!»

Денисов прошёл рядом с туристами. Песня оборвалась: его спросили, который час, он машинально ответил.

«Рогову пришлось выбирать: либо отказаться от преступления, либо решиться на двойное убийство. И решать быстро — осенью, когда Роша получала оставшиеся деньги, Ширяева и Волынцев снова собирались в Коктебель...»

— Спасибо, — донеслось с рюкзаков.

— Пожалуйста.

«У волков-одиночек не остаётся потерпевших. Свидетелей в живых они, как правило, тоже не оставляют. Поэтому он избавился от Волынцева... Это разгадка. Но первое ли это дело Рогова? Слишком тщательно и безжалостно оно готовилось...»

Денисов не раз приходил к выводу о благодатной роли задач, кажущихся неразрешимыми: «К сожалению, только, гордиев узел часто легче рассечь, чем обнаружить...»

— Слушаю. — Лымарь снял трубку подозрительно быстро. Видимо, собрался в отделение. — Не мог уснуть. Звонил - тебя не было. Ты уходил?

— К себе. Собрал вещи.

— Думаешь, уедешь?

— Наверное. Сюда прилетит следователь. Королевский.

— Ты что-то хотел?

— Надо послать сержанта в посёлок.

— К Роша?

— К Веде. Хорошо, если она с мужем сходит к художнице.

— Я съезжу сам. Всё?

— Да.

Денисов положил рукопись на стол. Она была всё ещё раскрыта на знаменательном месте:

«...Когда-нибудь мы вместе посмеёмся над перипетиями этой ночи...»

Частыми громкими звонками оповестила о себе междугородная. Денисов снял трубку.

— Донецк вызывает... — На линии была все та же телефонистка. — Говорите.

— Денисов, слушаю.

— Доброе утро!... — Донецкий розыскник не стал тратить времени, взял быка за рога. — Как его фамилия, которым интересуешься? Рогов? Дежурный правильно записал?

— Да. Рогов Вячеслав...

— Николаевич... Я проверил. Прописан, работает... Ничего за ним нет.

Денисов надеялся, что задержанный как-то известен Донецкому уголовному розыску.

— И на слуху?

— И на слуху тоже. В связи с чем ты интересуешься?

— Думаю, он одиночка, чистодел. Не оставляет следов...

Розыскник внимательно слушал.

— ...Здесь продана дача. Деньги большие. Часть заплатили в мае, часть позавчера. Оба раза делал попытки... Если что, его бы сто лет искали! Машину оставлял у стоянки, но так, чтобы избежать регистрации.

— У него машина? — Донецкий розыскник заинтересовался: у них, видимо, было что-то связанное с машиной.

— «Жигуль».

— А кто на даче?

— Хозяйка. Ей за восемьдесят.

— Одна?

— Да.

— Это меняет дело. Шулятников!... — крикнул он кому-то.

Денисов слышал, как донецкие оперативники коротко перебросились несколькими фразами.

— Здравствуйте. Внешность Рогова можете описать? — спросил Шулятников. Он держался официально.

— Высокий, молодой...

— Ещё!

— В очках, рыхлый. Я разговаривал сейчас с его женой. Он обеспечил себе алиби: на всякий случай приобрёл билеты в Старый Оскол.

Собеседник на линии уточнил:

— Вы из Планерского? Старший опер?

— Москва. Транспортная милиция.

— В отпуске?

Денисов не мог бы сказать, кто из оперативников его спросил. Первый? Второй?

— Командировка. У нас убийство на Павелецком вокзале. Меньше недели назад. Я подозреваю Рогова.

— А доказательства? Санкцию на арест получите?

— Пока не знаю. Доказательства все больше косвенные.

Абоненты в Донецке тихо посоветовались. Наконец один спросил осторожно:

— Как он? Книжки читает?

— С этим благополучно... Первым делом незаконно выхлопотал пропуск на территорию Дома творчества! На корт и в писательскую библиотеку...

— Стоп! Я пошёл звонить начальнику розыска.

— Интересует? — спросил Денисов.

— У нас нераскрытое убийство. От ноября прошлого года. Потерпевшая — Смааль Валерия Иосифовна. Тоже одинокая, пожилая.

Преступник молодой. Приехал на машине. Всех перебрали — знакомых, родственников...

— Так...

— Теперь книголюбам занялись. Ты сказал — сразу по приезде в библиотеку записался. А наша Смааль работала в библиотеке на общественных началах. Сначала проверим, нет ли на Рогова читательского формуляра...

— Долгое дело?

— Зачем? Наш контингент весь выписан!

ХIII. ОТЧИЙ ДОМ

Компания, приехавшая вместе со старшим оперуполномоченным Пашениным — Веда, её муж, йог — Зубарев, Ширяева, Мацей, — сразу же заняла его кабинет, лишила телефона, а самого Пашенина выселила в комнатёнку, именуемую «лабораторией». Один из сотрудников уже занимался там «фотоделом» — тиражировал изображения задержанного.

— На даче перерезан телефон... — объявила дежурному Веда. — Сусанна, бедняжка, всю ночь пыталась дозвониться — не смогла...

В посёлке было по-прежнему темно, тихо. В милиции царило возбуждение. Ширяева несколько раз принималась плакать, её успокаивали. Говорили все разом. Пашенин снова комплексовал: появление большого числа представителей творческой интеллигенции его нервировало.

Веда выступала громче и увереннее всех, именно она — не старший опер — сообщила дежурному последние вести с места происшествия:

— Приехала опергруппа из Судака. С розыскной собакой. Джемом. Сейчас все там. И начальник милиции, и Сусанна. Все на даче.

— Вы подходили к окну со стороны сада? — поинтересовался дежурный. — Окно не разбито?

— Окно цело. Нам показали. Под окном брошен длинный крюк...

— Пожарный багор, — подсказал Георгий. Муж.

— Они пытались его просунуть в форточку, сбросить крючок с внутренней двери. Что-то спугнуло...

Потом вся компания по очереди ходила во двор — «мыть руки». Все та же Веда, проходя, случайно в кабинете участкового заметила Рогова. Он её тоже заметил.

— Привет, Слава!

— Привет, ребята! — Рогов писал объяснение. На секунду он замер, держа авторучку над форменным бланком.

— Ты тоже здесь? — удивилась она.

— И я, Ведочка, — Рогов криво улыбнулся, но голос его не дрогнул, звучал всё так же мягко, ласково.

«Этот будет бороться за жизнь до конца...» — подумал Денисов.

— Давно приехал? — спросила она, все ещё ничего не понимая.

— Давно. Очень давно, Ведочка.

Участковый, сидевший напротив, встал, чтобы закрыть дверь.

— Надолго? — ещё спросила она.

— Очень надолго. Думаю, на всю жизнь. — Денисов поймал на себе испытующий взгляд.

Веда, к счастью, ничего не поняла или не захотела понять.

— Знаете его? — поинтересовался Пашенин.

— Славу? А как же! Он нам новую дорогу показал в Старый Крым. — Георгий при этих словах заметно помрачнел, но она успокоила его.

— Он ухаживал за дочерью... — Веда назвала фамилию довольно известного писателя. — Потом куда-то исчез...

— За окном дачи, где решётка... — спросил дежурный, когда они снова вернулись в кабинет старшего опера. — Там кабинет? — Он готовится отвечать на звонки, которые вот-вот должны были последовать — из Симферополя, Киева, может, даже Москвы.

— Спальня. И казна! Сусанна держит там свои побрякушки...

— В шкафу?

— В металлическом ящике. — Ширяева вытерла глаза платком, вступила в разговор. — Ключ от него всегда при ней. Она бы его ни за что не отдала! Я её знаю. Представляете, что могло быть!

Денисов ловил на себе взгляды Веды, её мужа. После происшедшего они выражали только отчуждение и опасливую осторожность.

«Известный синдром. — Денисов отвернулся. — Люди, боящиеся крыс, переносят свой страх и на крысоловку тоже...»

— Я могу засвидетельствовать: Сусанна — женщина очень мужественная! — важно заметил Мацей.

Увидев Денисова в отделении, он с секунду колебался: должен ли он делать вид, что никогда не видел его прежде? Они поздоровались.

— Я, между прочим, сразу догадался, кто вы, — с ходу придумал Мацей. Легенде этой было суждено потом долго гулять по дому творчества «Коктебель».

— Не сомневаюсь.

— МУР?

— Транспортная милиция, Московское управление.

— Длинная у вас рука, однако...

Денисов поймал удивлённый взгляд Ширяевой; пришло ли ей в голову, что его приезд в Коктебель связан с нею? С гибелью Волынцева? С их взаимоотношениями?

Что-то удерживало его ещё в кабинете Пашенина. Люди, о которых он читал в эссе? Их манера общения?

— В доме, должно быть, были и другие ценности? — допытывался дежурный.

— Может, им было известно о колье? — Ширяева словно кого-то или чего-то ждала — оглядывалась на дверь. — Сусанна купила его, когда мы жили в Париже, на Рю де Риволи. В доме ещё коллекция греческих икон. Марки Николая...

— Родственника?

— Да, он вот-вот появится. Следователь сказал, чтобы все, кто вечером приходил на дачу, собрались в отделении милиции. Нас допросят... — Она что-то чувствовала — снова оглянулась.

— Денисов — междугородная... — крикнули из коридора.

Он вернулся в кабинет Лымаря.

У телефона был Бахметьев.

— Ну как? — Бахметьев сплеховал только в первой фразе. Может, оттого, что соединение произошло неожиданно.

— Нормально. Вы из дежурки?

— Да. Сюда уже позвонили из Донецка. Я в курсе убийства Смааль.

— Что Донецк?

— Рогов короткое время, пока не определился, обучался на курсах подготовки начальников почтовых вагонов...

С этой минуты Бахметьев повёл разговор твёрдо. Знание известных Денисову обстоятельств дела как бы уравнивало их.

— У нас на вокзале?

— Да.

«Я мог встречать Рогова на парке прибытия...» — подумал Денисов.

— Понятно поэтому, отчего он решил выбрать местом преступления нашу станцию — он её отлично знает! С «пумой» тоже все ясно...

— Бахметьев говорил, как об известном с самого начала.

«У победы сто отцов...» — заметил классик.

— ...В костюме Волынцева оружие лежать не могло. Единственный незашитый карман — узок, пистолет не входит...

Связь неожиданно ухудшилась, голос Бахметьева стал едва слышен.

— ...Он выстрелил в момент, когда манёвровый закрыл платформу, а хлопок выстрела был едва слышен за стуком колёс... Что-то на линии!...

Голос Бахметьева исчез вовсе. Денисов мысленно продолжил:

«...Рогов оставил пистолет на платформе, взял документы и вещи, чтобы личность убитого как можно дольше не могла быть установлена, вошёл в стоящий на путях пустой сцеп. Оттуда он видел Салькова, похитившего «пуму» и тем нарушившего желаемый им планшет места происшествия. Сообщив милиции про носильщика и пистолет, он вылетел в Коктебель. Путь к следующему преступлению был открыт...»

— Алло, Москва...

«А до этого Рогов через жену приобрёл билеты до Старого Оскола и обратно, а сам заезжал в Харьков к Волынцеву...» Денисов с десяток раз мысленно прошёл путь, по которому Бахметьев только пускался в своё недолгое странствие. Но Бахметьев по своей милицейской биографии был обэхээсник и следователь, а он, Денисов, был розыскником.

«...В Харькове Рогов ничего не успел, так как Волынцев, едва прилетев из Тувы, в тот же день мчится в Москву. Рогов едет вместе с Волынцевым в Москву. По-видимому, кто-то, Окунёв или Сазонов, действительно родственники его жены. Он знает о них и по телефону пристраивает Волынцева на квартиру. Там тот живёт, пока Рогов не совершает убийство, инсценировав его как самоубийство...»

Разговор со столицей окончательно прервался.

— Положите трубочку... — посоветовала телефонистка. Денисов так и сделал. Молча ждал.

В милицейском доме все было привычно — мебель, фотография дочки Лымаря на столе под стеклом. Денисов мог перечислить, что находится у Лымаря в запертом металлическом сейфе, в столе, какую одежду он держит в шкафу на случай приезда начальства. В мрачноватом этом кабинете все было, как в том — родном — с колонной, поддерживавшей арочный свод, со стрельчатыми окнами, выходящими на перрон.

Связь с Москвой отсутствовала.

Подумав, Денисов достал рукопись.

«Отчий дом! Здесь ты всегда желанен. Ты ещё и брат, и ребёнок. Тебе лучший кусок! Ты один из пальцев на руке. Здесь спасут, не предадут, не бросят! Обмоют после смерти. Здесь не покинут, когда прозвучит команда: «Дети и женщины садятся в шлюпки в первую очередь...»

«Если я вернусь к Отчему дому, я не забуду, как страдал сам, не сделаю другого несчастливим!»

И дальше:

«...обмануть глядящие с надеждой глаза, дрожащие губы, слышать несвойственное, бодрое: «Никуда тебя не отпущу!» Когда строишь на песке, рано или поздно все равно приходится об этом жалеть...»

«Я уходил бесповоротно, навсегда. К идеалу далёких лет. Длинная белая нить пристала к моей одежде. Я снял её, она поплыла по ветру. Что-то заставило меня оглянуться: нить плыла ещё несколько секунд. Отчий дом отделялся от меня, оставаясь вдали.»

Снова прозвенела междугородная.

— Алло! — сказал Бахметьев. — А это вот и для тебя новость!... С «пумы»-то они следы удалили! А на газетах, в которые завернули пистолет перед тем как подбросить его в метро, остались их отпечатки! Пальцы бригадира — Романа!...

Денисов не удивился. Дактилоскопия и вообще криминалистические науки, родившиеся как инструмент для раскрытия преступлений, обязательно подводили тех, кто пытался воспользоваться ими для правонарушений.

— Ширяева там, в Коктебеле? — спросил Бахметьев.

— Да. Хотели что-то уточнить?

— Я жду звонка Королевского. Думаю, он решит лететь в Планерское.

Бахметьев вернулся к тому, на чём его прервали:

— Чем ты объясняешь стремительные перемещения Волынцева? — Погибший так и не стал для Бахметьева Ланцем.

— Кое-что я предполагаю. — Денисов был готов к вопросу. — Пусть Королевский в Харькове свяжется с телеграфом. А лучше позвонит соседям Волынцева, у них есть телефон. Должна существовать срочная телеграмма, которая пришла накануне возвращения Волынцева в Харьков...

— Не понял!

Дверь в кабинет открылась, вошли незнакомые сотрудники — майор и ещё двое в гражданском. Оперативная группа вернулась с места происшествия. Пора было заканчивать разговор.

Бахметьев это почувствовал, спросил всё же:

— Что насчёт телеграммы?

— Из-за неё Ланц и торопился в Москву. Чтобы попасть к тамбовскому поезду. Алло! В этой истории есть ещё женщина. Он с ней встречался до знакомства с Анастасией. В ту ночь она, видимо, уезжала с нашего вокзала.

— Не понял!

— Он спешил в Москву, чтобы проститься. Может, искал сочувствия и понимания!

— Ну, ладно. Оставляю это на твоей совести. Потом разберёмся! Всё!

— Мне вылетать? Остаться?

— Решим. В течение получаса я позвоню.

С прибытием опергруппы, осматривавшей дачу Роша, отделение наполнилось сотрудниками милиции. Теперь оно напоминало штаб накануне начала массированного наступления. Звонили по всем телефонам сразу. В район и область хлынула оперативная информация. Одновременно всюду в помещении срочно наводили чистоту и порядок. Не исключался приезд высшего областного начальства.

— Звонок с дверей изъяли? — спросил Денисов у старшего следственно-оперативной группы.

— На даче Роша? — Следователь оказался молоденький, с гонорком. Не приходилось сомневаться в том, что это его первое крупное дело. — Нет! Почему вы спрашиваете?

— Если он арзамасский, выпущенный с нарушением действующего ГОСТа, — предупредил Денисов, — то мог быть установлен не случайно. После затяжного звонка кнопка «залипает», накаляется сердечник внутри, воспламеняется лаковая катушка. — Он помнил предупреждение сводок-ориентировок МУРа, даже если проглядывал их второпях, руководствуясь интересами своей — вокзальной — конторы.

— Не задумал ли он сжечь дачу, чтобы не оставить следов? — Следователь нашёл глазами Лымаря. — Товарищ майор! Мы недосмотрели. Поезжайте. Аккуратно снимите. Составьте протокол. Возьмите с собой Пашенина. Срочно!

Лымарь кивнул:

— Сейчас. — Он взглянул на Денисова. — Остаёшься?

— Ещё не знаю.

Несколько секунд, пока они простились накоротке, показались следователю вечностью:

— Прямо сейчас поезжайте! Берите машину!

— Пока, — старший опер Пашенин тоже подошёл. — Вдруг не увидимся! Приезжай!

Лымарь и Пашенин уехали. В ожидании звонка Денисов потолкался по кабинетам. Потекли удивительно неспешные минуты. Ненадолго он стал знаменитостью, на него поглядывали с любопытством. В том числе Веда и её друзья; их всех допросили, кроме Георгия и Мацея. Компания ждала обоих, чтобы идти вместе.

— Вот! Правда, не особенно качественная... — дежурный подал Денисову фотографию Рогова, — но тем не менее!...

На снимке Рогов выглядел одутловатым, с болезненно-рыхлым лицом, в траурной чёрной рамке — следе неровно расположенного при печатании негатива.

— Отправили?

— Да, с нарочным, на телеграф. Для Донецка и в Москву.

Мацей подошёл тоже — ему хотелось загладить холодность, с которой он первоначально встретил Денисова в отделении.

Он не знал Рогова, внимательно разглядывал фотографии:

— Такой молодой... — Чёрная рамка ввела его в заблуждение. — Между прочим, с нами человек, который кое-что в этом понимает, может помочь. Никита!

Зубарев — высокий блондин, йог и экстрасенс, по терминологии Денисова, — положил фотографию на стол, принялся пристально вглядываться. От напряжения на висках у него выступили бисеринки пота, потом Зубарев поднял ладони, медленно покружил ими, не касаясь бумаги.

«Самый невзрачный, казавшийся наиболее простым и понятным, — Денисов вспомнил эссе, — а на самом деле философ, знаток древней «кабалы». — Это о нем!» Он пожалел, что не нашёл незнакомое слово в большом энциклопедическом справочнике.

Зубарев подвёл итог:

— Сердечная недостаточность. И почки не в порядке. Всё вместе. Но в первую очередь сердечная недостаточность. Она и была причиной смерти... — Он убрал руки.

Его тоже ввело в заблуждение траурное обрамление.

— Спасибо. — Денисов ни о чём не обмолвился.

Веда вздохнула у окна:

— Не надо про смерть!

В это время в кабинете Лымаря снова раздался пронзительный звонок междугородной, Денисов извинился.

— Думаю, это мне!

И ошибся.

Звонил Киев — дежурный по министерству требовал список опергруппы, выезжавшей на место преступления. Майор из райотдела перечислил всех — Денисов, как находившийся в это время в кабинете, естественно, упомянут не был. Затем майор скромно выслушал поздравления.

«У победы сто отцов...» Денисов пожал плечами. С задержанием преступника всегда заканчивается некий присущий поединку интим, что ли? Чувство единоборства.

Следом за дежурным сразу позвонил Бахметьев.

— Можешь вылетать. К вечеру в Коктебеле будет Королевский. Всё сделает сам.

— В Харькове нашлось что-нибудь? — Денисов намеренно не спросил про телеграмму для Ланца, и Бахметьев тоже ничего о ней сказал. Видимо, пока не было ничего известно.

— Разыскали свидетеля. Он видел в Харькове Волынцева вместе с Роговым. Донецк передал им его фотографию. Приедешь — узнаешь подробности.

— По нашей фотографии? Из Планерского?

— По донецкой. Изъяли у него дома.

— Значит, жена Рогова в курсе?

— Идёт обыск. Всё, пожалуй. Не задерживайся.

Денисов не успел отойти, как его снова вызвали. На этот раз на проводе оказался Донецк. У телефона был один из оперативных уполномоченных, с которыми Денисов разговаривал ночью, — Шулятников.

— Алло, Денисов! Слышно? С нас приходится!...

«Раскрыто»... — понял Денисов.

— У нас была свидетельница — видела, как преступник садился в машину. Твёрдо опознала Рогова по фотографии, по комплекции тоже подходит...

— Не пойму, как, совершив такое преступление в ноябре, он через полгода решился на новое...

— У Смааль он почти ничего не взял. Ценности лежали в настольной лампе. Потерпевшая словно предчувствовала — попросила зятя спрятать драгоценности, чтобы она и сама не знала, где. Собиралась выезжать за пределы...

— Догадываюсь, чем это для неё обернулось...

— Вот именно. Особая жестокость. Всюду кровь. Всю ночь вместе с ним искала свои кольца по всей квартире... — Он помолчал. — Вашей вдове в Коктебеле сильно повезло.

— Кстати. Как фамилия жены Рогова? Сазонова? Окунёва?

— Окунёва. А что?

— Это для следователя.

— Ты остаёшься? Я, наверное, тоже лечу со следователем в Коктебель...

— Нет! Уже поехал... Минуту — и ты бы меня не застал...

Впереди шла Веда с друзьями, тоже молчаливые, усталые; бессонная ночь ни для кого не прошла бесследно.

Когда Ширяева проходила мимо Денисова, взгляды их встретились.

«У неё большие глаза, округлый подбородок на белом с жёлтыми пятнышками пирамидальном лице, змеистые прекрасные полные губы Моны Лизы... — Он заучил наизусть как ориентировку словесный портрет, чтобы без запинки цитировать регистраторам, официанткам в Доме творчества, в пансионате, на турбазе — везде, где придётся вести розыск. — Длинные сложные уши с серьгами из сердолика под цвет бус. Глаза серо-голубые...»

Денисов мог окликнуть — «Анастасия!» или «Легитим!», Ширяева сразу бы догадалась, что её и оперативного уполномоченного из Москвы соединяет общая тайна. Ширяева могла спросить о Ланце, а он ничего не мог ей сказать: решать, что является пока следственной тайной и что нет, — было законной прерогативой прилетающего в Коктебель следователя.

Несколько минут все шли молча.

Впереди из-за домов послышалась музыка, кто-то нёс включённый транзистор.

«Я вам скажу оди-и-ин секрет... — обвораживая, запел низкий женский голос, — кого люблю-ю, то-го здесь нет...»

Несмотря на дурное настроение, на усталость, компания задвигалась, защёлкала пальцами, принялась пританцовывать.

— Наташа, — окликнула Веда, — думаю, нам лучше сразу отправиться к Сусанне. Успокоить...

— Обязательно. — Лицо женщины всё ещё было прекрасно, мужчины из компании Веды потянулись к ней, чтобы идти рядом.

«О чём ты сейчас думаешь?» — спрашиваем мы каждую минуту друг друга, как дети...» — вспомнил ещё Денисов. — «Мне страшно, что всё это кончится...» Каждый вечер я готов сказать тебе: «Милая, я больше не могу!», а я говорю вместо этого: «Милая, давай поженимся!»

Ему показалось, что он знает об Анастасии и Ланце всё или почти всё.

«Неудовлетворённое честолюбие, — подумал он, — капкан даже для более сильных характеров. Любой неуспех Волынцев приписывал исключительно неумению стать своим в кругу профессионалов, войти в который он всю жизнь стремился. Ловушки, расставленные нам в детстве, рано или поздно обязательно срабатывают...»

Компания сворачивала.

— Мы ещё увидимся? — спросила Веда.

— Наверное. — Он помахал рукой, и Ширяева в ответ тоже подняла руку.

Наступало утро. В небе отделялись более глубокие черные тона.

У автостанции было заметное движение. Из Феодосии прибыл автобус — пустой, с одним-единственным пассажиром — тот, с которым четыре дня назад прикатил и Денисов, — тряский, отправляющийся с конечного пункта ещё затемно. В заднем его стекле тревожно мигали многочисленные огоньки; это караван грузовых машин из Судака сигналил, обозначая обгон.

Денисов вышел на шоссе. Со стороны Судака оно постепенно «одомашнивалось», переходя в более или менее широкую улицу, впрочем, изрядно побитую. Деревьев и мазанок по другую сторону посёлка было меньше, давала о себе знать «промышленная зона» — автостоянки, два или три склада, несколько гаражей.

Было ещё темно, но на шоссе люди уже ждали попутных машин.

— На Симферополь? — спросил Денисов.

— Да, все на Симферополь. В аэропорт.

У почты степенный человек снимал навесные замки с кабин междугородных автоматов. Делал он это основательно, неспешно, на каждое отпирание уходило не меньше минуты.

Подумав, Денисов вошёл в одну из кабин, опустил монету, набрал номер.

В Москве трубку снял Бахметьев, он все ещё сидел за пультом дежурного.

— Новости есть? — Денисов поставил сумку. Куртка, жёстко перехваченная у воротника, коснулась пола.

— Есть. Слушаешь?

— Да.

— Ты прав насчёт второй женщины...

Внимательно перечитывая эссе убитого, этого нельзя было не заметить.

— ...Сейчас позвонил Королевский; у соседей Волынцева в Харькове действительно лежала телеграмма. Когда он прилетел из Тувы, ему сразу её вручили. И он помчался...

— Что в телеграмме?

— Королевский восстановил такой текст, — Бахметьев помешкал, надевая очки. — «Буду Москве проездом поезд 441 вагон 4. Если не встретимся, будь счастлив. Больше не могу. Прощай». И подпись. Какая — в жизни не догадаешься!

— Мне кажется, я знаю. — Денисов вздохнул. — Телеграмма была подписана «Отчий дом».

Даже отсюда было слышно море, неумолчное передвижение гальки. Будто кто-то невидимый, тяжёлый, неспеша шёл вдоль железнодорожного полотна, загребая ногами свежесыпанный гремучий балласт.

За деревьями взмыли огни, несколько человек с обочины перешли на дорогу.

Денисов повесил трубку. Поправил под мышкой кобуру.

Преступление было раскрыто. Он мог не спешить.

Было справедливым, чтобы люди, пришедшие раньше его, уехали первыми.